Кр. 9(С1) Кр.63.3(2...)
Г-16 Г-16

В. Л. Галкин

СУЗДАЛЬСКАЯ РУСЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

EX LIBRIS
Л.С.БОГДАНОВА

ЛИСТОК СРОКА ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач _____

8.12.75

18 X 78

14/IV 92

1.11.94

21/X 97

Воскресенская типография Т.

В. А. ГАЛКИН

Кандидат исторических наук,
доцент Ивановского государственного педагогического института

репро t

Суздальская Русь

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ
ИВАНОВО • 1939

Кр. 9(С134.5)
9 (47)
Г — 16
Г16
кр. 63.3(2Р-4Вл)
Г-16

Автор книги в доступной форме рассказывает об одном из интересных периодов нашей истории — Владимиро-Суздальской Руси, о ее зарождении, развитии и упадке. Одновременно автор показывает борьбу трудящихся против феодальной эксплоатации, справедливую войну русского народа против иноземных захватчиков, междоусобицу князей, развитие и укрепление Московского княжества, являвшегося центром создания русского национального государства. Книга может быть использована как преподавателями, а так же и всеми изучающими историю СССР.

ВЛАДИМ... ОБЛАСТНАЯ...
кр. 3698м

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДАЛЕКОЕ ПРОШЛОЕ ВОЛЖСКО-ОКСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

ДРЕВНЕЙШИЕ ОБИТАТЕЛИ КРАЯ

Опечатки и исправления

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
67	8 сверху	антагонических	антагонистических
97	2 сверху	мордова	мордва

На стр. 87 подпись под планом г. Владимира следует читать так:
— · — · — *Вал Боголюбского.*
— — — *Вал Мономаха.*
▬ ▬ ▬ *Вал Всеволода.*
I. Серебряные ворота. II. Волжские ворота. III. Золотые ворота. IV. Оринины ворота. V. Медные ворота. И дальше как в подписи под планом.

ляется то, что «люди должны иметь возможность жить, чтобы быть в состоянии «делать историю». Но для жизни прежде всего нужны пища и питье, жилище, одежда и еще кое-что. Таким образом, первое историческое дело, это — производство средств, необходимых для удовлетворения этих потребностей, производство самой материальной жизни. Притом это такое историческое дело, такое основное условие всякой истории, которое (ныне так же, как и тысячи лет тому назад) должно выполняться ежедневно и ежечасно для того, чтобы человек остался в живых».[2]

Какие факторы определяют общественное развитие? Что можно считать главными и второстепенными силами, которые направляют развитие общества?

Марксистская историческая наука считает главной силой «в системе условий материальной жизни общества» способ до-

бывания средств к жизни, «способ производства материальных благ — пищи, одежды, обуви, жилища, топлива, орудий производства и т. п., необходимых для того, чтобы общество могло жить и развиваться»[3].

Поэтому история общественного строя, «история развития общества есть, прежде всего, история развития производства, история способов производства, сменяющих друг друга на протяжении веков, история развития производительных сил и производственных отношений людей».[4]

Наряду с этой главной движущей силой общественного развития следует указать на сопутствующие факторы, как-то: географическую среду, рост народонаселения, которые несомненно влияют на развитие общества. Но эти факторы, являясь необходимыми и постоянными условиями материальной жизни общества, не могли быть определяющими общественное развитие. Взять хотя бы для иллюстрации географическую среду, которая изменяется несравненно медленнее, чем общественная среда. В «Истории ВКП(б)» по этому поводу написано следующее: «На протяжении трех тысяч лет в Европе успели смениться три разных общественных строя: первобытно-общинный строй, рабовладельческий строй, феодальный строй, а в восточной части Европы, в СССР сменилось даже четыре общественных строя. Между тем за этот же период географические условия в Европе либо не изменились вовсе, либо изменились до того незначительно, что география отказывается даже говорить об этом. Оно и понятно. Для сколько-нибудь серьезных изменений географической среды требуются миллионы лет, тогда как даже для серьезнейших изменений общественного строя людей достаточно нескольких сотен или пары тысяч лет».[5]

Вот почему географическая среда не может быть главной причиной общественного развития. Главной причиной этого процесса является способ производства, производство.

Население на нынешней территории СССР появилось тогда, когда южные части нашей страны постепенно освобождались от ледяного покрова. Современная Украина по своему климату и растительности тогда была похожа на тундру. Насельники этого края охотились на мамонта, поздним предком которого является слон; мясом мамонта люди питались, его кожей, покрытой длинной и густой шерстью, укрывались от холода, а клыки и кости убитого зверя они употребляли на выделку оружия. Остатки одной охотничьей стоянки на мамонта были найдены в Киеве.

Проходили тысячелетия, и по мере потепления климата ледники уползали на север, оставляя позади себя огромные валуны, обломки горных пород. Постепенно освобождалась от льдов и

среднерусская равнина. Охотники, преследуя мамонта и других диких зверей, дошли и до Междуречья. Клыки мамонта были найдены в Ярославле. С момента, когда вся территория нашей страны была покрыта ледниками, прошло более полумиллиона лет. В послеледниковый период происходило более или менее быстрое изменение естественно-исторической среды.

Древнейшая история населения Центрального междуречья начинается с того момента, когда между людьми существовали родовые, доклассовые отношения.

В изучении доклассового общества огромная заслуга принадлежит Фридриху Энгельсу. На основании громадного исторического материала о первобытном человеке «Энгельс впервые поставил на научную основу историю доклассового общества. Он вскрыл подлинный исторически-преходящий характер таких категорий, как частная собственность, деление общества на классы, эксплоататорское государство. С пьедесталов были свергнуты фетиши, наиболее священные для буржуазии».[6]

Энгельс писал: «Два стихийно возникших факта господствуют у всех или почти у всех народов на заре их истории: разделение народа по признаку родства и общая собственность на землю».[7]

В далеком прошлом люди жили родами — союзами родственников, иногда, в зависимости от условий жизни, возрастающими до нескольких сот человек. А жизнь первобытных людей, наполненная непрестанной борьбой с суровой, дикой природой, была нелегкая.

Владимир Ильич Ленин так писал об условиях жизни людей при первобытном коммунизме: «Никакого золотого века позади нас не было, и первобытный человек был совершенно подавлен трудностью существования, трудностью борьбы с природой».[8]

Людей преследовали дикие звери, — защита от них была доступна лишь коллективу. Коллективно они и охотились на этих зверей.

Коллективизм в жизни людей эпохи первобытно-общинного строя имеет всеобъемлющее научное объяснение в кратком курсе «Истории ВКП(б)». В разделе о диалектическом и историческом материализме написано следующее:

«При первобытно-общинном строе основой производственных отношений является общественная собственность на средства производства. Это в основном соответствует характеру производительных сил в этот период. Каменные орудия и появившиеся потом лук и стрелы исключали возможность борьбы с силами природы и хищными животными в одиночку. Чтобы собрать плоды в лесу, наловить рыбу в воде, построить какое-либо

жилище, люди вынуждены работать сообща, если они не хотят стать жертвой голодной смерти, хищных животных или соседних обществ»[9]

Вот почему род составлял основную ячейку общественного строя того далекого времени. Роды объединялись в племена, где соплеменники имели свой разговорный язык, свои нравы и обычаи, отличные от других племен. Род и племя неразрывно между собой связаны, и нельзя представить племя без родовой группы.

Энгельс определяет род и племя как «различные степени кровного родства». «Поэтому, — писал Энгельс, — встречая у какого-нибудь народа род. как основную общественную ячейку, мы можем искать у него и организации племени».[10]

Каждое племя замкнуто в себе, и «все, что было вне племени, было вне закона. При отсутствии определенного мирного договора царила война между племенами, и эта война велась с жестокостью, которая отличает человека от остальных животных».[11]

Племя — это предел общественной организации при родовом строе, дальше которого оно не шло. «Племя оставалось границей человека как по отношению к чужаку из другого племени, так и по отношению к самому себе: племя, род и их учреждения были священны и неприкосновенны, были той данной от природы высшей властью, которой отдельная личность оставалась безусловно подчиненной в своих чувствах, мыслях и поступках. Как ни импонируют нам люди этой эпохи, они, тем не менее, совсем не отличаются друг от друга, не оторвались еще, по выражению Маркса, от пуповины первобытного общества».[12]

Родичи не отличались друг от друга разнообразием своих прав и обязанностей, так как эти категории (право и обязанность) в понятиях людей первобытно-общинного общества совпадали. «Величие родового строя, но вместе с тем и его ограниченность проявляются в том, что здесь нет места для господства и угнетения. Внутри родового строя не существует еще никакого различия между правами и обязанностями...»[13]

Это и означает то, что родовое общество является бесклассовым обществом, первобытно-общинным.

Фридрих Энгельс дает яркую характеристику человеческого общества до того, как произошло разделение на различные классы. «И какая чудесная организация этот родовой строй при всей ее наивной простоте! Без солдат, жандармов и полицейских, без дворянства, королей, наместников, префектов и судей, без тюрем, без процессов — все идет своим установленным порядком. Всякие споры и недоразумения разрешаются коллективом тех, кого

они касаются, — родом или племенем, или отдельными родами между собой; только как крайнее, редко применяемое средство грозит кровная месть; наша смертная казнь представляет только ее цивилизованную форму со всеми положительными и отрицательными сторонами цивилизации. Хотя общих дел существует гораздо больше, чем в настоящее время, домашнее хозяйство ведется у ряда семейств сообща и коммунистически, земля является собственностью всего племени, только мелкие огороды предоставлены во временное пользование отдельным хозяйствам, тем не менее у них и следа нет нашего широко разветвленного и сложного аппарата управления. Участники решают, и в большинстве случаев вековой обычай уже все урегулировал. Бедных и нуждающихся не может быть — коммунистическое хозяйство и род знают свои обязанности по отношению к престарелым, больным и изувеченным на войне. Все равны и свободны, не исключая женщин. Для рабов еще нет места; как правило, нет его и для порабощения чужих племен».[14]

Так как родовое общество не делилось на классы, то и не было и потребности в государстве. «В первобытном обществе, — говорил Владимир Ильич, — когда люди еще жили небольшими родами, находясь на самых низких ступенях своего развития, в состоянии, близком к дикости; в эпоху, от которой современное цивилизованное человечество отделяют несколько тысячелетий, — в то время не видно еще признаков существования государства. Мы видим господство обычаев, авторитет, уважение, власть, которой пользовались старейшины рода, видим, что эта власть признавалась иногда за женщинами, — положение женщины тогда не было похоже на теперешнее (речь идет о положении женщины при капитализме. — *В. Г.*) бесправное, угнетенное положение, — но нигде не видим особого разряда людей, которые выделяются, чтобы управлять другими и чтобы в интересах, в целях управления систематически, постоянно владеть известным аппаратом принуждения, аппаратом насилия».[15]

Вот что собою представляло родо-племенное или первобытно-общинное общество. Эпоха первобытно-общинного строя является самой длительной во всей истории человечества по сравнению с последующими общественно-экономическими формациями (рабовладельческим обществом, феодализмом и капитализмом).

*

Большую помощь в изучении древнейшей жизни Центрального Междуречья оказывает также археология — наука о памят-

никах материальной культуры. Научная обработка вещественных памятников началась с середины XIX столетия, когда делом изучения прошлого по раскопкам занялся Я. С. Уваров.

Он провел большие археологические раскопки в волжско-окском бассейне (на территории бывших губерний — Владимирской, Московской и Ярославской) и, впервые в русской археологии, дал анализ добытых им памятников материальной культуры. Затем исследованием Верхнего Поволжья занимались археологи: Спицын, Городцов, Ефименко, Третьяков, Арциховский и др.

Советская археология критически использовала данные буржуазной археологии, во много раз умножив археологические исследования. «Наша археология вместе со всей советской исторической наукой стремится создать полную и точную историю своей страны, начиная с ее древнейшего, дописьменного периода».[16]

Древнейшая жизнь населения Междуречья представлена разнообразными археологическими эпохами. То время, когда люди пользовались каменными и металлическими орудиями, археолог Городцов называет «индустриальной эрой», которая разделяется на два периода — каменный и металлический. Каменный период, или каменный век, как это принято называть в литературе, разделяется в основном на три стадии: палеолит, мезолит и неолит.

Палеолит — это такая стадия каменного века, «когда наша страна только начинала заселяться человеком».[17]

Советская археология имеет большие успехи в изучении древне-каменного века. Если дореволюционным археологам было известно в России всего около 20 палеолитических стоянок, то советские археологи их открыли свыше 200. Вещественные памятники эпохи палеолита (отжимной техники) обнаружены и на территории междуречья верхней Волги и Оки.

Памятники эпохи мезолита и неолита (орудия сколотой техники) встречаются чаще и в большем количестве; данные раскопок Уварова и Городцова весьма обильны для характеристики неолита в Центральном междуречье. Древнейшие следы неолитического поселения человека найдены в долине реки Оки, близ деревни Волосово Муромского района. Волосовские раскопки подтверждают, что люди эпохи неолита (ново-каменного века) занимались охотой и рыболовством. Из дерева, камня и костей животных и рыб волосовские люди делали себе орудия. Из домашних животных они знали собаку. Это был первый этап приручения диких животных — примитивное скотоводство.

На смену каменным и костяным орудиям приходят орудия из металла.

ЛЮДИ БРОНЗОВОГО ВЕКА

Первым металлом, освоенным древнейшим человеком, была медь. Из меди люди делали для себя орудия: это была медная эпоха в истории человеческой культуры. От меди люди переходят к употреблению бронзы. Во времена глубокой древности человеческая практика накопила богатый опыт двойного сплава меди с оловом. Так была открыта бронза. Бронзовая эпоха — такая ступень в истории человеческой культуры, когда употреблялись главным образом изделия из бронзы.

Родина бронзы — Азия, откуда использование ее заимствовали народы других частей света. Среди народов Восточной Европы бронза появляется повидимому, путем меновой торговли с азиатскими странами. Бронза и была основным предметом торговли. Бронзу везли из Азии в Европу, главным образом в виде оружия, бытовых предметов и особенно украшений. Потайные склады бронзовых изделий, принадлежавшие купцам или ремесленникам, были обнаружены на территории раскопок.

Бронзовый век, или палеометаллическая эпоха, на территории СССР делится на три поры: раннюю, среднюю и позднюю. Ранняя пора бронзовой эпохи захватывает период от появления первых металлических орудий до начала третьего тысячелетия до современной эры. Средняя пора соответствует по времени третьему тысячелетию до современной эры, когда, наряду с медными и бронзовыми орудиями, выступают и первые орудия, сделанные из железа.

Количество памятников палеометаллической эпохи, найденных на европейской территории СССР, огромно. Всего установлено 18 культур бронзовой эпохи, из которых две относятся к ранней, семь — к средней и девять — к поздней поре.[15]

Среди культур ранней поры самой древней и, вместе с тем, самой замечательной представляется Трипольская культура, существовавшая в южной России около начала четвертого тысячелетия до нашей эры.

В Центральном междуречье до сих пор еще не обнаружено памятников ранней поры бронзового века. Но зато средняя пора бронзового века представлена двумя культурами — Фатьяновской и Балановской. Фатьяновская культура обнимает целиком волжско-окский бассейн, тогда как Балановская культура проходит полукружием через устье р. Оки и Средней Волги.

В. Городцов склонен считать вероятным наличие деловых сношений между людьми разных культур средней поры бронзового века.

Говоря о Северо-Кавказской культуре, представленной до-

вольно богатым металлическим инвентарем (бронзовые топоры, рубанки, ножи, копья), украшениями и принадлежностями туалета, В. Городцов считает, что местное население «оказывало сильное влияние на более северные культуры России». «Имеется основание полагать,— пишет Городцов,— что частью населения Северо-Кавказской культуры была колонизована Средняя Россия и создана Фатьяновская культура, что особенно выразилось в сходстве форм глиняной посуды и ее орнаментации. Формы сосудов бомбовидны, то с круглым, то с плоским дном. При покойниках нередко ставились глиняные светильники или жаровни в виде чашечек на ножках; внутри они разделены перегородкой на две неравные части.

Особенный интерес представляют каменные складные формы для отливки медных и бронзовых прутиков, из которых после выковывались разные мелкие бытовые предметы, вроде ножей, шил и др. Каменные формы состояли из двух половинок, в центре которых выбивались соответствующие углубления для предмета, который хотели отлить. Обе половинки формы складывали и крепко связывали; затем через особое отверстие вливали бронзу. Бронзовые изделия в случае их поломки не чинились, а переплавлялись. Это объясняется тем, что способ спайки бронзы тогда еще не был известен.

Характерные предметы средней поры бронзового века обнаружены в различных, иногда весьма отдаленных, областях. Одни и те же предметы археологи находят и в Волжско-Окском междуречье и в районе Енисея (Афанасьевская культура). Это дает возможность сделать вывод о наличии связей, сношений между народами Центрального междуречья и Сибири в третьем тысячелетии до нашей эры. Характер этих связей целиком и полностью опровергает профашистские «теории» европоцентризма, отрицающие роль народов Азии в деле развития общечеловеческой культуры.

Но чем характерны Фатьяновская и Балановская культуры? Фатьяновская культура занимает обширную область средней русской равнины. Ее границы,— пишет Городцов,— приблизительно намечаются по линии от Нижнего-Новгорода на Галич, Вологду, Смоленск, Орел, Козлов. Носителями Фатьяновской культуры, повидимому, были колонисты Северо-Кавказской культуры. Будучи заброшенными далеко от метрополии, фатьяновцы заметно ослабевали в культурном отношении; в их бытовом инвентаре начинают преобладать решительно каменные орудия, особенно сверленые топоры, в выработке которых фатьяновцы оказались большими мастерами. Однако они вырабатывали и металлические орудия: в области Фатьяновской

культуры найдены уже в нескольких пунктах складные каменные литейные формы северо-кавказского типа и бронзовые, т. н. вислообушные топоры, один из которых найден в Фатьяновском могильнике, давшем имя культуре, а также медные бусы».

Фатьяновцы занимались, преимущественно, охотничьим промыслом, для которого весьма благоприятствовали среднерусские леса. Способ распределения продуктов у фатьяновцев был по всей вероятности типичным для раннего родового общества.

«Когда в обществе не было классов, — говорил Ленин в лекции о государстве,— когда люди до рабской эпохи существования трудились в первобытных условиях большего равенства, в условиях еще самой низкой производительности труда, когда первобытный человек с трудом добывал себе средства, необходимые для самого грубого первобытного существования, тогда не возникало и не могло возникнуть и особой группы людей, специально выделенных для управления и господствующих над всем остальным обществом».[19]

Первобытно-коммунистическое равенство фатьяновцев основывалось на базе скудного существования, тяжелой борьбы с окружающей природой. Грозные и особенно пагубные явления в природе (гроза, молния, засуха, продолжительные ливни и т. д.) страшили первобытных жителей. Страшная и непонятная внешняя природа нашла отражение в первобытной религии людей. Фатьяновцам были присущи эти первобытные религиозные представления. Энгельс так определил возникновение первобытной религии:

«Религия возникла в самые первобытные времена из самых невежественных, темных, первобытных представлений людей о своей собственной и об окружающей их внешней природе».[20]

Первобытная религия, раз возникнув, «всегда сохраняет известный запас представлений, унаследованный от прежних времен, так как во всех вообще областях идеологии предание является великой консервативной силой».[21]

Обряд погребения у фатьяновцев похож на погребения людей Северо-Кавказской культуры; покойников хоронили в ямах, куда клали такие глиняные круглодонные сосуды.

Итак, людям родового общества были свойственны примитивные религиозные представления. Это объясняется тем, что родовой строй «предполагал крайне неразвитое производство, следовательно крайне редкое население на обширном пространстве, следовательно почти полное подчинение человека чуждой, противостоящей ему, непонятной внешней природе, что и находит свое отражение в наивных религиозных представлениях».[22]

Памфиловская культура округляла восточные границы тер-

ритории Фатьяновской культуры. Советская археология пришла к выводу, что люди Панфиловской культуры были аборигенами, или исконными жителями, волжско-окского района. Корни данной культуры находятся в неолитической культуре Центрального междуречья. Но нет никакого сомнения, что панфиловцы были так или иначе связаны с фатьяновцами.

«Население этой культуры, — писал В. Городцов о панфиловцах, — испытывая влияние Фатьяновской (культуры), упорно удерживало древний экономический и бытовой уклад: оно жило охотой и рыболовством, имея из домашних животных только собаку и, может быть, свиней. Жилищами служили обширные и глубокие землянки с длинными крытыми входами. Руководящими формами бытовых предметов культуры служат некоторые бронзовые и многие виды каменных орудий и глиняных сосудов. Из медных предметов пока известны остатки мелких вещей и одного рубанка, совершенно схожего с северо-кавказским. Каменные орудия в большинстве схожи с неолитическими, но среди них фигурируют новые типы, в виде рубанков, явно подражающих бронзовым образцам; нередки костяные орудия. Формы глиняных сосудов по технике и орнаменту весьма близки к окским неолитическим, но среди них решительно преобладают плоскодонные, совершенно чуждые неолитической керамике и встречаются обломки тонкостенных фатьяновских круглодонных сосудов с углублением в середине дна».

Таково краткое описание Панфиловской культуры, которая относится к средней поре палеометаллической эпохи.

Поздняя пора бронзового века представлена более обильными материальными памятниками. В верховьях Дона и среднем течении Волги простирается курганная Срубная культура. Северный конец территории данной культуры доходит до Мурома и захватывает почти все среднее течение Оки. Срубная культура относится по времени к середине второго тысячелетия до нашей эры.

Чем характерна Срубная культура?

Определяя основные особенности данной культуры, В. Городцов писал: «Население Срубной культуры распадалось на отдельные племена, отличавшиеся друг от друга некоторыми обычаями, хотя основой экономической жизни для всех племен служило скотоводство, достигшее, повидимому, высокого развития. В состав домашних животных входили лошади, коровы и овцы. Наряду со скотоводством население занималось мелкою обрабатывающей промышленностью: оно было знакомо с обработкой металлов, камня, кости, дерева и волокнистых веществ для тканей. Характерными, определяющими формами бытовых предметов служат бронзовые, вислообушные топоры, литые копьевид-

ные ножи, копья со втулками, каменные топоры, остроребериые (биконические) и баночные глиняные сосуды, нередко покрытые в верхних частях геометрическими узорами».

Археологические раскопки в зоне Срубной культуры дают возможность иметь представление об общественном быте людей того времени. В погребениях эпохи Срубной культуры найдены булавы с каменными навершьями, принадлежавшие, повидимому, племенным старейшинам или князьям. Любопытен обряд погребения: покойников хоронили в срубах, сверху накрытых плахами и бревнами; при погребении мужчины иногда убивали и хоронили вместе с ним его жен. Вот что можно сообщить о Срубной культуре.

По соседству с ней, в северо-восточном направлении, простирается Сейменская культура, которая также относится к поздней поре палеометаллической эпохи. Сейменская культура открыта в 1912 г., и ее территория захватывает г. Владимир и далее идет к Перми и Свердловску.

Сейменская культура характеризуется, по сравнению с предшествующими культурами палеометаллической эпохи, более совершенным развитием металлургии. Бронзовые орудия оригинальны и блещут тонкой отделкой. Сейменские кельты (рубящие орудия, заменяющие топор) украшены орнаментами, состоящими из треугольников и ромбов; копья украшены вильчатыми или ромбическими (поперечного сечения) стержнями. Наряду с топорами-кельтами изредка встречаются бронзовые вислообушные топоры.

Многие орудия Сейменской культуры дают возможность установить экономическую связь окско-камского бассейна с Прибалтикой, Черноморьем и даже Прибайкальем. Так, например, бронзовые топоры сейменского типа, столь широко распространенные, имеют следы влияния минусинских кинжалов, а некоторые даже привезены из минусинских мастерских. Из мелких предметов Сейменской культуры В. Городцов выделяет, как наиболее интересные, кольца, вырезанные из белого нефрита, привезенные, вероятнее всего, из Иркутского края, где имеются залежи белого нефрита и где велась обширная выработка из него колец.

На основании найденного янтаря В. Городцов констатирует связь окско-камского бассейна с Прибалтикой; а копья с вильчатым стержнем, одинаковые по форме с серебряным копьем Аккерманского клада в Бессарабии, подтверждают наличие деловых сношений населения Средней Волги с жителями западного Причерноморья.

Таковы археологические данные о культурных связях между племенами в далеком прошлом.

ПЕРЕХОД ОТ РОДОВОГО БЫТА К ГОСУДАРСТВЕННОМУ СТРОЮ

Освоение бронзовых орудий было крупнейшим этапом в развитии первобытной техники. Бронза открыла новую страницу в хозяйствовании народов того времени. Благодаря применению бронзовых орудий стало возможно более трудоемкое земледелие. Всегда и всюду основной силой производственного процесса были непосредственные производители материальных благ. Богатое разнообразие географической среды Междуречья ускоряло общественное разделение труда.

Карл Маркс писал: «Не абсолютное плодородие почвы, а ее дифференцированность, разнородность ее естественных продуктов составляет естественную основу общественного разделения труда и смена тех естественных условий, в которых приходится вести свое хозяйство человеку, способствует умножению его собственных потребностей, способностей средств и способов труда».[23]

Появление земледелия нашло отражение и в идеологии древнейших насельников Центрального междуречья. Возникают разнообразные земледельческие культы, отправление которых выражалось в торжественных религиозных церемониях. В основе земледельческих культов лежало религиозное представление о воскресающем боге изобилия.

Земледелие, в свою очередь, вело к стабильному образу жизни — переходу с кочевий к оседлым поселениям.

«Первым земельным участком, перешедшим в частную собственность отдельного лица, была усадебная земля. Неприкосновенность жилища — этот фундамент всякой личной свободы, — перешла от кочевой кибитки на укрепленный дом прочно осевших крестьян и постепенно превратилась в полное право собственности на усадьбу».[24]

Землепользование древнейших сельских общин было экстенсивным. Ежегодно общинники запахивали новые земельные участки, так как прошлогодняя пашня оставлялась под паром или зарастала мелколесьем на ряд лет.

Энгельс писал: «При редком населении всегда оставалось достаточно свободных пустошей, так что всякие споры из-за земли были излишни. Только спустя целые столетия, когда число членов общин так возросло, что при тогдашних условиях производства становилось уже невозможным ведение общего хозяйства, они распадались; находившиеся до того в общем владении поля и луга стали подвергаться разделу известным уже образом между возникшими теперь отдельными домохозяйствами, сначала на время, позднее раз навсегда, тогда как леса, выгоны и воды остава-

лись общинами. Для России такой ход развития представляется исторически вполне доказанным».[23]

При помощи бронзовых топора, пилы и долота можно было строить более прочные жилища. Стабильность жизни способствовала подъему культурности людей. Стали обращать особое внимание на одежду и ее украшения. Неслучайно, что археологические находки изобилуют разнообразными бронзовыми украшениями (диадемы — повязки вокруг головы, служившие для стягивания волос и украшения, гривны — в форме обруча, носящиеся на шее, серьги, перстни и т. д.).

Бронза, а затем и железо внесли радикальные изменения в военную технику. Оружие в эту эпоху совершенствуется до неузнаваемости. Появляются дотоле неизвестные мечи. Из бронзы выделывают разнообразные предметы для военного дела: боевые топоры, секиры, наконечники для копий и стрел, шлемы, латы и щиты.

Экономические сдвиги сопровождались общественными изменениями. «Когда некоторые члены первобытно-общинного общества постепенно и ощупью переходили от каменных орудий к железным орудиям, они, конечно, не знали и не задумывались над тем, к каким общественным результатам приведет это новшество, они не понимали и не сознавали того, что переход к металлическим орудиям означает переворот в производстве, что он приведет в конце концов к рабовладельческому строю,— они просто хотели облегчить свой труд и добиться ближайшей, осязаемой выгоды,— их сознательная деятельность ограничивалась узкими рамками этой будничной личной выгоды».[24]

Независимо от сознания людей подготовлялись материальные предпосылки для нового общественного строя. Родовая организация была обречена на гибель. Дальше племени она не пошла; союз племен означает уже начало ее разрушения.[25]

Разложение родовой общины начинается тогда, когда возникает более или менее значительное неравенство (Энгельс) в распределении продуктов между членами этой общины. Род распадается на семью, история которой захватывает много столетий.

На смену семье, «возникшей от группового брака и основанной на материнском праве» (Энгельс), пришла патриархальная большая семья. Наилучшим живым образцом такой большой семьи Энгельс считает юго-славянскую задругу (содружество или братство).

«Она охватывает несколько поколений потомков одного отца вместе с их женами, причем все они живут в одном дворе, сообща обрабатывают свои поля, питаются и одеваются из общих запасов и сообща владеют излишком дохода. Община нахо-

дится под высшим управлением домохозяина (домачина), который представляет ее перед внешним миром, имеет право отчуждать мелкие предметы, ведет кассу и несет ответственность как за нее, так и за правильный ход всего хозяйства. Он избирается и отнюдь не обязательно должен быть старейшим. Женщины и их работы подчинены руководству домохозяйки (домачицы), которой обыкновенно бывает жена домачина. Она также играет важную, часто решающую роль при выборе мужей для девушек общины».[28]

Отмечая важную роль домачина и домачицы, Энгельс резюмирует: «высшая власть в общине сосредоточена в семейном совете, в собрании всех взрослых членов семьи, как женщин, так и мужчин».

Существование таких больших семейных общин доказано и в России. «Теперь все признают, — писал Энгельс, — что они столь же глубоко коренятся в русских народных обычаях, как и сельская община. Они упоминаются в древнейшем русском своде законов, в «Правде» Ярослава, под тем же самым названием (вервь), как в далматских законах».[29]

На основе экономического неравенства происходит общественная дифференциация людей. Из племенного населения выделяется военная аристократия, во главе с князем, владеющая большими земельными участками. Частые войны, в случае удачи, давали племенным вождям и их помощникам большое количество рабов. Торговля рабами встает на одно из первых мест наряду с продажей бронзовых изделий.

Появление земельной собственности связано с возникновением категории зависимого населения.

На смену родовому строю шел строй классового общества. Энгельс писал, что власть первобытного общества должна была быть сломлена — и была сломлена. Но она была сломлена под такими влияниями, которые с самого начала оказываются регрессом, упадком, грехопадением с простой моральной высоты старого родового строя. Самые низменные интересы — пошлая жадность, грубая страсть к наслаждениям, грязная алчность, эгоистический грабеж общего достояния — являются восприемниками нового, цивилизованного, классового общества; самые гнусные средства — воровство, насилие, обман, измена — подкапывают старый бесклассовый родовой строй и приводят его к падению».[30]

Первоначальными формами классообразования были рабовладельцы и рабы.

Ленин говорил об этом с достаточной ясностью: «Рабовладельцы и рабы — первое крупное деление на классы. Первая

группа владела не только всеми средствами производства — землей, орудиями, как бы примитивны они тогда ни были, но она владела также и людьми. Эта группа называлась рабовладельцами, а те, кто трудился и доставлял труд другим, назывались рабами».[31]

Деление общества на классы и обострение борьбы между классами ведет к образованию государства.

«Лишь когда появилась первая форма деления общества на классы, когда появилось рабство, когда можно было известному классу людей, сосредоточившись на самых грубых формах земледельческого труда, производить некоторый излишек, когда этот излишек не абсолютно был необходим для самого нищенского существования раба и попадал в руки рабовладельца, когда, таким образом, упрочилось существование этого класса рабовладельцев, и чтобы оно упрочилось, необходимо было, чтобы явилось государство.

И оно явилось — государство рабовладельческое, — аппарат, который давал в руки рабовладельцев власть, возможность управлять всеми рабами».[32]

О положении рабов Ленин говорил следующее: «рабы не считались людьми; не только не считались гражданами, но и людьми», «рабы были вещью по закону, и над ними возможно было не только какое угодно насилие, но и убийство рабов не считалось преступлением».[33]

Переход от родового быта к государственному строю у различных народов, живших на территории, занимаемой теперь Советским Союзом, происходил неодновременно. Одни народы, освоившие земледелие и скотоводство, исторически развились раньше и перешли в стадию классового и государственного строя. Другие народы этот же процесс исторического развития начали несколько позднее.

К концу поздней поры бронзовой эпохи относятся древнейшие рабовладельческие государства на территории нашей страны. Прежде всего необходимо указать на закавказское государство Урарту в районе Арарата у Ванского озера. Это было мощное государство рабовладельцев, подчинившее и эксплоатировавшее многочисленные закавказские племена. Правители Урарту, постоянно воевавшие с соседними государствами, захватывали много рабов. Благодаря широкому применению рабского труда, урартские цари строили роскошные дворцы, мощные каналы для орошения своих полей. Государство Урарту много древнее ряда западно-европейских государств, в том числе и Германии: расцвет государства Урарту падает на первую половину VIII в. до нашей эры. До появления германских пле-

мен в Западной Европе в Грузии была изобретена азбука, развивались науки и искусство.

Ссылка на древнейшие государства Закавказья имеет то значение, что жители Центрального междуречья имели ту или иную связь с самыми древними государствами в нашей стране. Это подтверждает советская археологическая наука.

По северным берегам Азовского и Черного моря издавна жили кочевники-скотоводы. Самым древнейшим и многочисленным племенем в причерноморских степях были киммерийцы. Об этом народе мы узнаем из греческих рассказов, «Истории» Геродота и песен Гомера. В поэме «Илиада» отмечается, что киммерийцы богаты конями и питаются кумысом. В VII в. до нашей эры господство киммерийцев сменяется более могущественным племенем скотоводов-кочевников — скифами.

В соответствии с характером своего хозяйствования — кочевое скотоводство — скифы объединились под руководством своих вождей и покорили другие племена кочевников, отняв их хорошие пастбища для скота.

Народ скифы впервые встречается в античной литературе у Гезиода в VIII в. до нашей эры. Но основным источником по истории Скифии является IV книга «Истории» Геродота, написанная им во второй половине V века до нашей эры. Геродот как историк проявил исключительный интерес к истории, этнографии и географии страны скифов. Географическое и этнографическое описание Скифии дает возможность сделать вывод о пребывании Геродота в некоторых частях Скифии и, прежде всего, в устьях рек Днепра (Борисфена), Буга (Гипаниды) и Днестра (Тира).

Геродот дает подробное географическое описание Скифии; ее территория представляется историку в форме четырехугольника, нижним основанием которого является северное побережье Черного моря (или Понта). Южная граница Скифии простирается от устья Дуная до Дона, включая и Крымский полуостров. На севере территория страны Скифия доходит до теперешних городов Киева, Чернигова, Курска и Воронежа.

Земля скифов представляла равнину, изобилующую травою и хорошо орошенную, по которой протекают реки: Истр (Дунай), Тир (Днестр), Гипанид (Буг), Борисфен (Днепр) и Танаис (Дон). Река Борисфен, по характеристике Геродота,— самая прибыльная.

Благоприятные природные условия способствовали развитию земледелия у скифов. По утверждению Геродота, скифы знают хлебные злаки, лен, коноплю, чечевицу, чеснок и др. Они занимались, кроме земледелия, охотой и скотоводством. Из домаш-

них животных Геродот отмечает у скифов лошадей и рогатый скот. В западных районах Скифии население занималось пчеловодством. Эти данные говорят о разнообразном хозяйствовании скифских племен. О культуре скифского народа и его соседей богатые сведения дает археология.

Скифская культура слагалась в VII—II вв. до нашей эры под сильным влиянием греческой культуры. Носителями греческой культуры среди скифов были греческие колонисты Тираса при устье Днестра, Ольвии в устье Буга, Херсонеса на южном побережье Крыма, Феодосии и Пантикапея у Керченского пролива.

Скифы имели разнохарактерное общение с греческими колонистами, живущими в Ольвии, Херсонесе, Пантикапее и других городах Черноморья: это были то войны между скифскими царями и греческими владетелями, то разнообразная торговля. Война или мир, но в том и другом случае народы-соседи находились в постоянной связи. Греческие колонисты — культурный народ своего времени. Дион Хрисостом так описывает жителей Борисфена:

«Почти все борисфениты усердно читают этого поэта (Гомера — *В. Г.*) вероятно потому, что они и теперь еще воинственны, а может быть, вследствие любви к Ахиллу: они чрезвычайно чтут его, построили ему один храм на так называемом Ахилловом острове, а другой в самом городе и, кроме Гомера, ни о ком другом не хотят и слушать. Хотя они по-гречески говорят не совсем уже чисто благодаря тому, что живут среди варваров, но все-таки «Илиаду» почти все знают наизусть».[34]

Греческие колонисты, оказывая культурное воздействие на скифов, сами воспринимали скифский язык, обычаи и даже одежду. Дион Хрисостом, описывая жителей Борисфена, подробно останавливается на одежде некоего Каллистрата: «он был опоясан большим всадническим мечом, одежду его составляли шаровары и прочее скифское убранство, на плечах был небольшой женский черный плащ, какой обыкновенно носят борисфениты. И другая одежда у них по большей части черного цвета, по примеру одного скифского племени, которое, как мне кажется, от этого получило у эллинов название меланхлэнов (черноризцев)».[35]

Скифское общество было однотипным с византийским обществом: и там и тут существовали рабовладельческие отношения, определяющие первую форму деления общества на классы. Известия Геродота о Скифии не вызывают сомнения в том, что рабство здесь было массовым явлением. Перечисляя скифские

племена, Геродот писал: «По ту сторону Герра находятся так называемые царские владения и живут самые лучшие и многочисленные скифы, считающие прочих скифов своими рабами».

Во главе этих лучших скифов стояли цари — богатейшие люди своего времени и самые крупные рабовладельцы. Об этом можно судить, когда Геродот знакомит с обычаями скифов, особенно в связи с похоронами скифского царя. Через год после смерти царя около его гробницы происходило следующее: «из оставшихся слуг выбирают самых способных (они природные скифы, ибо царю служат те, которым он сам прикажет, а покупных рабов у них вовсе нет) и из этих слуг 50 человек, а также 50 отборнейших коней задушают, затем, вынув внутренности и очистив живот, наполняют их мякиной и зашивают; потом укрепляют на двух столбах половину колеса ободом вниз, а другую половину на двух других столбах; сколотив таким образом много таких станков, протыкают сквозь лошадей, во всю длину их до самой шеи, толстые колья и подымают лошадей на эти колеса так, что передними полукружиями поддерживаются плечи лошадей, задними — животы у бедер, а обе пары ног свешиваются вниз, не доставая до земли; затем накидывают на лошадей уздечки с удилами, протягивают их вперед и привязывают к колышкам. Наконец каждого из 50 удавлённых юношей сажают на лошадь следующим образом: в труп каждого протыкают вдоль позвоночного столба прямой кол до самой шеи; выдающийся вниз конец этого кола втыкают в дыру, просверленную в другом коле, проткнутом сквозь труп лошади. Расставив вокруг могилы таких всадников, скифы расходятся».[58]

Такая тризна на могиле умершего царя могла быть лишь при господстве рабовладельческих отношений. Необходим аппарат государственного принуждения, чтобы заставить 50 юношей итти на смерть.

В конце V века до нашей эры греческие города Причерноморья объединяются в сильное Боспорское царство. В состав его вошли греческие колонии Крымского полуострова, северо-западное побережье Черного моря и земли Оттоманского полуострова. Боспорские правители стремились поработить скифские племена.

Писатель Страбон в своем описании Херсонеса Таврического рассказывает о длительных и упорных войнах между греческими правителями и скифами. Владетели Херсонеса обращаются за военной помощью к понтийскому царю Митридату Евпатору (111—63 годы до нашей эры). Митридат Евпатор охотно послал войско в Херсонес и стал воевать со скифами, бывшими тогда под

властью Скилура и его сыновей с Палаком во главе, которых, по свидетельству Посидония, было 50, а по свидетельству Аполлонида — 80. Он силой подчинил их себе и в то же время сделался властителем Боспора, который добровольно уступил тогдашний его владелец Парисад».[37]

В результате успешных войн владыки Боспора захватывали много пленных скифов, обрекая их на рабское существование. Взаимоотношения между греками и скифами стали враждебными. 2000 лет тому назад скифские рабы поднимают восстание против греческих рабовладельцев.

Восстание боспорских скифов началось в Пантикапее (Керче) и скоро охватило весь Керченский полуостров.

Во главе восстания встал доморощенный раб боспорского царя Парисада — Савмак, природный скиф. Он воспользовался междуцарствием — отречением от престола Парисада и появлением нового правителя Митридата — и поднял восстание угнетенных скифских рабов. Прежде всего, восставшие рабы убили боспорского царя Парисада и прогнали всех его ставленников: затем главой боспорского государства стал вождь восстания рабов Савмак.

Число сторонников Савмака все возрастало. Это создало большую угрозу для Митридата. Он направляет из Понта огромную армию и военный флот во главе с Диофантом. Повстанцы не имели достаточного вооружения и были разбиты войсками Диофанта. Последний овладел Феодосией и Пантикапеей и расправился с руководителями и участниками восстания. Савмак был захвачен и отправлен в Понт.

Митридат снова приобрел власть над Боспором.

История Скифии имеет огромное значение для выяснения источника и путей влияния греческой культуры на народы Волжско-Окского междуречья.

Византийский историк Геродот, дав подробное описание Скифии, бегло касается северных соседей скифов. Он указывает на многочисленный народ будинов и гелонов, занимавших огромную территорию от озерной области, на северо-западе, до Саратова, на юго-востоке. Геродот описывает занятия гелонов и будинов: гелоны занимались земледелием и садоводством, а будины охотились на пушного зверя.

Эти народы имели деревянные дома, города и храмы для поклонения своим идолам. Гелоны находились под сильным эллинистическим (греческим) культурным влиянием, так что Геродот замечает, что «первоначально гелоны были те же эллины, удалившиеся от торговых городов и поселившиеся среди будинов».

Кто такие будины, к какому племени их можно отнести? По своему антропологическому типу они похожи на древних славян. Описывая северных соседей скифов, Геродот отмечает у них светлоголубые глаза и русые волосы. Во всяком случае гелоны и будины являются родственными славянским племенам. Культурная связь племен Центрального междуречья с греками через Скифию подтверждается и археологическими данными.

КУЛЬТУРА СЛАВЯНСКИХ ПЛЕМЕН И ИХ СОСЕДЕЙ

Век бронзовых орудий сменяется железным веком. Данная эпоха, по классификации В. А. Городцова, делится на три периода: ранний, средний и поздний.

По сравнению с предшествующими археологическими эпохами железный век хронологически очень короток. Его начало археология относит ко второму тысячелетию до нашей эры.

Торжество железа над бронзой осуществляется не сразу. Археология устанавливает такие периоды и стадии неометаллической эпохи: «железо подобно другим металлам, прежде чем стать металлом индустриальным по преимуществу, прошло через период, когда оно несмотря на свою тяжесть, отсутствие красоты и способность к быстрому окислению служило для украшений. Если оставить в стороне этот период, то в развитии железного века следует различать две стадии: первая стадия соответствует времени, когда железо ввозится из других стран и еще не вытесняет бронзовых орудий; вторая стадия наступает с момента начала добычи железа и производства из него орудий на месте и приводит к полному переходу в железный век».[33]

Эпоха железа представлена многочисленными курганами, раскопки которых дают возможность судить о древнейшем быте славянских племен и их соседей на востоке — приволжских племен, предков современных мари, мордвы и других народов. Отдельные железные предметы встречаются в волжско-окских могильниках еще бронзовой эпохи. По всей вероятности они принесены с юга, из Скифии, по волжскому речному пути. Это подтверждают данные раскопок Ананьинского могильника в Волжско-Камском крае (с. Ананьино Елабугского района Татарской АССР), дающие возможность установить особую Ананьинскую культуру.

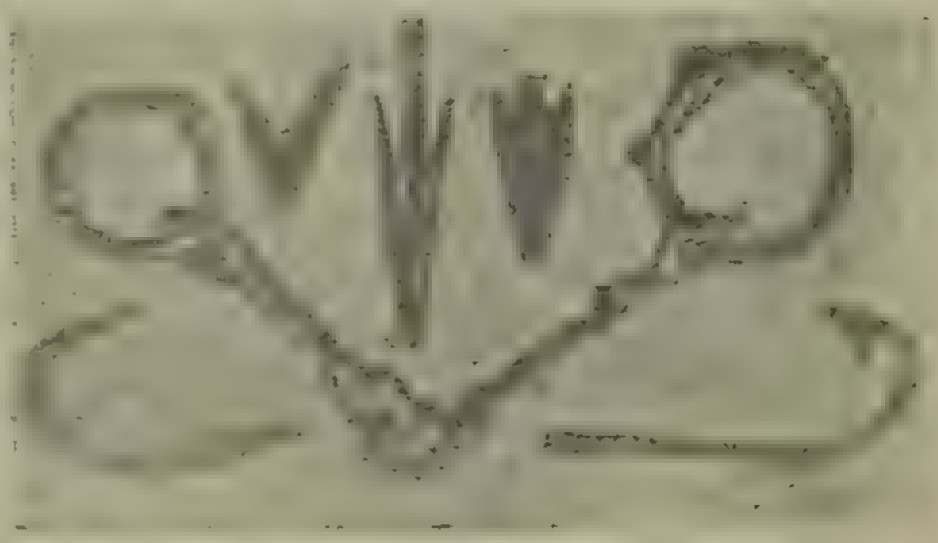
Что собой представляет Ананьинский могильник? Это сочетание двух холмов, образовавшихся из могильных насыпей. Покойников хоронили в ямах, а затем на могилах создавали холмы. Погребения совершались полные и частичные, т. е. хоронили не весь труп, а только часть его. Реже встречается трупосожжение.

При покойниках найдены разнообразные бронзовые, медные и железные вещи. Жители Волжско-Камского края в 800 — 400 гг. до современной эры не только знали о железе, но и умели выделывать из него орудия и оружие. Железные вещи изготовлялись путем ковки, тогда как изделия из бронзы и меди отливались в формах. Отдельные предметы из железа весьма сходны с соответствующими предметами отдаленных культур, — сибирской, среднеазиатской и скифской. Таковы, например, кельты (топоры), боевые клевцы (молотки), ножи, металлические зеркала — типичные с соответствующими изделиями Алтайской культуры. Кинжалы, стрелы, стиль некоторых украшений — все это указывает на связь населения Междуречья со скифами.

Между греками и скифами, как было отмечено выше, существовали экономические связи. Скифия доставляла грекам хлеб, скот, рабов, мед, воск, кожи, рыбу, а покупала для себя предметы обрабатывающей промышленности, в том числе и железные изделия. Через посредничество скифов эти изделия попадали на северо-восток Европы и осваивались местными племенами.

Поясные наборы Ананьинской культуры, сходные с более поздними мерянскими, дают возможность предполагать, что древние ананьинцы родственны приволжским племенам (меря, мурома, мордва), о которых упоминает ранняя русская летопись.

Близ села Дьякова, находящегося в 10 километрах к югу от Москвы, по течению реки Москвы, обнаружен весьма ценный археологический памятник, получивший название Дьяково городище. Дьяково городище относится к каменному веку. Культура городищ Дьякова типа распространяется на весь север и северо-восточную часть Европы и в основном относится к железной эпохе V—IX вв. нашей эры. Археологическая наука считает это городище типичным для многочисленных мерянских городищ бассейна верхней Волги и Оки.



Железные вещи из Дьякова городища, найденные при раскопках.

Городища типа Дьякова имеют обычно небольшие размеры; по сторонам с ними находились валы из зольных слоев.

В этих слоях археологи обнаружили те же предметы, что и на площади городищ. На этом основании было сделано предположение, что городища типа Дьякова являются остатками жер-

тельных мест. Но такой взгляд оказался несостоятельным; в некоторых городищах обнаружены земляники, характер которых исключает вышеуказанное предположение.

Что собой представляет Дьяково городище? Это пирамидальный холм с усеченной вершиной, высотою до 50 метров над уровнем реки Москвы. С южной и западной стороны Дьяково городище отделяется от соседних высоких откосов берега крутым и глубоким оврагом.

Деталь утвари из Дьякова городища, найденная при раскопках.

Культурный слой Дьякова городища состоит из чернозема до 0,7 метра, давшего большое число находок.

Культура Дьякова городища родственна многим соседним культурам. Так, например, костяные поделки роднят Дьяково городище с «костеносными» городищами Прикамского края, а бронзовые и железные вещи имеют сходство с утварью могильников средней Оки. Культуру городищ типа Дьякова археологи относят к культуре приволжских племен — меря, мурома и мордва.

Предметы труда, найденные при раскопках, дают возможность сделать вывод, что жители Дьякова городища занимались не только лесными промыслами, но и земледелием. Земледелие и охота — главное занятие насельников края.

«Особенно ценен материал с этих городищ, характеризующий хозяйство их населения. Обращает на себя внимание большое значение рано развившегося в долине реки Оки коневодства, встречаются земледельческие орудия (серпы), имеются данные по текстильному, металлическому и другим производствам».[39]

Наряду с железными орудиями практического назначения раскопки дали большое количество бронзовых и серебряных украшений, носимых преимущественно женщинами. Эти украшения ввозились частично из Азии, а также производились на месте, отражая опять-таки влияние соседних народов.

Уже в ранний период жители волжско-окского бассейна устанавливают торговые сношения с ближним Востоком. Мощный

речной путь Волги благоприятствовал укреплению этих торговых сношений. Наличие крупной торговли с восточными народами подтверждается многочисленными кладами арабских серебряных монет, называемых дирхемами; в одном муромском кладе обнаружено свыше 11 тысяч арабских монет весом 41 килограмм.

Дирхемы обнаружены при раскопках Сарского городища около Ростова и в кладах близ Углича.

Дирхем — наиболее распространенная в средние века арабская серебряная монета. Самое раннее появление арабских монет в волжско-окском бассейне относится к VIII в. В последующие века (IX—XII) установились весьма оживленные торговые сношения с мусульманским Востоком.

★

Археологи считают славян автохтонами Восточной Европы, т. е. народом, который издавна жил на тех местах, где застала его история. Советские археологи, на основании вещественных памятников, обнаруженных при раскопках в бассейне Волги, пришли к выводу, что в лесо-степной полосе восточно-европейской равнины существовали однотипные поселения, примерно с середины первого тысячелетия до новой эры, вплоть до VIII—IX вв. нашего времени.

Жители этих поселений — славяне — находились в стадии родового строя (патриархата) и занимались сперва подсечным, а затем пашенным земледелием, лесными промыслами, рыболовством и скотоводством. При раскопках древнейших поселений славян были найдены земледельческие орудия, а также зерна проса, пшеницы, ячменя и гороха.

О занятиях жителей скотоводством, охотой и рыбным промыслом говорят обнаруженные при раскопках остатки скелетов домашних животных (лошади, свиньи, коровы, овцы, собаки), а также и диких животных (лося, оленя, лисицы), и наконец, костяные остовы рыб. Скотоводство было слабее развито по сравнению с земледелием и промыслами.

Первоначальные письменные сведения о славянах или антах, как их тогда называли, относятся к IV в. современной эры.

Писаная история славянских племен начинается в VI в., когда впервые о славянах упоминают готский историк Иордан и греческие писатели Прокопий и Маврикий Стратег. Эти письменные иноземные известия являются дополнительными источниками для изучения истории славянских племен.

Славяне жили к северо-востоку от Дуная и занимали обширр-

ное пространство от Карпатских гор до Днепровского бассейна и верховьев Волги. Еще дальше к северо-востоку от славян жили приволжские племена — меря, мурома и мордва, — занимавшиеся звероловством и земледелием.

Основная масса восточных славян жила в лесной полосе, по течению рек Днепра, Оки и Волхова. По этим рекам и их притокам разместились многочисленные славянские племена. Двигаясь по рекам, славяне ставили свои поселки у речных берегов. Некоторые из этих поселков были укреплены, огорожены валом, рвом, частоколом; это были города. Так возникли у полян Киев, основанный по преданию тремя братьями — звероловами (Кий, Щек и Хорев), на Десне у северян Чернигов, у кривичей Изборск и Смоленск, у ильменских славян на Волхове Новгород. На северо-востоке, в Междуречье, славяне основали города Ростов, Муром и Суздаль.

В «Повести временных лет» меряне упоминаются как изначальные обитатели волжско-окского бассейна.

«Повесть временных лет» подробно перечисляет племена Центрального междуречья. Отметив пребывание племени Весь на Белоозере, автор «Повести» продолжает: «а на Ростовском озере меря, а на Клещине озере меря же. А по Оце реце, где втечеть в Волгу, мурома, язык свой, и черемиси свой язык, мордва свой язык».[4] Это были предки современных приволжских народов.

В X—XI вв. некоторые древнейшие племенные названия (например меря, весь и др.) исчезают, и о них летописи уже не упоминают. Племя уступает место сельской общине, которая состояла из группы больших и малых семей.

Задолго до появления варяжских князей началось проникновение славянских колонистов в верховья Волги и Оки. Славяне-переселенцы шли главным образом с северо-запада, из ильменской земли, в поисках лучшей жизни, плодородной земли и обильных промыслов.

Какова была встреча славянских колонистов с финскими племенами, издавна обитавшими в данной области? По этому вопросу историки исписали много бумаги, создали целый ряд пестрых концепций. Разобраться в этих концепциях, дать им оценку крайне необходимо, так как вопрос о генезисе великорусской народности приобретает актуальное политическое значение, в связи с упорными попытками фашистских историков извратить это явление. Фашистская расовая «теория» этногенезиса русского народа преследует цель оправдания фашистской агрессии против СССР. Обратимся прежде всего к буржуазной историографии

Историк К. Д. Кавелин писал в середине XIX века: «Великороссия народилась в Ростов-Суздальской земле, на финской почве, посреди почти неизвестного племени меря».[41] И далее,— «Восточная отрасль русского племени образовалась частью из переселенцев из Малороссии и Северо-Западного края на финской земле, частью из обруселых финнов».

По мнению С. Ф. Платонова — «До конца XI в. вся эта северо-восточная окраина Русской земли представляла собою глухой и слабо населенный край, в лесах которого разбросаны были финские поселки. Меря и Мурома не строили городов, не имели никакого гражданского устройства и не были политически объединены. Единственной властью у них были их жрецы-шаманы, которых славяне называли «волхвами».[42]

Далее С. Ф. Платонов так определяет судьбу мерянского населения: «меряне постепенно и мирно обрусели», «исчезновение их племени совершилось для русских людей неприметно».[43]

По Платонову великорусская народность образовалась из славян разных областей и племен и плюс «некоторая примесь финнов».[44]

Академик Любавский, выясняя вопрос об основной государственной территории великорусской народности, отмечает, что «наряду с волостями и станами, за небольшим исключением все реки и речки, озера и другие урочища на рассматриваемой территории носят не русские, а инородческие имена».[45]

Топография (т. е. названия рек, озер) междуречья действительно сохранила некоторые мерянские наименования, но не в таком преобладающем размере, как это представляется Любавскому.

Некоторые советские историки, критикуя дворянско-буржуазную историографию по данному вопросу, ударились в другую крайность, представляя славян и финнов исконными врагами. Славяне-колонисты рассматриваются как феодальные захватчики, колонизаторы. Авторы подобной интерпретации характера взаимоотношений финнов и пришельцев-славян не могут привести ни одного доказательства, ни одной ссылки на письменный источник для подтверждения своего нелепого толкования. Не могут, потому что этих доказательств нет в источниках. Как схематики, авторы данной концепции оперируют «доказательствами» иного времени и характера.

Взять хотя бы А. Савича, автора очерка по истории мордвы. Поставив вопрос о характере взаимоотношений аборигенов и пришельцев-славян, А. Савич приходит к такому выводу: «Не мирное освоение, не культурное завоевание, а именно вооружен-

лую борьбу северо-восточных русских князей с туземными финскими племенами рисуют нам наши источники (и, прежде всего, наши летописи) на заре образования «великорусского» государства».[46]

Нелепых моментов в данном положении больше чем достаточно. Но, не отвлекаясь от сути дела, отметим две нелепости: во-первых, автор не видит никакой разницы между славянской колонизацией и колонизаторской, грабительской политикой русских феодалов-князей; во-вторых, у автора над'исторический, социологический подход, — когда он в определении характера взаимоотношений аборигенов-мерян и пришельцев-славян ссылается на источники более позднего времени, т. е. на источники XII века, в которых речь идет о феодальном грабеже приволжских племен и славян русскими князьями.

Не следует отождествлять славянскую колонизацию с колониальной политикой княжеской, а затем и царской власти. Славянская колонизация представляла собою заселение «незанятых, свободных земель, легко доступных переселенцам».[47]

Славянская колонизация Междуречья сопровождалась широкой распашкой земли колонистами. Славянские племена находились в весьма выгодных условиях «вследствие обилия свободных и доступных колонизации земель» на их окраинах, которые сливались с территориями финских племен.

Таким образом происходило «образование нового земледельческого населения на новых землях».

Был ли предлог для враждебных столкновений,— с огнем и мечом, между славянами и финнами?

Авторы нелепой концепции видят предлог для ссор и столкновений в земле. Но это совершенно неубедительно. Недостатка в земле не было. Слабо заселенных территорий было сколько угодно. Ленин, говоря об окраинах пореформенной России, отметил, что — «в начале пореформенной эпохи в 60-х годах, южные и восточные окраины Европейской России были в значительной степени незаселенной территорией, на которую направлялся громадный приток переселенцев из центральной земледельческой России».[48]

Тем более это положение относится к IX—XII векам. Северо-восточная часть Европы, в том числе и Междуречье, имели тогда весьма редкое население. Необъятные пространства земли и природные богатства эксплоатировались еще в самой незначительной степени. А раз так, то не было никаких оснований для крупных ссор из-за земли. Происходило мирное заселение Междуречья славянскими выходцами; они устраивались на землях, не занятых или отчасти занятых финскими племенами.

Авторы, выдвинувшие версию об исконной непримиримой враждебности славян и приволжских племен, усмотрят в приведенном выше доводе дворянско-буржуазную трактовку разбираемого вопроса. На самом деле этот вывод диаметрально противоположен дворянско-буржуазной трактовке, так как последняя исходит из оправдания колонизаторской политики феодальных захватчиков. Что это именно так, можно сослаться на интерпретацию данного вопроса проф. С. В. Ешевским. Ешевский определенно заявляет, что «на памяти истории нет истребительных тенденций русского племени», что «чужеродцы не обращались в рабов, не причислялись к существам низкой породы, не истреблялись огнем и мечом».[49]

Наоборот, как раз «на памяти истории» есть самые дикие картины колонизаторской деятельности русских феодалов. Но об этом несколько ниже.

По вопросу об этногенезисе и формировании великорусской народности М. Н. Покровский также запутался, ударившись в крайность в своей «критике» дворянско-буржуазной историографии. Эта критика с антимарксистских не научных позиций привела М. Н. Покровского к фактическому отрицанию великорусской народности, которая фигурирует в его работах в кавычках

Без всяких доказательств Покровский выдвигает такое положение, будто: «основным населением будущей Великороссии было финское, а славяне явились туда небольшими группами, в качестве самых форменных колонизаторов.»[50]

Прежде всего необходимо отвести клеветническое измышление М. Н. Покровского о славянах вообще как колонизаторах, поработителях финских племен. Это измышление исходит из ошибочного отождествления славянского переселенчества с феодальной, княжеской колониальной политикой. Что под колонизаторами имеются именно переселенческие массы, это повторяется у Покровского неоднократно. Славянские пришельцы не занимали пустые места, а поглощали, т. е. «насильственно подчиняли себе это коренное население страны».[51]

Такой взгляд на славян и славянскую колонизацию чужд духу марксизма-ленинизма.

Далее, ссылаясь на «инородческую номенклатуру» рек, речек, озер и урочищ, Покровский делает нелепый вывод о густой заселенности финнами Центрального междуречья. «Чтобы создать свою географическую номенклатуру для целого края, — писал Покровский, — нужно было сидеть в этом краю очень густо и очень долго. Славянские колонизаторы врезались в эту гущу маленькими островками».

Топографическая номенклатура сама по себе не говорит о

плотности населения. Поэтому, вывод Покровского об абсолютной заселенности финнами Центрального междуречья ничем не доказан. Такое шаткое построение схемы о славянах и финнах в междуречье Оки и Волги облекается у Покровского антинародными реакционными идеями. Комментируя взгляды Любавского, Покровский выдвигает такую реакционную формулу: «названия «инородцев» гораздо больше заслуживают пришельцы, маленькими островками вкрапливающиеся в гущу автохтонного населения». Венцом этой формулы является утверждение, что «в жилах великоруссов течет 80% их (финнов) крови».[52]

Это совершенно нелепое утверждение, играющее на руку фашистским фальсификаторам и захватчикам. Смехотворные финляндские фашисты, в подражание своим коллегам из Германии, носятся со смехотворной идеей «Великой Финляндии» от Балтийского моря до Уральских гор, включая и Центральное междуречье. При этом они, фальсифицируя историю и современность, пытаются «доказать» то, что основное население — на воображаемой территории «Великой Финляндии» — финское.

Такого рода «доказательства» требуются фашистам для того, чтобы оправдать свои захватнические планы.

Поэтому, преодоление антиленинской, антинаучной концепции Покровского дает в руки историков новое оружие для борьбы против фашистской историографии.

Только на основе критики взглядов Покровского на формирование великорусской народности можно понять взаимодействие славян и финнов в древнейший период истории нашей страны.

Если на момент допустить, что великороссы явились в результате этнического смешения четырех пятых финнов и одной пятой славян, как это допускает Покровский, то законно поставить вопрос: почему не образовалась финская народность на территории Центрального междуречья?

Может быть потому, что финские племена порабощались то норманскими конунгами, то камско-булгарскими феодалами, то русскими князьями? Конечно, феодальное порабощение не могло не повлиять отрицательно на формирование финской народности. Но, ведь, известно, что и славянские племена в определенные промежутки времени угнетались то хазарами, то норманами, а затем монголо-татарскими завоевателями. Конечно, господство тех или иных феодальных угнетателей разобщало славянские племена, раздробляло русский народ, но он не был ассимилирован ни хазарскими, ни норманскими, ни монгольскими завоевателями. Те или иные завоеватели могли временно покорить великий народ, но навязать свою культуру, свой язык они не могли, они были бессильны.

Каковы конечные выводы?

Академик Б. Д. Греков считает, что — «славянство... заняло определенную территорию в Европе не вдруг. Оно само явилось в итоге длительного этногонического процесса, в результате скрещивания различных племен и культур».[53]

Славянская колонизация не носила разбойный характер. Не существует исторических источников для доказательства противоположного. Маркс не исключал возможности мирной колонизации даже в тех странах, где территории были заселены более густо, чем в Восточной Европе. Взять хотя бы факт из немецкой колонизации славянских стран в Прибалтике, отмеченный К. Марксом в своих «Хронологических выписках». Прослеживая проникновение немецких колонистов на территории эстов, ливов, литовцев, Маркс записал: «Этот мелкий люд и пришедшие с ними ремесленники встречали хороший прием до тех пор, пока они не начинали говорить о язве христианства и о десятине».[54]

Этот факт лишь подтверждает ту истину, что между трудящимися разных племен и народов во все эпохи не существует антагонистических противоречий. Господствующим классам подчас удавалось натравлять одно племя на другое, но это не характеризует взаимоотношения свободных или угнетенных земледельцев различных племен и народностей.

Процесс ассимиляции, слияния финских групп с окружающими их более многочисленными славянскими племенами, начался, очевидно, задолго до норманского завоевания и в основном завершился в X веке.

Дофеодальные племенные союзы — меря, весь, мурома и др. сменяются в IX—X вв. новыми этническими образованиями, составлявшими коренное население Междуречья.

Родовые отношения среди славян известны историку — киевскому летописцу. Описывая полян, он отмечает их общественное устройство.

«Полем же жившем особе и володеющем роды своими, яже и до сее братье бяху Поляне, и живяху кождо с своим родом и на своих местех, владеюще кождо родом своим».[55]

Наличие родовых отношений у славян, в период современный появлению летописания, говорит лишь о закате родо-племенного или первобытно-общинного строя, о значительных следах первобытных времен.

Задолго до варяжского завоевания начинается процесс разложения родового строя среди племен Междуречья. Из сельской общины выделяется родо-племенная знать, особенно племенные старейшины, которые затем постепенно превращаются в земель-

ных собственников. Эта знать захватывала общинные земли и превращала свободных крестьян-смердов в зависимых людей. «Старая чадь», в руках которой раньше находились запасы урожая, закабаляет обедневших смердов. Процесс закабаления протекает неравномерно: те племена, которые жили поблизости к торговым путям (волжский, «из варяг в греки»), раньше переходили к более сложным общественным отношениям. Из среды общинно-племенной знати вырастает туземное боярство, выделяются племенные князья, властвующие в укрепленных славянских городах — Ростове, Суздале и Муроме.

Имущественная и общественная дифференциация среди древнейшего населения Ростово-Суздальского края — мери, вятичей, веси, мордвы ярко иллюстрируется археологическими данными. Прежде всего любопытны Брембольские курганы (IX—X вв.) на берегу Переяславского озера, получившие свое название от села Брембол, в районе которого производились раскопки этих курганов. Брембольские курганы можно разделить на две категории: «Могилки» и «Княжи могилы». Последние отличаются от первых богатством погребения. Археологи обнаружили в княжеских могилах изящные украшения, совершенное по своей отделке оружие (ножи с рукоятками, секиры), монеты, кости коня и т. д. В одном богатом погребении у пояса покойного обнаружили ключ.

В Белогостицах, около Ростова, был найден клад, показывающий сбережения значительных сокровищ в руках отдельных лиц. Наличие иностранных монет и бытовых предметов говорит о торговых связях местных жителей с соседними народами и племенами. Данные раскопок дают возможность судить о наличии некоторого общественного разделения труда. Около Ростова было раскопано городище на р. Саре (VIII — IX вв.), представлявшее собою крупное ремесленное поселение.

Среди славянских племен, в особенности среди тех, которые находились на водном пути «из варяг в греки» (например ильменские славяне, поляне и др.), начинался процесс складывания довольно сильной княжеской власти.

Первыми правителями на Руси были местные славянские князья, которые, подобно древлянскому князю Малу, были «лучьшие мужи», «князи добры», много постаравшиеся над устроением своего племени. Эти племенные князья опирались на старейшин, игравших важную политическую роль даже в Киевском государстве.

Из более ранних легендарных князей автор «Повести временных лет» прежде всего упоминает полянского князя Кия.

Летописец опровергает несведующие рассуждения о том,

яко Кий есть перевозник». «Аще бо бы перевозник Кий, то не бы ходил Цареграду; но се Кий княжаше в роде своемь; и приходившю ему ко царю, якоже сказають, яко велику честь приял есть от царя, при которомь приходив царю».

Далее автор летописной повести сообщает о неудачной попытке князя Кия перенести свою резиденцию в устья Дуная: «идущю же ему вспять, приде к Дунаеви, и възлюби место, и сруби градок мал, и хотяше сести с родом своим, и не даша ему ту близь живущий: еже и доныне наричють Дунайци городище Киевець. Киеви же, пришедшю в свой град Киев, ту живот свой сконча; и брат его Щек и Хорив и сестра их Лыбедь ту скончашася.

И по сих братьи держати почаша род их княженье в Полях, а в Деревлях свое, а Дреговичи свое, а Словени свое в Новгороде, а другое на Полоте, иже Полочане».

Крупную роль в разложении патриархально-родовых отношений сыграло холопство. Холоп, или челядинец, относился к категории рабов. О наличии рабов у славян говорит ряд иноземных источников. Холопство (рабство) форсировало развитие феодальных отношений и вело к крепостному рабству. Ленин говорил:

«Рабство в громадном большинстве стран в своем развитии превратилось в крепостное право. Основное деление общества — крепостники-помещики и крепостные крестьяне. Форма отношений между людьми изменилась. Рабовладельцы считали рабов своей собственностью, закон укреплял этот взгляд и рассматривал рабов как вещь, целиком находящуюся в обладании рабовладельца.

По отношению к крепостному крестьянину осталось классовое угнетение, зависимость, но крепостник-помещик не считался владельцем крестьянина, как вещи, а имел лишь право на его труд и на принуждение его к отбыванию известной повинности. На практике, как вы все знаете, крепостное право, особенно в России, где оно наиболее долго держалось и приняло наиболее грубые формы, оно ничем не отличалось от рабства».

Зарождение примитивных феодальных отношений на территории Восточной Европы еще не означало полной ликвидации дофеодального уклада. Как известно, пережитки патриархальщины и рабства сохранились вплоть до Великой пролетарской революции.

В 1918 г. Ленин писал, что в Советской России налицо элементы различных общественно-экономических укладов. Россия так велика и так пестра, что все эти различные типы общественно-экономического уклада переплетаются в ней».

И прежде всего, при перечислении этих укладов, Владимир Ильич отмечает «патриархальное, т. е. в значительной степени натуральное крестьянское хозяйство», которое своими истоками, корнями уходит в дофеодальную эпоху.

Из этого следует, что знакомство с патриархально-родовым строем у славянских и других племен Центрального междуречья имеет не только узко исторический интерес.

Смена одного типа производственных отношений другим не могла произойти сразу. Между ними находится переходная стадия производственных отношений, характерная для первых веков Киевской Руси.

ГЛАВА ВТОРАЯ

РОСТОВО-СУЗДАЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ В СОСТАВЕ КИЕВСКОГО ГОСУДАРСТВА

ВАРЯЖСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ СЛАВЯНСКИХ ПЛЕМЕН

Историю Ростово-Суздальской земли в IX—XII вв. необходимо рассматривать в связи с основными событиями Киевской Руси. Отрывочные летописные сведения об этом крае станут понятными лишь на фоне истории Славянской земли в целом.

Во второй половине IX столетия славянская земля стала объектом агрессии со стороны варягов (варяг — от слова «вар» — вооруженный человек).

Фашистские историки рассматривают норманское завоевание северо-восточных славянских племен как проявление «культурного влияния» северной расы на «низшую расу» — славян. Нашествие варягов на Русь трактуется как победа «государственности» над «стихией диких племен» славян.

Казенная историческая наука фашистской Германии извращает все исторические факты и события, чтобы «обосновать» нелепый, клеветнический тезис «фюрера» Гитлера о том, что якобы «не государственные дарования славянства дали силу и крепость русскому государству. Всем этим Россия обязана была германским элементам».[1]

Продажные фашистские «ученые» всячески смакуют это клеветническое утверждение «фюрера» и широко проповедывают «теории» о том, что славянские народы якобы не способны иметь свое собственное государство, что они во все времена и эпохи управлялись «германскими элементами».

Фашисты всячески извращают прошлое древнейших народов Восточной Европы.

Правдивое освещение исторических событий разбивает в пух и прах все фашистские бредни по поводу истории нашей страны, в том числе и их выводы о роли варяжского завоевания в истории Руси.

Еще до появления варяжских князей славяне играли са-

мостоятельную политическую роль. Термины «русы» или «росы» встречаются в источниках до легендарного Рюрика.

Один из современных исследователей вопроса о «норманском завоевании» и происхождении Руси пришел к следующему выводу: «имя Русь», вовсе не встречающееся в Скандинавии и не связанное с ней ни исторически, ни географически, возникло в связи с созданием государственной организации на юге нашей территории раньше появления здесь норманов, которые затем уже были использованы этой государственностью для своих военных целей. «Поляне — яже ныне зовомая Русь»,— говорит летописец. Русь — такое же исконное местное наименование в восточной Европе, как славяне — исконные жители этой территории».[2]

Первые известия о русах обнаружены в Бертинских анналах (римских летописях) за 839 г. В этом году русы прибыли к императору Людовику I Благочестивому в составе посольства византийского императора Феофила. Император Людовик I с почетом принял греческих послов, а также и русов. Последние говорили императору, «что их, то есть их народ, зовут Рос (Rhos)», и они посланы своим царем, «по имени Хакан (Chacanus)», к Феофилу «ради дружбы». Греческие послы вручили Людовику I императорское письмо, в котором Феофил «просил, чтобы император милостиво дал им (русам) возможность воротиться в свою страну и охрану по всей империи, так как пути, какими они прибыли к нему в Константинополь, шли среди варваров, весьма бесчеловечных и диких племен, и он не желал бы, чтобы они, возвращаясь по ним, подвергались опасности».[3]

Людовик I Благочестивый охотно принял послов «Хакана» (князя) русов, но сомневался в том, с добрыми ли намерениями они пришли в его страну. Бертинские анналы любопытны тем, что они называют росами или русами народ, так же как византийские писатели называли Киевское государство Русью. Из этого следует, что понятия «Русь», «русские» связано не с варяжским племенем завоевателей, а с теми многочисленными славянскими племенами, которые издавна жили в Восточной Европе. Вышеприведенный источник имеет значение еще и в том, что устанавливает наличие хакана, или князя русов, как называли иностранцы местных славянских властителей.

Князья русов осуществляли активную внешнюю политику. В Житии Георгия Амастридского сообщается о походе русов на Амастриду, приморский город в Малой Азии на южном побережье Черного моря, недалеко от Синопа.

О грозном нашествии русов на Царьград отмечает константинопольский патриарх Фотий в 860 г., что некоторые исследова-

тели ошибочно отождествляют с летописным известием о походе Аскольда и Дира на Византию. Извлечение из второй беседы патриарха Фотия дает такую оценку нашествия Руси:

«Народ неименитый, народ несчитаемый (ни за что), народ поставляемый наравне с рабами, неизвестный (точнее по греческому подлиннику — незнатный), но получивший имя со времени похода против нас, незначительный, но получивший значение, униженный и бедный, но достигший блистательной высоты и несметного богатства, народ где-то далеко от нас живущий, варварский, кочующий, гордящийся оружием, неожиданный, незамеченный, без военного искусства, так грозно и так быстро нахлынул на наши пределы, как морская волна, и истребил живущих на этой земле, как полевой зверь траву или тростник или жатву, — о, какое бедствие, ниспосланное нам от бога...».

Конечно русы находились на более низком уровне экономического и культурного развития, чем греки, но это не исключало возможности их победоносных походов на Византию. Этот документ говорит о том, что еще до появления варяжских завоевателей русы, или славяне, играли крупную политическую роль.

Норманы, или варяги, появились в славянской земле как грабители, сборщики дани и охотники за челядью, т. е. рабами. Из летописи известно, что уже «в лето 6367 (т. е. 859 году) имаху дань Варязи из-за морья на Чюди и на Словенех, на Мери и на Всех (т. е. Весех) и на Кривичех».

Таким образом летописные первоисточники опровергают ходячее утверждение фашистской истории о том, что славяне находились под «плодотворным влиянием» норманов. Если бы это было действительно плодотворное влияние, то подданные славяне не подняли бы восстания против варягов и не прогнали бы их обратно за море.

Под датой «862» сообщается следующее: «изгнаша Варяги за море и не даша им дани, и почаша сами в собе володети». В летопись вставлена легенда о призвании варяжского конунга — князя Рюрика и его дружины.

Автор этой легенды, киевский летописец монах Сильвестр Выдубицкий, объясняет обращение славян к варяжским князьям междоусобицей и войнами.

«И реша сами в себе: поищем себе князя, иже бы володел нами и судил по праву».

Послы славянских и прибалтийских племен (Чуди, Словени, Кривичей и Веси) пошли за Балтийское море (тогда Варяжское) и обратились к сильному варяжскому племени: «земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет: да поидете княжить и володети нами». И изъбрашася три братья с роды своими, (и)

пояша по собе всю Русь и придоша старейший Рюрик, (седе Новегороде), а другой, Синеус, на Белоозере, а третий Изборьсте, Трувор». Летописец Сильвестр освещал события далекого прошлого с точки зрения своего времени (XII в.), проводя ту идею, что князья призывались всем народом.

После смерти братьев Синеуса и Трувора Рюрик стал единодержавным правителем в новгородской земле. «Прия власть Рюрик, и раздая мужем своим грады, овому Полотеск, овому Ростов, другому Белоозеро. И по тем городом суть находници Варязи, а перьвии насельници в Новегороде Словене, (в) Полотьсте Кривичи, в Ростове Меря, в Бело-озере Весь, в Муроме Мурома; и теми всеми обладаше Рюрик».

Варяжская власть встретила упорное сопротивление со стороны новгородцев, возглавляемых Вадимом Храбрым. В 863 году «оскорбившиеся новгородцы глаголюше, яко быти нам рабом и много зла всячески пострадати от Рюрика и от рода его. Того же лета убил Рюрик Вадима Храброго и иных мнози новгородцев».

Норманы несли подданным славянам и финнам рабство. Ополонение челядью, т. е. захват норманами рабов в славяно-финской земле связан с агрессивной внешней политикой рюриковичей: варяги стремились захватить Царьград, где можно было продавать рабов как самый ценный товар.

Варяги не сумели, не смогли, были бессильны навязать побежденному народу свой способ хозяйствования, свою культуру, свой язык. Славянская культура поглотила варягов. Норманы слились со славянами. Энгельс писал, что «в огромном большинстве случаев при прочных завоеваниях дикий победитель принужден приноравливаться к тому высшему «экономическому положению», какое он находит в завоеванной стране; покоренный им народ ассимилирует его себе и часто заставляет даже принять свой язык».[5]

Эти слова Энгельса целиком относятся и к норманам-завоевателям. Завоеватели восприняли славянскую культуру, славянский язык. Автор «Повести временных лет», освещая события за период с 888 по 897 гг., констатировал факт ославянивания варяжских конунгов: «Тем же и Словенску языку учитель есть Павел, от него же языка и мы есмо Русь, тем же и нам Руси учитель есть Павел, понеже учил есть язык Словенеск и поставил есть епископа и наместника по себе Андроника Словеньску языку. А Словеньский язык и Руский одно есть».

Ославянившиеся варяжские конунги и их дружинники сливаются со славянской аристократией. Верхушка славянского общества вступила в состав варяжских дружин.

ПОЛЮДЬЕ—СБОР ДАНИ КНЯЗЬЯМИ И ДРУЖИННИКАМИ

«Повесть временных лет» распространяет власть новгородского князя Рюрика и на Ростовскую область.

Племена Волжско-Окского междуречья — Меря и Мурома, — по заявлению летописца, — дань дают варягам.

В лето 6390 (или 882 г.) князь Олег, во главе «воя многи», направляется в землю племени Меря и «прия град и посади мужь свои».[6]

Б. Д. Греков, отмечая связь мерянской земли с Приднепровьем в период княжения Олега, первого киевского князя из династии Рюриковичей, пишет: «На востоке киевский князь имел своего представителя в области мери, где давно уже был город Ростов, построенный новгородцами».

Наместник киевского князя силой оружия поддерживал связь между этими землями, так как — основная цель властвования заключалась в получении с покоренной массы дани и военных отрядов, необходимых киевским князьям для укрепления и расширения своих владений. Эта дань в руках князей и дружинников превратилась в товар и шла главным образом за границу и прежде всего в Византию».[7]

После захвата Киева, который был объявлен «мати градом Русьским» князья Олег и Игорь «нача грады ставити, и дани устави Словеном и Варягом даяти, и Кривичем и Мерям дань даяти Варягом, а от Новагорода 300 гривен на лето мира деля, еже не дають».

Маркс в своем сочинении «Секретная дипломатия» объясняет быстрое расширение империи Рюриковичей примитивной организацией варварского завоевания. «Ускоренный темп расширения норманской державы, — пишет Маркс, — является следствием не какого-нибудь заранее выдуманного хитроумного плана, а естественным результатом примитивной организации норманских завоеваний—вассалитет без ленных отношений или лены, составлявшиеся только из жалованья, причем необходимость в новых завоеваниях диктовалась непрекращающимся потоком новых авантюристов, жаждавших славы и добычи».

Те отношения, которые установились между норманскими завоевателями и подданным населением, находили свое выражение в полюдьи: князья и их дружинники «ездили по людям» и собирали натуральную дань с крестьян-смердов. Дань являлась основным источником эксплоатации населения. А это говорит о том, что в то время еще не было развернутых феодальных отношений.

Производственные отношения между людьми на Руси в

IX—X вв. можно определить как переходные производственные отношения. Это был переход от первобытно-общинных производственных отношений к феодальным производственным отношениям. Эту переходную стадию «от одной формы производственных отношений к другой форме» Маркс охарактеризовал в Secret diplomatic как «вассалитет без ленного пожалования». Эти переходные отношения, ярко выраженные в полюдьи, явились вполне естественным явлением на рубеже смены основных типов производственных отношений — первобытно-общинного и феодального. Особенность этой переходной стадии у восточных славян состоит в значительном развитии рабства, хотя последнее и не составило отдельной формации.

Киевские князья интересовались Центральным междуречьем постольку, поскольку оно было объектом грабежа в форме сбора дани. Дань собиралась вооруженной княжеской дружиной; таким образом княжеский отъезд в полюдье мало чем отличался от военных экспедиций. Иностранные писатели детально интересовались характером княжеского полюдья.

Византийский император Константин Багрянородный в своем трактате «Об управлении государством», написанном в конце 40-х и начале 50-х гг. X века, писал о суровом образе жизни русов в зимний период. «Когда наступит ноябрь месяц, князья их тотчас выходят со всеми Русами из Киева и отправляются в полюдье, т. е. круговой отъезд, а именно в Словенские земли Вервианов (древлян), Другувитов (дреговичей), Кривичей, Северинов (северян) и остальных славян, платящих дань Русам.

Прокармливаясь там в течение целой зимы, они в апреле, когда растает лед на реке Днепре, снова возвращаются в Киев. Затем забирают свои однодеревки (маленькие суда, выдолбленные из ствола дерева)... снаряжаются и отправляются в Романию»,[9] т. е. Византию.

Там, где князьям и дружинникам не приходилось бывать, то оттуда подданные «везли повоз» — дань, доставляя ее непосредственно в княжеский центр.

Полюдье киевской дружины являлось основной формой связи между Киевом и городами Волжско-Окского бассейна. А так как эта связь могла поддерживаться лишь при помощи оружия, то нельзя говорить о прочной, долговечной спаянности отдельных, составных, частей империи Рюриковичей. Бояре и дружинники стремятся как можно больше получить дани, при этом не останавливаются перед завоеванием новых областей. Князья часто устраивали походы, — то на север, то в землю камских болгар, то в Волжско-Окское междуречье.

Подданные племена непрерывно стремились к обособлению.—

и это стремление росло по мере усиления объединительной политики киевских князей.

Великокняжеская власть обязывала подданные племена междуречья Оки и Волги давать воинские отряды для участия в различных походах.

Империи Рюриковичей приходилось в трудных условиях отстаивать свое самостоятельное существование. Главными противниками славян были хазары. Это был народ тюркского происхождения, много веков перед тем обосновавшийся в низовьях Волги, на Северном Кавказе и Дону. Еще в VII веке хазары создали могущественный каганат (княжество), который, в союзе с Византией, вел длительную борьбу с арабами, а также и с соседними кочевыми племенами. Хазария имела ряд городов, укрепленных торгово-административных центров, из которых главнейшими были — Саркел, или Белая Вежа на Дону, и Итиль в устьях Волги. Но хазары в основном были кочевниками. Арабский писатель Ибн-Даста отметил такое любопытное явление в жизни хазар: на лето они покидали города, уходили в степи и жили в кибитках. Наряду со скотоводством и рыболовством, хазары занимались земледелием и виноградарством, особенно на Кавказе.

Хазарская аристократия, возглавляемая хаканом (или каганом), вела частые войны и путем грабежа и сбора дани с покоренных племен быстро обогащалась. Хазары устраивали частые и буйные набеги на славянскую землю. Об этом неоднократно упоминают летописи.

Учитывая опасность с юго-востока, князь Олег многое сделал для укрепления Киева и пограничной полосы. Были сооружены специальные сторожевые крепости на случай внезапного набега хазар.

Варяжская дружина Олега, усилившись за счет вступления в нее верхушки славянского общества, могла устраивать победоносные походы против хазар. Известная пушкинская песнь о князе Олеге начинается словами:

Как ныне сбирается вещий Олег
Отмстить неразумным хазарам:
Их села и нивы за буйный набег
Обрек он мечам и пожарам.

Объединившись, славяне стали бить не только хазар, но и греков. Олег особенно прославился своим походом на Константинополь (который на Руси тогда называли Царьградом).

Известно, что в походе в 907 г. князя Олега на Царьград участвовали, наряду с полянами, древлянами, северянами, кривичами, ильменскими словенами, и меряне.

Огромные полчища князя Олега разгромили византийские войска и стали опустошать окрестности Царьграда. Греки вынуждены подписать мир, по которому Олег получил контрибуцию и ряд привилегий для киевских купцов (свободный въезд в Царьград, беспошлинная торговля и др.). Таким путем создавались условия для установления торговых связей с Царьградом-Константинополем.

Русский воин X века.

«И приде Олег к Киеву, неся злато, и паволоки, и овощи, и вина, и всякие узорочье. И прозваша Ольга вещий».

В договоре с греками 911 г. перечисляются русские города, в том числе и Ростов, где «седяху великии князи, под Олгом суще», т. е. подданные князю Олегу.

После смерти Олега в 912 году киевским князем стал Игорь. Князь Игорь получил в наследство от своего предшественника мощную, укрепленную Русь — как объединение разрозненных славянских племен и княжеств, — Русь, с которой считались соседние государства. Византия признала торговые преимущества Руси. Хазария навсегда перестала устраивать буйные набеги на русскую землю. Когда-то мощное государство, Хазария, теснимая новым потоком степных кочевников, печенегами, разваливалась.

При Игоре (912 — 945) продолжалось дальнейшее расширение империи Рюриковичей. Политика объединения славянских племен под властью киевских князей имела прогрессивное значение; ибо это объединение было гарантией независимости

восточно-славянских племен, условием их самостоятельности.

Отдельные славянские племена стремились выйти из зависимости киевского князя. Особенно упорно добивались этого древляне. В 913 г. древляне пытались освободиться от власти киевского князя, но неудачно; хорошо вооруженная дружина Игоря решительно пресекла подобные попытки. Туземные славянские князья или истреблялись или подчинялись Киеву.

На юго-востоке в это время появилась новая опасность — печенеги, которые в 915 г. устраивают первый поход на Русь. Но печенегам приходилось, пока что, самим бороться за господство в степях с хазарами. Поэтому они были не прочь мирно торговать с Русью, участвовать с ней в общих походах.

В свою очередь и князь Игорь добивался мирных отношений с печенегами, покупая у них быков, коней и овец. Русь была заинтересована в мире с печенегами, —что удавалось осуществлять с большим трудом.

Печенеги помирились с Игорем, помогали ему в походах на Царьград. Первый поход (941 года) в греческие владения был неудачным («одолеша Греци Русь»). В морском бою греки применили особые зажигательные вещества и подвергли уничтожающему огню «лодьи русския».

Второй поход (944 г.) был более удачным, хотя Игорю не удалось дойти до Царьграда. Греки откупились от Игоря и заключили с ним договор в 945 г. Этот договор был менее выгодным, чем договор Олега, заключенный в 911 г. По договору 945 г. Игорь обязался не пускать в страну Корсунскую (Крым) «черных болгар».

*

Русь времени Игоря имела примитивные феодальные отношения без земельных пожалований, в силу чего дань являлась основной формой эксплоатации населения.

При сборе дани и погиб Игорь. В Лаврентьевской летописи находится пространное повествование о смерти князя Игоря в 945 г. Это связано с полюдьем в древлянской земле, на правом берегу Днепра. Как для князя, так и для дружинников,— дань являлась основным источником их материального благополучия. Ссылаясь на воинов воеводы Свенельды, дружинники с упреком говорили князю Игорю: «Отроци Свеньлъжи изоделися суть оружьем и порты, а мы нази; поиди, княже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы».

Игорь послушал своих дружинников и направился к древлянам собирать дань. Подданные жители древлянских поселков

должны были запасти меха, мед и воск. Собранное укладывалось в княжеские повозки и увозилось в Киев. Объехав древлянскую землю, князю Игорю показалось, что он мало собрал дани. Поразмыслив, он сказал своей дружине: «идите с данью домови, а я возъвращюся, похожю и еще».

С небольшим количеством дружинников он вернулся в древлянскую землю. Древляне, прослышав о возвращении князя Игоря, «сдумавше со князем своим Малом аще ся въвадить волк в овце, то выносить все стадо, аще не убьют его; тако и се аще не убьем его, то вся ны погубить».

Древляне предупреждали Игоря: «почто идеши опять? поимал еси всю дань». Но князь Игорь не испугался предупреждения и пошел к Искоростеню — древлянскому центру. Древляне вышли из града Искоростеня и разгромили княжескую дружину. Над князем Игорем они учинили дикую казнь: его ноги привязали к пригнутым до земли вершинам двух деревьев, и когда отпустили деревья, князь Игорь был разорван на части.

Расправившись с князем Игорем, древляне направили в Киев к княгине Ольге лучших мужей-послов с таким предложением: «мужа твоего убихом, бяше бо мужь твой аки волк, восхищая и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю, да поиди за князь наш за Мал».

Сватовство княгини Ольги за древлянского князя Мала имело определенный политический расчет: овладеть княжеским столом в Киеве и устранить пути к престолу для преемника Игоря по мужской линии — Святослава («сотворим ему, якоже хощем»).

Ольга проявила удачную хитрость в обращении с древлянскими послами; она заявила им, что даст свой ответ после того, как на другое утро почтит память убитого князя. Древлянские послы, ничего не подозревая, ушли спать в свои лодки. Ночью их схватили, бросили в яму и закопали. Ольга приглашает новую группу знатных послов — мужей нарочитых и сжигает их в «истобке»[9].

Но этим не ограничилась месть Ольги за смерть Игоря. Княжеская дружина осадила главный город древлян — Искоростень (946 г.). Древляне упорно отстаивали свою независимость; в течение года они не сдавали свой город киевской рати. Тогда Ольга прибегла к новой хитрости, она потребовала от древлян малозначительную дань — по три голубя и по три воробья с каждого двора.

Жители осажденного города, много претерпевшие лишений во время осады, согласились выдать по три голубя и по три воробья с каждого двора. По распоряжению княгини Ольги, к

лапкам птиц, выданных древлянами, привязали просмоленные пучки пакли, зажгли их, и напуганные птицы улетели обратно в город, в свои гнезда. В городе начался пожар. Воины Ольги воспользовались пожаром и захватили город. Стойкие защитники древлянской земли были перебиты.

Летописный рассказ о методах мести Ольги древлянам является несомненно легендарным. Сюжет этого рассказа заимствован из фонда скандинавских, датских и чешских преданий и восточных легенд.

Захватив главный город древлянского племени Искоростень и подавив восстание древлян, княгиня Ольга проводит, весьма важную для своего времени. финансово-административную реформу. Об этой реформе летопись сообщает следующее:

«И возложи на ня (т. е. на древлян) дань тяжьку: 2 части дани идета Киеву, а третья Вышегороду к Ользе; бе бо Вышегород град, Вользин. И иде Вольга по Дерьвьстей земли с сыном своим и с дружиною, уставляюще уставы и уроки; суть становища и ловища. И приде в град свой Киев с сыном Святославом и пребывши лето одино. В лето 6455, иде Вольга Новугороду и устави на Мьсте погосты и дани по Лузе оброки и дани: ловища ея суть по всей земли, знаменья и места, и погосты, и сани ее стоять в Плескове и до сего дне, и по Днепру перевесища, и по Десне, и есть село ее Ольжичи и доселе».[10]

Отмена былого произвола при сборе княжеской дани и установление более или менее определенных норм ее для древлян в 947 году — надо рассматривать в связи с уроками восстания древлян и гибелью Игоря. Княгиня Ольга учла то, что прежняя система сбора дани не гарантирует от повторения новых возмущений подданных племен. Введение уставов и уроков означало установление общей суммы дани, взыскиваемой с дыма (жилого дома, хозяйства) или рала (сохи), являющимися единицами обложения в древней Руси. Дань собиралась скорою (мехами, шкурками), медом, воском и т. д. Размер дани в результате этой финансовой реформы не уменьшался, а увеличивался. Летописец определенно заявляет о том, что Ольга обложила древлян тяжелой данью. Летопись указывает на принципы распределения собранной дани: две трети дани киевскому государственному центру и одну треть на содержание княжеской резиденции Вышгорода.

Финансовая реформа Ольги не ограничилась данями: кроме дани, древляне облагались оброком — продуктовой, а в некоторых случаях, и денежной рентой. Оброк взимался с земли в пользу княжеской власти и в силу этого приобретал характер феодальной ренты.

Таким образом взаимоотношения между Киевом и подданными племенами значительно усложнялись. Прежняя форма сбора дани в виде полюдья стала не соответствовать новым условиям. Встала задача создания местной княжеской администрации, которая бы обеспечила своевременный и полный сбор дани и оброка. Эта задача не могла быть разрешена без преодоления таких племенных князей, которые, подобно древлянскому князю Малу, стремились к обособлению от Киева.

Летопись сообщает о создании Ольгой погостов. Эти погосты стали центрами княжеской администрации, куда свозились дани и оброки. Наличие таких административных центров давало возможность князю и его дружинникам освободиться от сбора дани и не ездить в полюдье. Сын Ольги Святослав годами отсутствовал в Киеве, увлекаясь со своими дружинниками дальними военными экспедициями.

Сражение русских воинов с булгарами. (X век).

Наконец, летопись говорит о ловищах, знаменьях, местах и перевисищах, которыми овладевает княгиня Ольга. Это были рыбные и бортные промыслы и угодья, приспособления для ловли птиц и т. д. На всех этих важных экономических объектах Ольга ставила знамя, то есть знак личной собственности. Все эти угодья и промыслы были связаны с определенными селами, которые также объявлялись княжеской собственностью. Село Ольжичи, о котором упоминает летопись, конечно не было единственным в княжеской собственности.

Основная внешнеполитическая задача (захват Царьграда), поставленная Рюриковичами, казалось, была близка к осуществлению при князе Святославе. Маркс писал об этом эпизоде из истории империи Рюриковичей: «Более восьми веков тому назад Свято-

слав, бывший тогда еще языческим великим князем России, заявил на собрании своих бояр, что «под владычество России должны попасть не только болгары, но и Греческая империя в Европе вместе с Богемией и Венгрией».[11]

Князь Святослав перенес свою резиденцию в устье Дуная, в город Переяславец, куда стекалось всякое добро, золото и рабы. Он пытался использовать дунайских болгар для захвата византийской столицы. Но несмотря на длительную подготовку, поход на Византию оказался неудачным. Возвращаясь домой, около днепровских порогов, Святослав был настигнут половцами и убит в 972 г.

При его преемниках происходит изменение внешней политики Рюриковичей по отношению к Византии; вместо вооруженной борьбы с греками устанавливаются культурные связи с ними, нашедшие яркое проявление в введении христианства.

ВВЕДЕНИЕ ХРИСТИАНСКОЙ ВЕРЫ

Развитие славянской культуры в X—XI вв. связано с Византией, одной из культурных стран того времени. Это был период расцвета державы Рюриковичей, ее политического преуспевания.

Крупнейшим этапом в славяно-византийском сближении было введение христианства.

Распространение христианства на Руси началось гораздо раньше официальной даты «крещения русского народа». По мере того как росли культурные связи империи Рюриковичей с Византией, создавались необходимые условия для принятия христианства. Это несомненно связано с развитием феодальных отношений, когда дружинно-княжеская знать не стала удовлетворяться старой родовой религией. Чем это объясняется?

«Все религии древности, — писал Энгельс, — были первобытными племенными...».[12] Языческая вера славян отражала родоплеменной строй общественных отношений.

О религиозных верованиях славян греческий писатель Прокопий писал: «Единого бога, громовержца, признают они владыкой всего мира, и в жертву ему приносят быков и всякого рода священных животных. Судьбы они совсем не знают, и не приписывают ей никакого влияния на людей. Когда им угрожает смерть, в болезни ли, или на войне, они дают обет, что если избегнут смерти, то тотчас же принесут, за спасение жизни, жертву богу,— и когда опасность миновала, приносят жертву и считают, что этим купили свое спасение. Поклоняются также рекам и нимфам, и другим божествам, и всем им приносят жертвы; при этих жертвоприношениях гадают».[13]

Другие источники, в том числе и летописи, сообщают, к сожалению, краткие сведения о древней религии славянских племен и их соседей. На основании имеющегося материала можно сделать вывод, что в основе древней религии славян находилось почитание полезных и грозных явлений природы, а также почитание и выдающихся предков. Кумиром всех языческих богов был бог солнца — Дажьбог. Солнце несло тепло и свет, оживляло природу и людей; оно было великим даром жизни. Небесную сферу называли Сварогом — отцом Дажьбога, поэтому последнего величали Сварожичем. Покровителем скота был бог Велес. Грозные явления природы представляли — Перун, олицетворяющий собой гром и молнию, и Стрибог — божество ветра.

На выдающихся местах воздвигались изображения этих богов,— кумиров, которым поклонялись люди и часто приносили им свои жертвы. Вся природа одухотворялась, везде жили добрые или злые духи — русалки, лешие, черти.

Ежегодно устраивались праздники, посвященные тем или иным явлениям в природе. Наступление весны отмечали праздником Красная горка . Праздник «Купалы» посвящали проводам лета. Середина зимы, «поворот солнца на лето»,— отмечалась праздником, называемым «колядою» или «овсенем».

У славян был широко развит культ предков. Выдающихся родоначальников они не только почитали, но и обоготворяли, особенно после их смерти. Они представляли, что умерший уходит в иную загробную жизнь, но не перестает заботиться о своих сородичах. Этого покровителя рода сородичи всячески почитали и приносили ему жертвы, как и богам природы. В определенное время года устраивались тризны-поминки предков: **весной «радуница», летом «русалий».**

Изменения общественных и политических условий Руси в IX—X вв. неизбежно должны были привести к замене племенной религии христианством, которое соответствовало новым отношениям. Если в древности племенные боги и культы были разнообразны, то христианство не мирилось с подобным религиозным сепаратизмом. Победа новых производственных отношений вела к изменению идеологии древнего славянского общества. Среди князей и дружинников **византийская вера** скоро становится весьма популярной, так как она обоготворяла сильную княжескую власть и освящала феодальное угнетение. Уже в княжение Игоря были поклонники царьградской веры. Это подтверждается договором князя Игоря с греками в 945 г., где указываются формы клятвы для христианской и нехристианской части княжеской дружины.

Княгиня Ольга, жена Игоря, первая приняла христианство в

955 году, поехав для этой цели к царьградскому патриарху. В принятии христианства княгиня Ольга видела средство объединения славянских племен вокруг Киева и подчинения их княжеской власти. Христианская проповедь о божественности княжеской власти особенно понравилась Ольге, и она призывала своего сына Святослава к принятию греческой веры. Но воинственный князь Святослав пытался решить те же задачи, но при посредстве захватнических войн.

При Ольге были лишь первые шаги к признанию христианства среди киевской знати. Даже в начале княжения Владимира Святославича языческая вера держалась более или менее прочно. Когда Владимир Святославич стал киевским князем, то в первую очередь поставил «кумиры на холму вне двора теремного: Перуна древяна, а главу его сребрену, а ус злат, и Хърса, Дажьбога, и Стрибога, и Симарьгла и Мокошь. И жряху им, наричюще я богы...»[14]

Но это был последний взлет языческой веры.

Согласно летописи, подготовка к религиозной реформе началась за несколько лет до официальной даты принятия христианства.

Князь Владимир Святославич не сразу решается на принятие новой веры, не вдруг проводит массовое крещение на Руси, а предварительно знакомится с различными верами.

На Руси появляются проповедники разных вер. В 986 г. приходили болгары и говорили князю Владимиру: «Яко ты князь еси мудр и смыслен, не веси закона; но веруй в закон наш и поклонися Бохъмиту». Не понравилось князю Владимиру то, что согласно болгарской веры «свинины не ясти, вина не пити». Послушав болгарских проповедников, он ответил им: «Руси есть веселье питье, не можем без того быти».

Потом появились немецкие миссионеры, посланные папой. Князь Владимир спросил их: «кака заповедь ваша?» Они ответили: «пощенья по силе; аще кто пьеть или ясть, то все в славу Божью, рече учитель наш Павел». На это князь Владимир сказал: «идите опять, яко отци наши сего не приняли суть».

Затем были в Киеве хазарские и греческие проповедники. Византия прислала в Киев философа, который имел пространную беседу с князем Владимиром по вопросу о верах.

Таким образом, летопись отмечает, что до принятия христианства происходило предварительное ознакомление с верами различных феодальных государств.

В 987 г. князь Владимир созывает бояр и старцев градских на совещание о вере. На этом совещании решили послать десять мужей добрых для ознакомления с религиями известных наро-

дов. Княжеские послы особенно восхитились церковной службой с пением в царьградских храмах. «Мы убо не можем забыти красоты тоя, — говорили посланцы князю и его дружине, — всяк бо человек аще вкусить сладка, последи горести не принимает, тако и мы не имамы сде быти».

Бояре поддержали выбор греческой веры. Они говорили князю: «аще бы лих закон Гречьский, то не бы баба твоя приила, Ольга, яке бе мудрейши всех человек».

Греческая вера произвела исключительное впечатление на киевских послов; богатые царьградские храмы, торжественное богослужение в них, церковные книги — все это вместе взятое убеждало послов в величественности византийской феодальной культуры.

Так подготовлялось крещение Руси,— как об этом повествует летописная легенда. Конечно, введение новой веры не было прихотью князя и его дружинников, а следствием определенного политического расчета.

«Повесть временных лет» объясняет факт крещения князя Владимира в связи с его походом на греческий город Корсунь (или Херсонес) в 988 году. Корсуняне заперлись в городе, долго и упорно сопротивлялись. Между тем, киевские воины, расположившись боевым лагерем у залива, на расстоянии полета стрелы от города, были полны решимости захватить осажденную крепость. Князь Владимир сказал корсунцам: «если не сдадитесь, буду стоять больше 3 лет». Решено было приступом взять Корсунь. Для этой цели готовились рати, а к крепостным стенам подвозили землю для насыпи, по которой намеревались итти на осажденных в момент штурма. Корсуняне, сделав подкоп под городские стены, уносили землю в город и тем самым препятствовали сооружению насыпи.

В этот момент некий корсунянин Анастас выпустил из осажденного города стрелу со следующей надписью к князю Владимиру: «Из колодца, который за тобой от востока, идет вода по трубе (в город), раскопай и перейми (воду)». Узнав о таком секрете, Владимир решил креститься, если осуществится план взятия города.

Трубы были перерезаны, и город оказался без воды. Жажда принудила корсунян сдаться. Город был захвачен княжеской дружиной. После этого князь Владимир послал византийским царям Василию и Константину следующее сообщение:

«Вот я взял ваш славный город. Слышал я, что у вас сестра девица, если не отдадите ее за меня, то сделаю с вашим городом, что сделал с этим». Сообщение ультимативного характера произвело большое впечатление в Царьграде: Константин и Ва-

силий соглашались отдать свою сестру Анну в жены князю Владимиру, но при условии, если он предварительно примет греческую веру. Посланникам византийских царей князь Владимир ответил: «скажите царям так: я крещусь потому что прежде этого испытал ваш закон и ваша вера и служение любы мне, как рассказывали мне посланные наши мужи».

Из этого следует, что корсунский эпизод не есть первопричина крещения князя Владимира, а лишь фактор, ускоривший это событие.

После Корсунского похода великий киевский князь Владимир Святославич принимает греческую веру.

Христианство было объявлено официальной религией в 988 г. В первую очередь, по княжескому указу, были окрещены киевляне. Затем обряд принятия христианства совершался в других городах Киевского государства.

Христианство потому охватило Русь, что освящало складывающиеся в ней новые общественные отношения.

«Христианство заставило зазвучать струну, — писал Энгельс, — которая должна была найти отклик в бесчисленных сердцах. На все жалобы по поводу тяжелых времен и по поводу всеобщей моральной и материальной нищеты христианское сознание греховности отвечало: да, это так, и иначе быть не может; в испорченности мира виноват ты сам, виноваты вы все, твоя и ваша собственная внутренняя испорченность!»[15]

Провозглашение христианства обязательной государственной религией имело большое значение и для внутреннего и для внешнего положения Киевского государства. С одной стороны, эта реформа знаменовала собой первую победу феодальной идеологии, а с другой стороны, — она положила прочное основание для сближения славянских народов с народами более высокой византийской культуры.

Царьградское духовенство сыграло несомненно положительную роль в распространении просвещения, грамотности на Руси в связи с популяризацией церковных и даже светских книг.

«Повесть временных лет» отмечает ряд нововведений, проведенных князем Владимиром после крещения киевлян. Князь Владимир «повеле рубити церкви и поставляти по местам, идеже стояху кумиры; и постави церковь святаго Василья на холме, идеже стояше кумир Перуи и прочии, идеже творяху потребы князь и людье; и нача ставити по градам церкви и попы, и люди на крещенье приводити по всем градом и селом. Послав нача примати у нарочитые чади дети, и даяти нача на ученье книжное; матеря же чад сих плакахуся по них, еще бо не бяху ся утвердили верою, но аки по мертвых плакахуся».[16]

Церкви и монастыри были первыми каменными постройками на Руси.

Православные церкви, строившиеся из кирпича, по своему виду напоминали деревянные постройки — княжеские или боярские хоромы с разнообразными пристройками: наружными лесенками и башенками, с большим количеством мелких глав вместо одного большого купола. Колокольни на церквах не строились: колокола подвешивались отдельно на особых столбах.

Основание монастырей имело большое значение в деле распространения письменности и заселении окраин Руси. Надо подчеркнуть «прогрессивную роль монастырей в первые века после крещения Руси, как рассадников письменности и колонизационных баз»,[17] как об этом сказано в постановлении жюри правительственной комиссии по конкурсу на учебник по истории СССР.

Из Византии русские люди перенимали не только строительство каменных зданий и прежде всего храмов: от греков Русь получила церковную живопись, музыку и церковное пение. Крещение Руси оказало огромное влияние на литературу, искусство и архитектуру.

Принятие славянами греческой веры способствовало ознакомлению русских людей с культурой других народов. Первое знакомство киевских князей и дружинников с фактами всемирной истории началось после принятия христианства. Появляются хронографы — сводные обзоры всеобщей истории. Древнейший хронограф представлял собою сборник выписок из библейских сказаний, византийских хроник и других источников.

Из Византии Русь заимствовала календарную систему, которая определяла начальную дату хронологического счета — сотворение мира, происшедшее, согласно библии, в 5508 г. до христианской эры.

Все это говорит о том, что народы нашей страны в раннее средневековье имели культурную связь с европейскими и азиатскими народами. Религиозная реформа князя Владимира Святославича подготовила то, что «в одиннадцатом веке Киев подражал во всем Константинополю, и его называли вторым Константинополем».[18]

Из этого следует, что введение христианства было прогрессом по сравнению с языческим варварством, что вместе с христианством славяне получили письменность и некоторые элементы более высокой византийской культуры».[19]

Христианство укрепило и усилило княжескую власть, помог-

ло значительно крепче объединить разрозненные славянские племена под властью киевских князей.

Подводя итоги, можно отметить, что еще на заре истории народы Восточной Европы имели разнообразные связи с культурными народами Запада и Востока. Поэтому, абсолютно правильно замечание товарищей Сталина, Жданова и Кирова о том, что «история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и, вообще, мировой истории».[20]

Культура народов СССР накапливалась веками в тесном общении с мировой культурой.

Советский народ является подлинным наследником общечеловеческой культуры. «Веками накопленная культура народов СССР и культура мировая становится только на нашей родине действительным достоянием, действительной гордостью, действительной радостью жизни всего населения, всего народа».[21]

Знание истории культуры народов Союза Советских Социалистических Республик вооружает каждого гражданина нашей родины на борьбу с озверелым фашизмом и его агентами, подлейшими из подлых, — троцкистами и бухаринцами.

Талантливый борец за общечеловеческую культуру против фашистского изуверства Максим Горький писал:

«Не зная истории культуры, невозможно быть культурным человеком, не зная прошлого, невозможно понять подлинный смысл настоящего и цели будущего».

★

Все защитники старой веры — дохристианского язычества, и главным образом волхвы (кудесники, жрецы), выступали против христианства. В ряде областей происходили столкновения между княжескими дружинниками и царьградскими миссионерами, представителями новой веры, и волхвами, врагами христианства.

Новгородская летопись отметила насильственные методы христианизации в следующей формуле: Путята крестил мечом, а Добрыня огнем». Такими же методами утверждалось христианство в Ростово-Суздальской земле. Древнейший город Междуречья Ростов ранее других становится очагом новой веры.

Греческие миссионеры, прибывшие в Ростов по распоряжению князя Владимира, прежде всего разрушают идола Велеса и избивают местных волхвов. После этого началось крещение ростовичей.

Принятие христианства в конце X столетия не означало окончательную победу новой веры. Борьба новой и старой религий в Ростово-Суздальской земле продолжалась не одно столетие.

Православные миссионеры были не в силах уничтожить дохристианские обряды. В связи с насильственным внедрением христианских обрядов и запрещением «языческих» обрядов происходили частые столкновения. Летописец рассказывает о *бунте против ростовского епископа Леонтия.*

В городах более быстро происходило объединение христианских и «языческих» обрядов и праздников.

Влияние византийской культуры на первых порах не захватывало масс населения. Новые храмы с иконами и пением были только в крупных городах Киевского государства. Царьградские ювелиры изготовляли украшения только для богатых людей, и прежде всего для бояр и князей. Грамотность также являлась уделом лишь ограниченного круга людей правящего класса. Остальная масса народа была лишена возможности пользоваться плодами византийской культуры; народные массы были порабощены князьями, дружинниками и купцами.

«Народ, приняв христианство, продолжал верить в языческих богов и справлять языческие праздники. В обличительных словах того времени часто говорится о «христианах, двоеверно живущих»; митрополит Иоанн в своем «Правиле» черноризцу Иакову упоминает о христианах, которые «жрут бесом, болотом и кладезем», т. е. исполняют прежние языческие обычаи. Не раз появлялись в XI в. волхвы, смущавшие народные массы своими гаданиями; языческие праздники слились с христианскими, и свойства языческих богов стали переноситься на христианских святых: например св. Георгий и св. Власий чтились как покровители скота подобно Волосу».[32]

Весьма популярным народным праздником был день Ивана-Купала («Иванов день»), совпадавший с моментом летнего солнцеворота. Это древнейший земледельческий праздник и, по всей вероятности, он связан с дохристианской религией народов Восточной Европы.

Древнерусские книжники называли Ивану-Купалу богами плодородия, любви и урожая. Как во всех земледельческих религиях, праздник плодородия и урожая теснейшим образом сплетался с обрядом соединения полов, которому приписывалось магическое воздействие на произрастание злаков. В народной массе под именем Купала подразумевалось женское существо, парное мужскому имени Ивана. Когда на Руси утвердилось христианство, праздник Ивана-Купала был соединен цер-

ковью с религиозным мифом о рождении Ивана Крестителя (24 июня).

В Иванову ночь девушки и парни выполняли разнообразные религиозные обряды — прыгание через костры, обливание водой, шествия с разукрашенными чучелами, называемыми по-разному: Купалой, Мареной, Ярилой, Костромой, Кострубонькой.

Наряду с этим существовал обычай кумовства и побратимства.

ОТРАЖЕНИЕ СТЕПНЫХ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ

Русская земля в X веке часто подвергалась нападениям степных завоевателей-кочевников. До середины X века на юго-востоке хозяйничали хазары. Они подчинили себе другие кочевые и оседлые племена и собирали с них дань. Первые киевские князья со своими дружинниками успешно отражали набеги степных захватчиков. Князю Олегу удалось даже отомстить «неразумным хазарам». Князь Святослав окончательно разгромил Хазарскую державу, освободив подданные славянские племена от ига степных кочевников.

Но падение Хазарского каганата (княжества) привело к усилению других кочевых завоевателей — печенегов. В конце княжения Святослава печенеги устраивают набеги на Русь и грабят население. От руки печенегов пал Святослав в неравной битве около Днепровских порогов в 972 г. Преемникам князя Святослава приходилось вести длительную и тяжелую борьбу против степных завоевателей.

О борьбе с кочевниками-грабителями, нападавшими на Киевское государство, рассказывают былины. Они стали слагаться в конце X века, когда особенно усилились набеги степных кочевников на славянскую землю. Устное народное творчество в песнях и сказаниях создает своих героев, бесстрашных, храбрых, с неисчерпаемым запасом смекалки и удали. Это они, славянские богатыри, выразители дум и чаяний народа, борются против «силы нездешней», против степных завоевателей. Былины повествуют о том, что богатыри были основной силой в борьбе против иноземных завоевателей. К ним обращаются князья и на них единственная надежда при появлении внезапной беды. По просьбе киевского князя Владимира Святославича богатырь Илья Муромец сражается против Калин-царя.

Наезжал собака-вор Калин-царь
С сорока царями-царевичами,
С сорока королями-королевичами.

У всех было силы набрано,
У всех было силы заправлено:
У всех было силы по сороку тысячей,
У самого собаки царя-Калина сметы нет.
И ходит собака-вор Калин-царь
По той по силы по поганыя:
«А и же вы, слуги мои верные!
«Кто знает баять по-русскому,
«Толмачить по-татарскому;
«Кто бы сходил во Киев-град,
«Снес письмо ко князу Владимиру,
«Чтобы отдал стольный Киев-град
«Без бою, без драки великия,
«Без большого кроволития».

В этот момент князь Владимир с сожалением вспоминает о сильных, могучих богатырях, которые разъехались, обиженные княжеским нерадением. В Киеве оставался лишь Илья Муромец, посаженный в погреб глубокий. Князь Владимир берет ключи от погреба, заходит туда и обращается к Илье Муромцу:

«А и же ты, старый казак Илья Муромец!
«Съезди, постарайся ради дому пресвятые Богородицы,
«И ради матушки Свято-Русь земли,
«И ради церквей соборных».

Илья Муромец облатился, обкольчужился и поехал на Сорочинские горы биться с Калин-царем.

Богатыри были сторожами русской земли, охранявшими ее границы от иноземных врагов. Одна из былин повествует о богатырской заставе, где собирались русские богатыри.

На заставе атаман был Илья Муромец;
Податаманье был Добрыня Никитыч млад;
Есаул Алеша, поповский сын;
Еще был у них Гришка, боярский сын;
Был у них Васька Долгополой.
Все были братцы в разъездьице:
Гришка Боярский в те пор кравчим жил;
Алеша Попович ездил в Киев град;
Илья Муромец был в чистом поле,
Спал в белом шатре;
Добрыня Никитыч ездил за охотою;
За той ли охотой, за молодецкою:
На охоте стрелять гусей, лебедей.

Возвращаясь из чиста поля, Добрыня Никитыч обнаружил

вражеские следы. Как затем выяснилось, мимо русской заставы из чужой земли приехал Жидовин могучь богатырь . Посмотрим, что дальше предпринимает Дэбрыня Никитыч.

Приехал Добрыня в стольный Киев град,
Прибирал свою братию приборную:
«Ой, вы гой еси, братцы-ребятушки!
«Мы что на заставушке устояли?
«Мы что на заставушке углядели?
«Мимо нашу заставу богатырь ехал!»
Собирались они на заставу богатырскую,
Стали думу крепкую думати:
Кому ехать за нахвальщиком?

Судили-рядили о Ваське Долгополом, Гришке Боярском, Алеше Поповиче. Илья Муромец знал слабые стороны своих младших братьев-богатырей и выбирал с таким расчетом, чтобы посланный сумел задержать вора Жидовина.

Говорит большой богатырь Илья Муромец,
Свет атаман сын Иванович:
«Не ладно, ребятушки, положили:
«У Васьки полы долгие;
«По земле ходит Васька, — заплетается;
«На бою-на драке заплетется;
«Погинет Васька понапрасному».

Не подошли к этому делу Гришка Боярский и Алеша Попович.

«Гришка рода боярского:
«Боярские роды хвастливые; —
«На бою-драке призахвастается;
«Погинет Гришка понапрасному».

Алеша Попович не сможет побить нахвальщика потому, что

«Увидит Алеша на нахвальщике
«Много злата, серебра, —
«Злату Алеша позавидует;
«Погинет Алеша понапрасному».

Поручили Добрыне Никитычу ехать за нахвальщиком, побить его на чистом поле и по плечь отсечь буйну голову.

Но не по силе и для Добрыни Никитыча оказалось столкновение с нахвальщиком Жидовиным.

Поворачивал нахвальщина добра коня,
Попущал на Добрыню Никитыча.
Сыра мать-земля всколебалася,

Из озер вода выливалася,
Под Добрыней конь на колеиа пал.

Добрыня Никитыч уехал на заставу богатырскую и обо всем случившемся сообщил Илье Муромцу.

Говорит Илья Муромец:
«Больше не кемь заменитися:
«Видно ехать атаману самому».

Илья Муромец побил иноземного богатыря Жидовина.

Илья Муромец, прославленный в былинах своим победным сражением с Соловьем-разбойником, а впоследствии успешными схватками с татарами, известен в Черниговской области, в Рязанском княжестве и во Владимиро-Суздальской земле. По некоторым былинным данным Илья Муромец — житель села Карачарова, из-под Мурома (отсюда его прозвище).

Другой герой былинного эпоса, Алеша Попович, еще в большей мере, чем Илья Муромец, связан с Ростово-Суздальской землей. Былина повествует о том, что Алеша Попович — сын ростовского попа Леонтия. Это обстоятельство учитывалось народными творцами былины. В сравнении с Ильей Муромцем Алеша Попович награждается такими свойствами характера, как хитрость и лукавство («глаза завидущие, руки загребущие»). Но это лишь дополнительная деталь, которая не снимает основного качества — его героической борьбы против Тугарина, «не здешней силы». Он гордо и с достоинством обращается к витязям: «Подавайте нам силу нездешнюю: мы с тою силою, витязи, справимся».

Сюжет былины об Алеше Поповиче непосредственно связан с ростовскими сказаниями о храбром Александре Поповиче, который, по данным летописи, погиб в Калкинской битве в 1224 г. около Азовского моря.

В образе Ильи Муромца и Алеши Поповича русский народ отобразил своих героев, беззаветных чудо-богатырей, борющихся против иноземного вмешательства.

КНЯЗЬ ЯРОСЛАВ МУДРЫЙ И ПОЯВЛЕНИЕ „РУССКОЙ ПРАВДЫ“ (ЗАКОНА)

К концу княжения Владимира Святославича начались разногласия среди Рюриковичей. Новгородский князь Ярослав Владимирович ведет длительную борьбу за киевский великокняжеский стол. Боярская знать Господина Великого Новгорода толкала Ярослава на борьбу против киевского князя, стремясь тем самым освободиться от дани Киеву, которая в то время состав-

ляла две тысячи гривен (или 400 килограммов серебра) в год. Под давлением новгородских бояр Ярослав прекратил платежи дани, что неизбежно вело тогда к военному столкновению между новгородцами и киевлянами.

Узнав о том, что великий князь Владимир готовится к походу на Новгород, Ярослав обращается за военной помощью к варягам. Варяги, жаждавшие славы и добычи, охотно принимают приглашение князя Ярослава и приезжают в Новгород. Их пребывание в городе сопровождается непрерывными насилиями и грабежами мирного новгородского населения. Ярослав знал о бесчинствах варягов, но ничего не предпринимал против них потому, что опасался внезапного набега киевлян и не хотел обострять своих отношений с иноземными войсками. Недовольство новгородцев варяжскими насильниками вылилось в заговор, в результате осуществления которого насильники-варяги были перебиты в 1015 г.

Князь Ярослав стал на сторону варягов-насильников и жестоко расправился с участниками восстания.

В этот момент пришло известие из Киева о смерти князя Владимира и занятии киевского престола Святополком. Стремление захватить великое киевское княжение заставило Ярослава пойти на уступки новгородцам. Как сообщает летописец, Ярослав обратился к вече и любимой дружине с повинной речью, каялся в безумной расправе над новгородцами и призывал последних на борьбу со Святополком «Окаянным», погубившим своих братьев при захвате киевского стола. Компромисс все же состоялся, так как новгородская знать упорно добивалась независимости от Киева. Ярослав стал готовиться к походу на Киев. Наряду с новгородцами в войсках Ярослава находился тысячный отряд варягов.

Столкновение между войсками Ярослава и Святополка происходит на Днепре и заканчивается победой новгородцев. Киевский стол оказался в распоряжении Ярослава. Но борьба между братьями — князьями не прекращается. Князь Святополк получает военную помощь от польского короля и изгоняет Ярослава из Киева. Борьба затягивается. Ярослав, имея поддержку со стороны новгородцев и варягов, упорно добивается захвата киевского княжества. В 1024 году Ярослав приглашает отряд варягов, возглавляемый конунгом (князем) Гаконом, или Якуном, и утверждается на великокняжеском престоле.

При Ярославе Владимировиче и его сыновьях появляется «Русская Правда» (закон), отразившая развитие феодальных отношений и складывание феодального общества на Руси.

Наряду с летописями, «Русская Правда» является основ-

ным источником при изучении социально-экономических отношений в Киевском государстве, которые с середины XI в. стали изменяться на основе роста земледелия и скотоводства.

Русская Правда — феодальный закон Киевского государства, фиксирующий юридические привилегии различных групп правящего класса. Нормы денежных штрафов, введенные вместо кровной мести, говорят об установившемся юридическом месте бояр, княжеских тиунов (судей), сельских старост, смердов (крестьян), купцов, изгоев и др. За убийство боярина (огнищанина, княжеского судьи) князь взыскивал с виновного 80 гривен (гривна около 200 граммов серебра), а за убийство смерда только 5 гривен. За кражу княжеского коня брали штраф 3 гривны, а за смердьего коня всего лишь 2 гривны. Подобное различие имеется и по другим статьям княжеского закона. Все это говорит о наличии сословного неравенства в обществе древней Руси.

«Известно, — писал Ленин в 1902 г., — что в рабском и феодальном обществе различие классов фиксировалось и в сословном делении населения, сопровождалось установлением особого юридического места в государстве для каждого класса. Поэтому классы рабского и феодального (а также и крепостного) общества были также и особыми сословиями. Напротив, в капиталистическом, буржуазном обществе юридически все граждане равноправны, сословные деления уничтожены (по крайней мере в принципе), и потому классы перестали быть сословиями. Деление общества на классы — обще и рабскому и феодальному и буржуазному обществам, но в первых двух существовали классы-сословия, а в последнем классы бессословные».

Различия между сословиями и классами несомненно имеются. Владимир Ильич со всей резкостью обрушивался на либеральных народников типа г. Южакова, которые не понимали этого различия и смешивали «эти совершенно различные понятия».

По Южакову сословия предшествуют образованию классов. По Ленину — «сословия предполагают деление общества на классы, будучи одной из форм классовых различий». Ленин установил два отличия класса от сословия: «одно из отличий класса от сословия, именно что классы отличаются один от другого не юридическими привилегиями, а фактическими условиями, что, следовательно, классы современного общества (речь идет о буржуазном обществе — *В. Г.*) предполагают юридическое равенство». И далее — «другой признак, отличающий сословия от классов в истории Европы и России, имен-

но, что сословия — принадлежность крепостного, а классы — капиталистического общества».[24]

В. О. Ключевский так же, как либеральные народники, не устанавливал различия между классом и сословием. «Сословиями мы называем классы, — говорил Ключевский в первой лекции по истории сословий в России, — на которые делится общество по правам и обязанностям. Права дает либо утверждает, а обязанности возлагает государственная верховная власть, выражающая свою волю в законе.[25]

Сословное и классовое деление может и не совпадать, так как в феодальном обществе господствующий класс землевладельцев делится на ряд социальных групп-сословий — бояре, дворяне и духовенство. И даже в «Русской Правде» разнообразие социальных групп, облеченных определенными юридическими правами, фиксируется весьма точно.

На протяжении XI—XII вв. «Русская Правда» изменялась, в нее вносились новые статьи и главы. Еще при жизни Ярослава Владимировича Мудрого его сыновья составили «Правду Ярославичей» как устав для управления княжескими имениями. Таким образом крупные феодальные вотчины в XI в. являются непреложным фактом, они в достаточной степени оформились.

Б. Д. Греков пишет: «Вотчина крупного феодала в XI веке уже успела приобрести совершенно определенные черты. Это организованное хозяйство со всеми необходимыми соответственно времени деталями: жилые и хозяйственные постройки, пашенная земля и луга, борти и рыбные ловли; охота, администрация высшая и низовая, кадры непосредственных производителей, состоявшие из рабов, рядовичей (договорников) и смердов (крестьян). У каждой из этих категорий была своя история, но все они в той или иной мере уже успели очутиться в зависимости от крупного землевладельца, войти в рабочий состав феодальной по сути дела вотчины».[26]

Феодальная вотчина (княжеская, боярская, монастырская) поглощала сельскую общину и закабаляла прежде свободное сельское население.

Феодально-крепостническая зависимость крестьян от князей и других земельных собственников усиливается на протяжении XI—XII вв. Владимир Ильич рассматривает крепостнические отношения в их развитии — смерды шли в кабалу и записывались за помещиками. Это значит, имелась часть крестьян, находившихся в подданстве того или иного князя (т. е. платившая дань), но еще не попавшая, по тем или иным причинам, в феодальную зависимость от местного земельного собст-

вешника. Количество их с каждым днем уменьшалось; за счет свободных смердов шел рост феодально зависимых крестьян.

Пути и методы порабощения прежде свободных общинников разнообразны. Кабала и «записывание» за помещиками,— о чем писал Ленин, — были основными методами закрепощения крестьян.

«Русская Правда» как закон, охраняющий феодальную собственность, была кодексом Киевского государства, освящающим усиливающийся феодальный гнет.

Князья и бояре обязывали закабаленных смердов работать на барской пашне и выполнять всякого рода натуральные повинности.

Ленин, характеризуя отработки как пережиток крепостничества в пореформенный период, писал, что «отработки, в сущности, держатся с Русской Правды».[27]

Помещичья кабала крестьян имеет многовековую давность. Слова менялись, законы издавались и исчезали, столетия проходили, — а суть дела оставалась прежняя. Отработки, это и есть кабальная зависимость крестьянина, который вынужден своим инвентарем обрабатывать соседние помещичьи земли. Отработочное хозяйство, это то же самое, подновленное, подкрашенное, перелицованное, крепостническое хозяйство».[28]

Крепостническая кабала захватывала все новые и новые слои свободных общинников. «... В вотчине XI века в Киевском государстве, кроме рабов, — писал Б. Д. Греков, — мы встречаем людей, вынужденных итти в кабалу к богатым людям, — это всевозможные виды рядовичей (от слова «ряд» — договор), среди которых особенно хорошо нам известны закупы. Появление людей, поставленных в необходимость итти в кабалу, — это результат разложения общины... Попадал в зависимость к господам и крестьянин смерд, имеющий свои средства производства. Он попадал в зависимость вместе со своей землей, на которую богатые люди стали обращать все более и более внимания.

Так часть крестьянства уже в середине XI в. успела познакомиться с крепостным ярмом».[29]

При посредстве вооруженного насилия закреплялась власть феодала над смердом.

В статье «Великий почин» Владимир Ильич писал, что «Крепостническая организация общественного труда держалась на дисциплине палки, при крайней темноте и забитости трудящихся, которых грабила и над которыми издевалась горстка помещиков».[30]

Энгельс отмечал крайнюю неподвижность, косность феодального хозяйства раннего средневековья. «В образцовых феодальных хозяйствах раннего средневековья для денег почти вовсе не было места. Феодал получал от своих крепостных все, что ему было нужно, или в форме труда, или в виде готового продукта: женщины пряли и ткали лен и шерсть и шили платья, мужчины обрабатывали поля, дети пасли скот господина, собирали для него грибы и ягоды, птичьи гнезда, подстилку для скота; кроме того вся семья должна была доставлять еще зерно, овощи, яйца, масло, сыр, птицу, молодняк скота и многое другое. Каждое феодальное хозяйство само удовлетворяло свои нужды целиком. даже военные поставки собирались продуктами. Торговли, обмена не было, деньги были излишни».[31]

Сельское население вело разнообразное хозяйствование. На первом плане, конечно, стояло земледелие.

Кроме земледелия, жители Руси занимались скотоводством и промыслами.

Наиболее простой и примитивной формой промышленности, не отрываемой от патриархального земледелия, Ленин считал домашнюю промышленность. Ленин писал: «Домашнею промышленностью мы называем переработку сырых материалов в том самом хозяйстве (крестьянской семье), которое их добывает. Домашние промыслы составляют необходимую принадлежность натурального хозяйства».[32]

При этом Ленин указывал, что — «Промышленности, как профессии, еще нет в этой форме: промысел здесь неразрывно связан с земледелием в одно целое».[33]

Разнообразные письменные источники, начиная от летописей и кончая описаниями арабских путешественников, говорят о бортничестве как об одном из древнейших и очень важном промысловом занятии славян. «Бортный промысел» являлся самой древней и примитивной формой пчеловодства. Бортники искали мед и воск в дуплистых деревьях, где складывали свои соты дикие пчелы. Для более удобного извлечения сот из дупла предварительно вставляли «должен» — отъемные доски. За этими дуплистыми деревьями с пчелами, которые назывались «бортями», люди внимательно следили.

В княжеских и боярских хозяйствах «бортничество» являлось необходимой принадлежностью. Создавались специальные «бортные ухожаи», дававшие значительные запасы меда и воска.

В Карамзинском списке «Русской Правды» были вставлены особые статьи о прибыли пчел. В статье девятой о пчелах написано: «А от двоих пчел на 12 лет приплода роев и с старыми пчелами 200 и 50 и 6 роев. А то кунами 100 гривен и 20 гри-

вен и 4 гривны. А то чтено по полугривне рои с медом. А прилода на лето по единому рою».*

«Русская Правда» (закон) охраняла частную собственность «бортных ухожаев»; за порчу и присвоение чужой борти существовали строгие наказания. По всем спискам и редакциям «Русской Правды» имеются особые статьи о штрафах за разрушение «чужой борти». Во второй редакции «Русской Правды», по новгородскому списку, статья 13 гласит: «А с княжи борте 3 гривны, или пожьгуть или издерють.[34]

Третья редакция «Русской Правды» по Троицкому списку содержит две статьи (100 и 101) о борти, где дается более пространное толкование о штрафах:

«Аже борть подътнеть, то 3 гривны продаже, а за дерево полгривны.

Аже пчелы выдереть, то три гривны продажи, а за мед, аже будеть пчелы на лажены (не выложены), то 10 кун. Будеть ли улек рекше гнездо, то 5 кун».[35]

Все эти данные приводят к выводу о большом значении бортных промыслов у славян, и в особенности там, где были благоприятные растительные и климатические условия.

Мед и воск, как известно, составляли весьма важную статью древне-славянского экспорта, — и этим, в значительной степени, объясняется то внимание к бортничеству, которое мы находим в княжеском законодательстве.

★

В XI в. происходит выделение городского ремесла. Городское население занималось гончарным делом, изготовлением металлических изделий, прядением и шитьем.

Ленин считал ремесло необходимой составной частью городского быта. Что такое ремесло? По характеристике Ленина, «Первой формой промышленности, отрываемой от патриархального земледелия, является ремесло, т. е. производство изделий по заказу потребителя. Материал может принадлежать при этом потребителю-заказчику или ремесленнику, а оплата труда ремесленника происходит либо деньгами, либо натурой (помещение и содержание ремесленника, вознаграждение долей продукта, напр. муки и т. д.)».[36]

Развитие ремесла не исключалось и в деревне. «Будучи необходимой составной частью городского быта, ремесло распростра-

* Куны, или меха куницы, служили средством обмена товаров в Киевском государстве. Куны приравнивались к серебряной монете и потому считались на гривны. Гривна равнялась 50 кунам.

нено в значительной степени и в деревнях, служа дополнением крестьянского хозяйства. Известный процент сельского населения представляют из себя специалисты-ремесленники, занимающиеся (иногда исключительно, иногда в связи с земледелием) выделкой кож, обуви, одежды, кузнечной работой, окраской домашних тканей, отделкой крестьянских сукон, переработкой зерна в муку и т. д.».[37]

Об этом говорят как ранние, так и поздние данные археологических раскопок в междуречьи Волги и Оки.

Экспедиция Академии истории материальной культуры имени Н. Я. Марра, с участием Ивановского областного и Суздальского музеев, произвела археологические раскопки в Суздале. На территории раскопок было обнаружено более 400 различных предметов и несколько тысяч обломков глиняной посуды, относящихся к XI—XII вв. и к более позднему периоду. Найдены куски железной руды, железные и медные шлаки, части тиглей, в которых происходила плавка руды. Очевидно, в Суздале занимались изготовлением металлических предметов уже в самый ранний период существования города. Большое количество обломков гладких и витых браслет разных цветов, а также части полуфабриката и шлаки стекловидной массы дают основание предполагать, что здесь было производство стеклянных браслет.

О занятии скотоводством и об использовании лошади говорит огромное количество костей домашних животных, а также удила и пряжки от конской сбруи.

Жители Суздаля занимались прядением и шитьем. Найдены шиферные и глиняные пряслицы от веретен, железные иглы и ножницы. Значительное количество костей рыбы, железный крючок, блесна (снаряд для ловли рыбы) и грузила от сетей указывают на занятие рыболовством.

Из предметов быта, найденных при раскопках, первое место по своему количеству занимают обломки глиняной посуды. Посуда — плоскодонные горшки, плошки, тарелки делалась на гончарном круге. Исключительный интерес представляют части от глиняных горшков в виде поддонков, имеющие боковые отверстия (что встречается редко). Горшки украшались линейным и волнистым орнаментом, а на днищах иногда ставилось клеймо мастера. Кроме глиняных, найдены два обломка медной массивной посуды. Довольно много найдено железных ножей различной формы и величины, части брусков, на которых оттачивались ножи, замки и ключи древней формы (X—XII вв.), которые появились с переходом от родового строя к феодальному.

Из вещей личного обихода обнаружены: медные и железные поясные пряжки, застежки (XI—XIII вв.), сердоликовые, бини-

рамидальные* и стеклянные, с желтой и черной окраской, бусы, часть серебряной серьги XVI—XVII веков, медные пуговицы, медные поясные кольца, железные подковы от обуви и части кожаной обуви. При раскопках найдены изразцы с поливой и без поливы, кирпичи. Самый ранний кирпич представляет собой плитку в 20 — 22 сантиметра шириной и 3,5 сантиметра толщиной.

Все это разнообразие предметов дает возможность восстановить занятия и быт как ранних (XI — XIII вв.) так и более поздних обитателей Суздаля».[38]

СТИХИЙНЫЕ НАРОДНЫЕ ВОССТАНИЯ — ОТВЕТ НА УСИЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНОГО ГНЕТА

Рост феодальной эксплоатации в начале XI в. привел к народным восстаниям против князей и бояр.

На территории Ростово-Суздальской земли летописец отмечает в XI в. два массовых восстания смердов, из которых первое относится к 1024 г., а второе к 1071 г. Эти восстания шли под флагом борьбы «язычников» против христианства, но по существу это было проявление социальной борьбы. Во главе восстания были языческие жрецы или волхвы, а на стороне феодализирующейся родо-племенной знати, «старой чади», «лучших людей», как ее называет летописец, были княжеские дружины. Чадь — это старейшины общин.

Лаврентьевская и Ипатьевская летописи дают более полную характеристику восстания 1024 г. в Суздальской земле. Перечисляя события в лето 6532-е летописец отметил: «В се же лето въсташа волъсви в Суждали, избиваху старую чадь по дьяволу наущенью и бесованью, глаголюще, яко си держать гобино. Бе мятежь велик и голод по всей той стране; идоша по Волзе вси людье в Болгары и привезоша (жито) и тако ожиша. Слышав же Ярослав волхвы, приде Суздалю; изъимав волхвы, расточи, а другыя показни, рек сице: «Бог наводит по грехом на куюждо землю гладом или мором, ли ведромь, ли иною казнью, а человек не весть ничто же».[39]

Выступления смердов против феодалов под религиозными лозунгами объясняются условиями времени. Говоря о крестьянской войне в Германии, Фридрих Энгельс отмечал: «Если эта классовая борьба носила тогда религиозный отпечаток, если интересы потребности и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой, то это нисколько не меняет дела и легко объясняется условиями времени».[40]

* Бипирамида — формы кристаллов, состоящие каждая из двух пирамид, сложенных своими основаниями.

Социальные мотивы восстания 1024 г. явственно выступают в сообщении летописи. Но эта примитивная форма классового протеста угнетенных облекается в форму защиты старой веры против новой, что является несомненно консерватизмом. Условия времени — насильственная христианизация Центрального междуречья и рост феодальной эксплоатации — выдвинули волхвов в качестве руководителей восстания.

Борьба классов, столкновение антагонических слоев феодального общества, являлась двигателем исторического процесса.

Ленин учил, что крепостному обществу свойственен антагонизм крестьянства и привилегированных землевладельцев.[41]

*

В середине XI века «начинается упадок готической России. Как раз история этого упадка, еще больше чем история образования варяжского государства, доказывает исключительно готический характер державы Рюриковичей».[42]

После смерти князя Ярослава Владимировича Киевское государство разделилось на пять областей. Во главе каждой области находились Ярославичи — дети умершего князя и ближайшие их родственники: в Киевской области Изяслав, Черниговской — Святослав, Переяславской — Всеволод, Смоленской — Вячеслав, Владимиро-Волынской — Игорь.

Отдаленные от Приднепровья земли также были распределены между Ярославичами. Новгородские земли находились в зависимости от Киевского княжества. Белоозеро подчинялось на первых порах князю Святославу, затем перешло в ведение Всеволода. Ростов был одно время во владении Ростислава Владимировича, племянника Ярославичей, а потом перешел в руки Всеволода, который также обладал и Суздалем. Таким образом Волжско-Окское междуречье, с прилегающими окраинами, входило как составная часть в Переяславское княжество и находилось под властью южных князей.

Любопытно сочетание разнообразных территориальных владений в руках Всеволода Ярославича. Он распространяет свое влияние и в южном Переяславле и в волжско-окском бассейне. «Это географически искусственное сочетание волостей, — писал А. Е. Пресняков, — создает особую традицию Всеволодовой отчины и притязания северных князей на южный («русский») Переяславль, поддержанные их стремлением держать «часть» в Русской (Киевской) земле, чтобы не терять влияния на центр всей системы традиционных междукняжеских отношений».[43]

Некоторое экономическое равновесие между тремя княжескими центрами (Киев — Чернигов — Переяславль Русский) давало

возможность осуществлять более или менее длительные, хотя и непрочные, политические блоки.

Такой блок известен под именем «триумвирата Ярославичей». Изяслав, Всеволод и Святослав делят сферы влияния в Киевской Руси и осуществляют единую политику.

В княжение Изяслава Ярославича в 1071 г. происходит восстание смердов в Ростовской земле и Белоозерье.

Это восстание смердов описано в Лаврентьевской летописи:

«Бывше бо едиюю скудости в Ростовьстей области, въстаста два волхва от Ярославля, глаголюща: «яко ве свеве, кто обилье держить»; и пойдоста по Волзе, кде придучи в погость, туже нареказта лучьшие жены. глаголюща, яко си жито держить, а си мед, а си рыбы, а си скору. И привожаху к нима сестры своя, матере и жены своя; она же в мечте прорезавша за плечемь, вынимаста любо жито, любо рыбу и убиваше та многы жены, (и) именье их отъимашета собе».

Крестьянское восстание на Белом озере. 1071 год. Миниатюра из Радзивиловской летописи.

Из Ростовской области волхвы направились на Белоозеро. В пути к ним примкнуло 300 человек («людий»). Придя на Белоозеро, восставшие столкнулись с княжеским сборщиком дани Яном Вышатичем. Летописец записал: «В се же время приключися прити от Святослава дань емлющю Яневи, сыну Вышатичю; поведаша ему Белозерцы, яко два кудесника избила уже многы жены по Волъзе и по Шексне, и пришла еста семо. Ян же испытав, чья еста смерда, и увидев, яко своего князя, послав к ним, иже около ею суть, рече им: «выдайте волхва та семо,

яко смерда еста моего князя». Они же сего не послушаша. Ян же пойде сам без оружья и реща ему отроци его: «не ходи без оружья, осоромят тя»; он же повеле взяти оружья отроком, и беста 12 отрока с нимь, и пойде к ним к лесу. Они же сташа исполчившеся противу, Яневи же идущю с топорцем, выступиша от них 3 мужи, придоша к Яневи, рекуще ему: «вида идеши на смерть, не ходи: оному повелевшю обити я, к прочим же пойде. Они же сунушася на Яня, едини грешися Яня топором, Янь же оборотя топор удари и тыльемь, повеле отроком сечи я: они же бежаша в лес, убиша же ту попина Янева».[44]

Казнь пленных предводителей восстания на Белом озере. 1071 год.
Миниатюра из Радзивиловской летописи.

События 1071 г., как они описаны в Лаврентьевской и в Новгородских первых летописях, начинаются в Ростово-Суздальской земле, а затем перекидываются на Белоозеро, в пределы Новгородского княжества.

Восстание началось в голодный год. С констатации этого факта летописец и начинает свое изложение событий 1071 г.: «и бывши единою скудости в Ростовстей области».

Появившись в погостах, где жили лучшие жены — владетельницы жита и других съестных припасов, восставшие захватывают имения богатых людей. Из этих летописных данных можно сделать следующие выводы:

1. События 1071 г. являются несомненно восстанием смер-

дов-сирот. Отряд в 300 «людий» сформировался на погостах в результате агитации волхвов и других реакционных элементов.

2. Во главе восстания смердов-сирот находились волхвы. Они не случайно оказались во главе движения. Проникновение христианства и вытеснение языческой веры прежде всего вызвало недовольство волхвов. Они хулили греческую веру и поднимали народ против христианских миссионеров. Волхвы использовали недовольство крестьян, вызванное голодом, и подняли восстание в защиту старой веры. Таким образом социальный протест облекается в реакционную религиозную оболочку.

3. Восстание 1071 г. имеет социальное содержание. Это видно из того, что восставшие расправляются с «лучьшими» женами, которые держат жито (т. е. рожь и другие зерновые хлеба), мед, рыбу, скот.

В Ростовском и Белоозерском краях сохранился древний обычай хранения женщинами пищевых продуктов. Вот почему «лучьшие жены» стали объектом нападения волхвов.

Подводя итоги событиям 1024 и 1071 гг., необходимо отметить, что в крестьянских восстаниях феодальной эпохи мы видим «отражение стихийного возмущения угнетенных классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнета».[45]

Энгельс, характеризуя борьбу крестьянства, писал, что восставшие крестьяне «один за другими уничтожались в отдельных сражениях войсками.»[46]

Это объясняется, прежде всего, раздробленным, а отсюда стихийным и неорганизованным характером крестьянских движений в феодальную эпоху. В постановлении жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник по истории СССР отмечено, что «крестьяне вне руководства рабочего класса были способны лишь на стихийные и неорганизованные движения».

На заре феодальной эпохи крестьянские восстания лишены политической сознательности и организованности.

РОСТОВО-СУЗДАЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ — ВОТЧИННОЕ КНЯЖЕСТВО ВЛАДИМИРА МОНОМАХА. КНЯЗЬ ЮРИЙ ДОЛГОРУКИЙ

После смерти великого князя Всеволода (1093 г.) начинается особенно упорная борьба за Ростово-Суздальскую землю. Половецкие набеги ослабили военную мощь Киевского княжества. Этим решил воспользоваться князь Тмутаракани Олег Святославич, организуя походы в Волжско-Окское междуречье. В этом военном

мероприятии князь Олег получает поддержку от половецкого хана, заинтересованного в ослаблении влияния киевского князя во всех подданных землях. Олег захватывает Муром, считая его отцовской вотчиной.

Затем и Ростово-Суздальская земля стала объектом частых грабительских набегов князей и их дружин. В 1096 г. князь Олег Святославич организует поход в Ростовскую землю. Лаврентьевская летопись сообщает: «Олег же омирив город, овы изъима, а другыя расточи и именья их отья: иде Ростову и ростовцы вдашася ему. И перея всю землю Муромску и Ростовьску и посажа посланникы по городам и дани поча брати».

Кольчуга и шлем XI века.

Население захваченных территорий Олег Святославич облагал данью. Переяславский князь Владимир Всеволодович Мономах пытается приостановить дальнейшее продвижение Святославичей, и один из его сыновей — новгородский князь Мстислав дает вооруженный отпор Олегу.

Какую позицию в этой борьбе занимает местное боярство (муромское, ростовское, суздальское)?

Если рязанс-муромское боярство поддерживало Святославичей, то ростово-суздальское боярство было на стороне Мономаховичей. Ростовские и суздальские бояре, как вассалы, поддерживали того сюзерена, который гарантировал им большую свободу в эксплоатации «своих смердов».

Широкую популярность приобрел Владимир Всеволодович Мономах своими удачными битвами с половцами. Еще при жизни своего отца Владимир Мономах организовал 12 победоносных походов против степных кочевников, грабивших русскую землю. «Но с этой отвагой, удалью, ненасытною жаждою деятельности,— писал Соловьев,— в Мономахе соединялся здра-

вый смысл, сметливость, умение смотреть на следствие дела, извлекать пользу».[47]

Владимир Мономах приобрел огромный боевой опыт в борьбе с половецкими захватчиками.

А се вы поведаю, дети моя, — писал Владимир Мономах в своем «Поучении», — труд свой, оже ся есмь трудил, пути дея ловы 13 лет... А всех путий 80 и 3 великих, а прока не испомню меньших. И миров есм створи с Половечьскыми князи без одиного 20, и при отци и кроме отца, а дая скота много и многы порты свое; и пустил есм Половечских князь лепших из оков толико: Шаруканя 2 брата, Багубарсовы 3, Овчины братье 4, а всех лепших князий инех 100...»[48]

Многочисленные военные походы против степных врагов выработали чувство бдительности, настороженности. Время было тревожное. Опасность от неожиданного набега кочевников чувствовалась особенно жителями южных княжеств. Всегда приходилось быть наготове для встречи нежданного врага. Этой готовности находиться во всеоружии поучает своих детей Владимир Мономах: «На войну вышед, не ленитеся, не зрите на воевод; ни питью, ни еденью не лагодите (т. е. не предавайтесь) ни спанью: на стороже сами наряживайте, и ночь, отвсюду наряживше около вои, лязите, а рано встанете; оружья не снимайте с себе вборзе, не розглядавше леношами, внезапу бо человек погыбаеть. Лже блюдися и пьянства и блуда, в том бо душа погыбаеть и тело».[49]

Князь Владимир Мономах много сделал для объединения русских земли, для поднятия престижа Киевского государства среди западно-европейских государств.

Международное положение киевского государства при Владимире Мономахе (1113 — 1125) окрепло, как никогда раньше. С киевским князем считались в Византии и Европе, а сильные западно-европейские монархи стремились к родственной дружбе с Владимиром Мономахом, мать которого была дочерью византийского императора.

Владимир Мономах был женат на дочери английского короля, а его сестра была замужем за германским императором.

Владимир Мономах был образованным человеком своего времени. Как писатель, он известен своим знаменитым произведением — Поучение детям». Важным критерием культурности князь Владимир считал знание иностранных языков.

«Егоже умеючи, того не забывайте доброго, а егоже не умеючи, а тому ся учите, якоже бо отець мой, дома седя, изумеяша 5 язык, в том бо честь есть от инех земль. Леность бо всему мати: еже умееть, то забудеть, а егоже не умееть, а тому

ся не учить; добре же творяще, не мозите ся лените ни на что же добре».[50]

В конце XI в. Киев терял свое господствующее положение даже в системе южных княжеств. Не говоря о таких сильных княжествах, как Черниговское, даже мелкие княжения имеют в это время тенденцию к сепаратизму. Политическая разобщенность княжеств, непрерывная княжеская усобица поставили в порядок дня междукняжеские съезды. В 1097 г. по инициативе Владимира Всеволодовича Мономаха собирается первый съезд русских князей в г. Любече.

Любечский съезд впервые констатировал и юридически подтвердил отчинное право на владение княжением: «Кождо да держит отчину свою» — вот основное положение этого права, сформулированное в решениях Любечского съезда. Участники съезда, князья, обязались друг перед другом, целуя крест, не покушаться на чужие вотчины и держать свои земли, полученные от отцов.

Но княжеские соглашения оказались непрочными, и Киевское государство после Владимира Мономаха все более и более клонилось к упадку.

Империя Рюриковичей оказалась непрочным государственным объединением, которое держалось на более или менее удачных завоеваниях. Крах внешней политики Рюриковичей, неспособность их захватить Царьград и особенно дальнейший рост феодальных отношений привели к распаду варяжской империи.

Характеристика Маркса, данная империи Рюриковичей, полностью подтверждается на огромном фактическом материале истории Руси IX—XII вв. Империя Рюриковичей, как и все другие подобные ей, например империя Карла Великого или империя Чингис-хана, носила варварский характер. Это были скороспелые, а потому и примитивные, государственные образования, не смогшие преодолеть лоскутность, территориальную разобщенность и сепаратизм отдельных ее частей, особенно окраинных.

Прослеживая историю Киевской Руси на протяжении не одного столетия, нельзя отметить наличия стабильных, прочных границ этого государственного объединения, которое бы четко отделялось от других. Территориально-политического единства не было и не могло быть в тот момент, когда еще не установились прочные экономические связи между различными частями великой Руси.

Но одновременно с распадом Киевского государства экономически и политически росли и крепли другие центры Руси, и прежде всего Новгород Великий на Волхове, Ростово-Суздальская земля и Галицко-Волынская земля.

*

Каковы источники экономического роста Ростово-Суздальской земли? На протяжении ряда столетий славяне упорно осваивали Ростово-Суздальскую землю для своего хозяйствования. Это была напряженная, тяжелая борьба с суровой природой за поднятие целины.

Определяя характер великороссов, В. О. Ключевский говорил: «В Европе нет народа менее избалованного и притязательного, приученного меньше ждать от природы и судьбы и более выносливого. Притом по самому свойству края каждый угол его, каждая местность задавала последнему трудную хозяйственную загадку: где бы здесь ни основался поселенец, ему прежде всего нужно было изучить свое место, все его условия, чтобы высмотреть угодье, разработка которого могла бы быть наиболее прибыльна. Отсюда эта удивительная наблюдательность, какая открывается в народных великорусских приметах».[31]

Несмотря на суровую природу, по сравнению с Приднепровьем, Ростово-Суздальская земля обладала многими, несравненными богатствами. Прежде всего — обилие рек. Водно-транспортные ресурсы Центрального междуречья огромны. Весь край изрезан многочисленными притоками Волги и Оки. На Север от Верхней Волги поднимались такие реки, как — Тверца, Шексна, Кострома и Унжа. По обоим берегам Оки чередуются такие ее притоки, как Клязьма, Мокша, Ца, Москва и другие.

Если Клязьма и Москва проникали вглубь Волжско-Окского края, то своими правыми притоками область Междуречья связывалась с Рязанской землей.

По приезде Юрия Владимировича, сына Владимира Мономаха, в Ростово-Суздальскую землю древний город Ростов был политическим центром Междуречья Верхней Волги и Оки. Между Киевом и Ростовом установился торговый путь, идущий по маршруту: Киев — р. Десна — Брянск — волок до верховьев р. Оки — р. Ока — Коломна — р. Москва — устье р. Неглинной — сухопутный путь до г. Ростова.

Почвы Междуречья не являлись препятствием для переселения колонистов и развития земледелия. Самое главное — жизнь в Междуречье была спокойнее по сравнению с северо-западными и юго-восточными окраинами Киевского государства. Частые набеги половцев, насилия князей и бояр, все это вместе взятое заставляло славян-земледельцев убегать на северо-восток, за Оку.

Далекая, неведомая северо-восточная окраина славянской земли быстро заселялась.

Славянские колонисты шли из Новгородской земли. Сред-

него Подвинья и с верховьев Днепра. Но они не составляли основную массу населения северо-восточной Руси. Если взять бассейн р. Оки, то здесь коренное население составляли вятичи, тоже славяне. В отличие от колонистов они были исконными жителями данного края.

Северо-восточная Русь заимствовала у Киевской Руси наименование ряда городов и поселков, например, имена городов как Переяславль, Галич, Стародуб, Звенигород и др. встречаются и на юге и на северо-востоке. Из этого следует, что Киевская Русь имела длительное культурное влияние на Междуречье верхней Волги и Оки. Не случайно то, что выдающиеся киевские князья проявили большой интерес к этому краю. Владимир Мономах отметил, наряду со своими ратными успехами, тот факт, что он прошел «сквозь Вятичи» и проложил прямой путь из Киевской Руси к Центральному междуречью. По этому пути шла часть славянских колонистов.

Местная феодализирующаяся знать стремилась закабалить пришлое население.

XI—XII вв. — время торжества феодального землевладения в Центральном междуречье. Еще задолго до прихода Юрия Долгорукого в Ростово-Суздальской земле устанавливались сложные общественные отношения, которые не могли быть иными, как феодальными отношениями. А. Е. Пресняков правильно подходит к выяснению руководящей политической роли местного боярства. Он писал: «Это боярство в Суздальщине то же, что и везде в древней Руси, — «старейшая дружина», сильная административным влиянием, общественным положением и земельным богатством. Нет ни оснований, ни возможности считать этот класс — новообразованием, только что возникшим при Андрее Боголюбском или при Юрии Долгоруком. А наличность сильного земского класса заставляет признать, что первые князья Ростово-Суздальской земли, Юрий Долгорукий и Андрей Боголюбский, строили свое политическое и владельческое здание не на зыбкой, только-что колонизирующейся почве, а на основе окрепшего общественного быта, сложного по внутреннему строю, в среде того же уклада, какой в ту же пору наблюдаем в Киевщине или на Волыни, в Галицкой земле или в Черниговщине. XII век — всюду на Руси время усиления боярского землевладения, боярского влияния и роста боярских привилегий».[2]

Феодальное сельскохозяйственное производство было крайне раздроблено, несмотря на господство крупного землевладения. Ленин писал, что: «до капитализма производство земледельческих продуктов всегда велось в неизменной, мизерно-мелкой форме, — как в том случае, когда крестьянин работал на себя,

так и в том случае, когда он работал на помещика, — и никакая «общинность» землевладения не в силах была сломать эту гигантскую раздробленность производства».[53]

*

Основоположником княжеской династии в Ростово-Суздальской земле был Юрий Владимирович, по прозвищу Долгорукий (1091—1154). Когда он появился в Ростове, — точно неизвестно. Но известно, что Юрий был еще малолетним и, конечно, не мог самостоятельно управлять Ростово-Суздальской землей; регентство над ним осуществлялось старшим братом Мстиславом, который княжил в Новгороде.

Непосредственное управление княжескими делами возглавлял Георгий Шимонович, который занял должность тысяцкого военачальника в Ростове. Так продолжалось до самой середины двадцатых годов XII в. Поскольку в этот период княжеская власть не была сильной, то местное боярство не имело основания быть недовольным князем Юрием Долгоруким.

Приезд князя Юрия Владимировича и его дружины в Ростово-Суздальскую землю несомненно усилил здесь киевское влияние. Общественные отношения Приднепровья служили образцом для Центрального междуречья. По всей вероятности князь Юрий руководствовался «Русской Правдой» (русским законом) в своем новом княжении. Конечно, северо-восточная Русь накладывала свой отпечаток на русский закон, приспосабливая его к своим запросам и нуждам. Киевские формулировки русского закона дополнялись новыми понятиями, присущими лишь Ростово-Суздальской земле.

Юрий Долгорукий опирался прежде всего на княжескую дружину, эксплоататорскую феодальную верхушку. Она составляла непосредственное окружение князя и занимала руководящее место в гражданском и военном управлении Ростово-Суздальской землей. Дружинники участвовали в управлении княжеством и личном хозяйстве князя. Они же составляли постоянный кадр военной силы князя. Княжеская дружина не являлась однородным целым: в ней наблюдается деление на два слоя — старшую и младшую дружину. Первая, старшая по возрасту и меньшая по числу, составляла круг ближайших советников и сотрудников князя, членов княжеской думы, носивших название «княжих мужей» и «бояр».

Младшая дружина, состоявшая из «гридей», «отроков» и «детских», несла личную охрану князя, исполняла его поручения и составляла ядро княжеской вооруженной силы. Основой их

политического и военного могущества являлось владение землей.

За свою службу дружинники получали от князя новые земли с зависимым крестьянским населением.

Назначение иерархии в землевладении четко определено у Маркса и Энгельса в их работе «Немецкая идеология». «Иерархическая структура земельной собственности, — писали они, — и связанная с ней система вооруженных дружин давали дворянству власть над крепостными. Этот феодальный строй, как и античная общинная собственность, был ассоциацией, направленной против порабощенного, производящего класса, но форма ассоциации и отношение к непосредственным производителям были различны, ибо налицо были различные производственные условия».[34]

Местная феодальная знать, оттесняемая княжескими дружинниками на второстепенные позиции, начала длительную борьбу за дележ власти. Князь Юрий требовал от местных бояр вассальной службы при своем дворе, угрожая жестокой расправой. Местная аристократия с большим упорством шла на княжескую службу. Тогда Юрий создает наемные иноплеменные дружины из мордвы, болгар, венгров — из людей, зависимых от княжеского пожалования.

Этими дружинниками он заселяет новые княжие города-крепости на наиболее важных речных путях, особенно в районе «Залесского ополья» (Переяславль-Залесский, Юрьев).

В связи с борьбой против туземной знати, во главе которой стояли ростовские бояре, надо рассматривать тот факт, что Юрий Долгорукий переселяется из Ростова в Суздаль, а из последнего предполагал перенести свою резиденцию в Кидекшу на р. Нерль.

Со времени Юрия Долгорукого Суздаль приобретает не только политическое, но и религиозное значение. Этот город стал не только княжеской резиденцией, но и местопребыванием епископа. Данное перемещение поколебало положение древнего Ростова, прежнего политического центра Междуречья.

Еще со времени Татищева укоренилось звание градостроителя, данное Юрию Долгорукому. Татищев в своей «Истории Российской» писал, что «князь Юрий Владимирович Долгорукий, пришед в Суздаль... зачал строить в области своей многия града: Юрьев в поле, Переяславль у Клюшина озера, Владимир на Клязьме, Кострому, Ярославль и другия многия града, теми же имени, как в Руси суть».

Это положение Татищева некритически воспринималось последующим поколением дворянско-буржуазных историков. Соловьев считал, что до приезда Юрия Долгорукого в Централь-

ном междуречье «находился только один древний город... Ростов Великий». Затем уже стали возникать новые города. «... сын Мономаха, Юрий, — писал Соловьев, — особенно прославил себя, как строитель неутомимый». Ключевский вполне солидаризируется с Соловьевым в оценке Юрия Долгорукого как неутомимого градостроителя.[53]

Как обстояло дело в действительности? Соответствует ли правдоподобности утверждение Татищева о том, что города Ярославль, Владимир на Клязьме построены лишь при Юрии Долгоруком? Можно ли настаивать на том, что до XII в. известен лишь город Ростов Великий?

Если обратимся к историческим данным, то они не подтверждают выводов Татищева и Соловьева. Первоисточники подтверждают основание четырех городов в княжение Юрия Долгорукого. Это Кснятино, Юрьев-Польский, Дмитров и Москва. Никоновская летопись под датой 6641 (1133) сообщает о закладке Кснятина: «того же лета князь Юрьи Володимерич Манамашь заложи град на усть Нерли на Волзе и нарече имя ему Константин и церковь в нем созда».[54]

После основания Кснятина прошло много лет, как затем в 1152 г. упоминается новый город Юрьев-Польский. Летописец кратко отмечает, что Юрий Долгорукий «град Юрьев заложи и церковь святого Георгия каменну».[55]

Через пять лет появляется Дмитров. В летописи записано: «родися князю Юрию сын Дмитрей; бя бо тогда на реце на Яхроме и со княгинею, и заложи град во имя сына своего и нарече и Дмитров, а сына нарече Всеволодом».[56]

В 1156 г. был заложен город Москва. Тверской летописец весьма сжато сообщает о том, что Юрий Долгорукий «заложи град Москьву на устнике Неглинны, выше реки Аузы».[57]

Но и эти летописные данные о градостроительстве Юрия Долгорукова принимались с оговорками многими исследователями. Д. Я. Корсаков считает, что Юрий Долгорукий построил три города — Кснятино, Юрьев-Польский и Дмитров.[58]

К. Н. Бестужев-Рюмин еще более ограничивает градостроительство князя Юрия. Он признает городами княжеского построения лишь два — Дмитров в честь Всеволода Юрьевича и Юрьев в честь самого князя. «Но другие, — пишет Бестужев-Рюмин, — могли быть только укреплены им». Таким образом подвергается сомнению закладка города Москвы Юрием Долгоруким. Вполне допустима произвольность датировки, допущенная авторами летописных сводов. Но все вместе взятое не дает оснований для особого выделения Юрия Долгорукого, кстати стремящегося в Приднепровье к великокняжескому столу в Киеве.

Его преемники, и особенно Андрей Суздальский, значительно больше уделяли внимания укреплению Ростово-Суздальского княжества.

Являются ли города, основанные Юрием Долгоруким, вновь построенными, как это утверждает Татищев? Те же летописные данные дают возможность судить о том, что города возникали в исторически сложившихся, наиболее населенных пунктах. Нельзя себе представить постройку церкви, городских укреплений на открытом, необитаемом месте. Нет смысла воздвигать укрепления, если нечего защищать. Города строились там, где уже ранее жили люди, имелись жилые постройки и прочие здания. Яркой иллюстрацией этого положения является Москва, известная с 1147 г. как населенный пункт. Несомненно, прошлое Москвы уходит далеко вглубь от XII столетия. Это подтверждается обилием восточных монет, шедших в Центральное междуречье еще с VII века.

Постройка московских стен (с картины А. Васнецова).

Знаток истории Москвы — профессор Забелин опровергает сообщение летописи о строительстве города Москвы князем Юрием Долгоруким. Он писал: «Замечательно, что на другой же год по переселении князя Андрея Боголюбского во Владимир (1156) был построен город Москва, по всему вероятию стараниями Кучковичей и самого князя Андрея, так как Юрий, которому летопись приписывает эту постройку, в то время княжил в

Киеве и по старости лет едва ли имел какой-либо особый повод строить именно небольшой суздальский городок Москву, который мог построить гораздо раньше».

✶

Юрий Долгорукий вел активную военно-феодальную захватническую политику. Это есть результат дальнейшего роста феодальных отношений в Ростово-Суздальской земле и несомненного укрепления княжеской власти. Количественно увеличившаяся княжеская дружина стремилась захватить новые земли — новые объекты дани. Волжский торговый путь явился той зоной, куда прежде всего устремилась княжеская дружина. Через Ростово-Суздальскую землю проходили два торговых пути, соединяющих Булгарское царство на Каме с Новгородом на Волхове. Один торговый путь шел по верховьям Волги до Тверцы, затем через Торжок к Новгороду. Другой торговый путь имел те же исходные точки, но шел по другому маршруту от Нижнего Новгорода на Стародуб, по Клязьме, но опять на Волгу к Твери. Второй торговый путь приобретал все большее и большее значение в связи с экономическим и политическим ростом Владимира на Клязьме. Но по тому и по другому пути в распоряжении ростово-суздальских феодалов находилась лишь транзитная торговля между Новгородом на Волхове и Великими Булгарами.

Победа Юрия Долгорукого над булгарами в 1120 году. Миниатюра из Радзивиловской летописи.

Главной статьей в транзитной торговле был хлеб из рязанского низа, в котором особенно нуждалось новгородское население. Юрий Долгорукий стремился захватить оба конца водного торгового пути, т. е. Новгород и Булгарское царство.

Исходя из этого, становятся понятными неоднократные походы княжеской дружины то в Булгарскую. то в Новгородскую земли. В 1120 г. был первый поход на булгар. Затем следует целая серия попыток овладеть Новгородом на Волхове. В 1135 г. происходила битва на Ждановой горе, закончившаяся поражением новгородцев. Через три года после этой битвы Юрию Долгорукому удалось посадить на Новгородское княжение своего сына Ростислава.

Новгородские бояре не хотели мириться с зависимым положением от суздальского князя и всячески добивались изгнания неугодного князя. Хозяйничанье суздальских князей встречало сопротивление и со стороны горожан — «молодших людей», обязанных новыми данями.

Юрий Долгорукий в 1142 г. вновь принуждает новгородцев признать Ростислава князем.

В последующих столкновениях Юрий Долгорукий для преодоления сопротивления новгородской знати использует такое подсобное средство, как закрытие торговых дорог (в 1147 г.), в результате чего прекращается подвоз хлеба с «низа».

Политическое и военное могущество новгородских бояр базировалось на феодальной эксплоатации обширнейших колоний, называемых «волостями». Крупнейшей и богатой волостью, поставлявшей «рухлядь» — меха для заграничной торговли, была Двинская волость, известная под именем «Заволочье». На протяжении ряда лет (1149—1154) Юрий Долгорукий упорно борется за «отоимание даней новгородских» в Заволоцкой волости.

Одновременно с новгородскими походами можно отметить неоднократные попытки князя Юрия Владимировича захватить Киев — центр великокняжеской власти.

После неудачного похода 1149 г. в следующем году князь Юрий захватывает днепровскую столицу, но, не встретив поддержки киевлян, вынужден был бежать обратно. Летописец сообщает, что Юрий «убоявся киян, зане имеют перевет ко Изяславу», — к великому киевскому князю. Лишь только в 1154 г. Юрий Долгорукий укрепился в Киеве и княжил там до 1157 г.

При Юрии Долгоруком Ростово-Суздальская земля закрепляется как княжеская вотчина младших мономаховичей. «Руководящей мыслью политики Юрия Долгорукова было — сохранить за своей семьей Ростовскую вотчину, утвердив в то же время ее преобладание во всей Руси. Старших сыновей от первого брака с половчанкой, дочерью хана Аепы, Юрий предназначал для киевского юга и сажал их при себе в Переяславле («русском»), Турове, Пересопнице, Вышгороде, Каневе. Детей от второго брака

с византийской принцессой Юрий держит на севере — Мстислава на Новгородском княжении, Василька, Михаила и Всеволода в Ростове и Суздале.

По свидетельству владимирского летописца «Ростовци, и Сужьдальцы, и Переяславци, и вся дружина» целовали Юрию крест на «меньших детях, на Михальце и на брате его». Когда ему (Юрию Долгорукому) удалось утвердиться в Киеве, он младших (Михалька и Всеволода) оставил в Суздале под опекой их матери и своего кормильца — тысяцкого варяга Георгия Шимановича».[61]

А. Е. Пресняков, правильно поставив вопрос о Ростово-Суздальской земле как вотчинном княжестве Юрьевичей, тем не менее недооценил стремлений Долгорукого к захвату великого киевского княжения. Это последнее и было основным направлением во внешней политике Юрия Долгорукого.

Во времена Юрия Долгорукого еще не утверждается преобладание Ростово-Суздальского княжества во всей Руси.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ВОЗВЫШЕНИЕ ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОГО КНЯЖЕСТВА В XII—XIII вв.

ОБРАЗОВАНИЕ ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОГО КНЯЖЕСТВА. АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ

Во второй половине XII века определился упадок Киевского государства. Бывшая империя Рюриковичей дробилась на отдельные княжества и земли. По мере развития феодального землевладения местных князей и бояр возрастал политический сепаратизм окраинных русских и прочих земель. На протяжении XII столетия быстро экономически росли три центра Киевской Руси — Новгород на Волхове, Ростово-Суздальская земля и Галицко-Волынское княжество. Это способствовало политическому обособлению новых центров Руси.

Распад киевского государства на три составные части — Новгородскую землю, Ростово-Суздальскую землю и Галицко-Волынское княжество произошел вследствие усиления феодальной раздробленности. Отвергая ошибочную трактовку данного процесса Покровского, проф. А. В. Шестаков говорил по этому поводу:

«Этот распад происходил не потому, что Киевское государство оскудело, обеднело: оно распалось на отдельные княжества потому, что усилилось феодальное землевладение, усилилась феодальная эксплоатация, возросло богатство отдельных частей этого государства, которые благодаря этому приобрели соответствующую самостоятельность и превратились в значительные децентрализованные государственные образования».[1]

Ко второй половине XII в. территория Киевской Руси значительно сократилась. Отпали причерноморские и приазовские владения, на базе которых образовалось большое половецкое государство — Дешт-и-Кыпчак. Это было политическое объединение степных кочевников-феодалов. В XI—XII вв., вплоть до появления татарско-монгольских завоевателей, половецкие ханы

устраивали набеги на русские княжества, грабили и уничтожали мирное население. Половцы были главными врагами на юго-востоке в период дробления Киевского государства.

Упадок киевского государства, усиление сепаратизма отдельных княжеств после смерти Юрия Долгорукого, — все это предопределило интересы Андрея Юрьевича. Вопреки желаниям своего отца, Юрия Долгорукого, он ушел из Киева в Ростово-Суздальскую землю, где и княжил с 1157 до 1175 г. Андрей Юрьевич, — или Андрей Суздальский, — как его называет Маркс, нес с юга на север воинственный дух и великокняжеские традиции. Историки отметили необычайно яркий воинственный облик князя Андрея Боголюбского. Он «выдавался необыкновенной храбростью, любил начинать битву впереди полков, заноситься на ретивом коне в середину вражьего войска, пренебрегать опасностями».[2]

«Андрей в пылу битвы часто увлекался сечей и подвергал себя большим опасностям, пьянел от бурной схватки»,—так писал об Андрее Боголюбском историк Рожков.

Вскоре после занятия княжеского стола Андрей Юрьевич, столкнувшись с местными феодалами и прежде всего с суздальским боярством, принимает решение о переносе своей резиденции в суздальский пригород — Владимир на Клязьме. Это был важный экономический центр Междуречья верхней Волги и Оки.

Основателем г. Владимира на Клязьме обычно в исторической литературе считали Владимира Мономаха. Археологические данные вносят существенные поправки в это положение. Археолог Уваров убедительно доказал, что Владимир на Клязьме является древнейшим поселением мерян.[3] Монеты, обнаруженные во владимирских курганах, подтверждают наличие торговых связей уже в начале XI в., т. е. почти за 100 лет до Владимира Мономаха. Несомненно, владимирские жители вели торговлю, и не только местную. Владимир находился на перепутье от Мурома к Суздалю, где бывали арабские купцы, приходящие транзитом из Великих Булгар.

В XII столетии устанавливается торговый путь от Киева до Владимира на Клязьме. Киевские купцы направлялись на север по следующему маршруту: Киев — р. Десна — Брянск — волок до верховьев р. Оки — р. Москва — р. Яуза — волок до верховьев р. Клязьмы — Владимир. Кроме того, приобретал весьма важное значение торговый путь, соединяющий два растущих центра северо-восточной Руси — Владимир на Клязьме и Новгород на Волхове.

Почему Владимир Мономах обратил особенное внимание на

Владимир по р. Клязьме? Основание деревянной крепости, окруженной земляным валом, на высоком берегу р. Клязьмы и ее притоке Лыбеди имело военно-стратегическое значение. В борьбе за Волжско-Окское междуречье против Святославичей укрепленный Владимир на Клязьме нужен был Мономаху как прикрытие древних городов — Суздаля, Ростова и Белоозера.

Кроме того, укрепление пригорода Владимира имело и политическое значение в связи с преодолением оппозиции ростово-суздальских бояр.

Перенесение княжеской резиденции во Владимир на Клязьме явилось выражением борьбы княжеских дружинников против ростово-суздальских бояр и горожан. Бояре и торговцы старых городов (Ростова, Суздаля) стремились, по примеру Новгорода и Киева, влиять на княжескую политику, ограничить власть князя властью городской сходки (веча).

Это временно удалось киевлянам (в 1068 г.) и новгородцам (в 1193 г.) благодаря народным восстаниям, результатами которых не замедлила воспользоваться феодальная знать.

В Ростове и Суздале туземная знать неоднократно сталкивалась с народными низами и потому безуспешно боролась против усиления власти князя. С развитием княжеского и боярского землевладения князья постепенно эмансипируются (обособляются) от влияния вечевых городов. В княжеской вотчине увеличилась вооруженная сила, что позволило князю обходиться без городского ополчения, а в вопросах внешней политики быть независимым от веча.

Ко времени Андрея Боголюбского во Владимире выросли те общественные группировки, которые в борьбе против старой боярской знати поддерживали сильную княжескую власть. Таким образом самовластие Андрея Боголюбского не было лишь особенностью его характера, а имело определенные социальные мотивы. В противовес централизаторской тенденции княжеской власти туземное боярство выставляло политический сепаратизм.

Андрей Боголюбский многое сделал для превращения Владимира на Клязьме в новую княжескую столицу. Ипатьевская летопись подчеркивает, что князь Андрей «сильно устроил... город Владимир». Боярские и торгово-ремесленные посады были окружены деревянными стенами с изящными пятью воротами: Золотыми, Серебряными, Медными, Волжскими и Ориниными. Андрей Боголюбский сооружает земляной вал, прилегающий на юго-западе к валу Владимира Мономаха.

В 1158 г. был заложен Успенский собор во Владимире. Для строительства собора и других церквей приглашаются иностранные мастера «из — всех земель». Князь Андрей много уделял

внимания постройке Успенского собора и пожаловал ему «слободы купленные с даньми и села лепшая» (из Никоновской летописи за 1158 г.).

По своим архитектурным и декоративным формам собор имеет влияние византийско-романского стиля.

Как Успенский собор, так и многие другие постройки XII в во Владимире являются ценнейшими историческими, художественными и археологическими памятниками.

Так перестраивался Владимир, бывший пригород суздальский, превращаясь в столицу могущественного феодального княжества.

В результате этого строительства укрепленная часть города расширялась более чем на половину. В черте земляного вала находились три монастыря: Георгиевский, Спасский и Успенский.

Владимир на Клязьме по своей экономической и общественной структуре значительно отличался от древнейших городов Междуречья — Ростова и Суздаля. В нем больше, чем в других городских центрах, были развиты ремесло и торговля. Никоновская летопись передает пренебрежительное отношение ростовских бояр к Владимиру — как городу каменщиков и плотников: «Несть бо свое княжение град Владимир, но пригород есть наш, а наши смерды в нем живут и холопы, каменосечцы и древоделы и орачи».[4]

В 1158 г. Андрей Юрьевич начинает строительство огромного каменного замка в с. Боголюбово, в устье р. Нерли, в 10 верстах от Владимира, на крутом берегу р. Клязьмы. Этот замок стал княжеским дворцом, вокруг которого появлялись новые и новые постройки: хозяйственные здания, жилые дома княжеских дружинников и т. п. Затем был сооружен Покровский монастырь. Ипатьевская летопись называет Боголюбово каменным градом. Сообщая об Андрее Боголюбском, летопись отмечает: «создал же... себе город камен, именем Боголюбый».

Строительство Боголюбовской крепости в устье р. Нерли имело большое военно-стратегическое и политическое значение. Боголюбово преграждало водный путь из Булгарского царства и было заслоном от Рязанского княжества со стороны Мурома. В связи с борьбой против рязанских князей за господство в волжско-окском бассейне надо рассматривать особенное внимание Андрея Суздальского к стольному городу-крепости и, в то же время, к княжеской резиденции — Боголюбову. Кроме того, сооружение Боголюбовской крепости укрепляло позиции княжеской власти в преодолении туземной боярской оппозиции. Если ранние ростовские бояре, в борьбе против владимирского князя,

Схематический план г. Владимира на Клязьме. Вал Мономаха. I. Серебряные ворота. II. Волжские ворота. Вал Боголюбского. III. Золотые ворота. IV. Иринины ворота. V. Медные ворота. Вал Всеволода. 1. Успенский собор и епископский двор. 2. Дмитревский собор и княжой двор. 3. Рождественский монастырь. 4. Монастырь Георгия. 5. Спасский монастырь. 6. Успенский девичий монастырь.

не прочь были установить непосредственное общение с рязанскими князьями Ольговичами, то теперь, когда между Ростовом и рязанским «низом» появился Боголюбов, эта возможность была почти исключена.

Борьба Андрея Боголюбского с ростовским боярством, по всей вероятности, не встречала поддержки среди части духовенства во главе с епископом Леоном. В 1162 г. происходит разрыв князя Андрея с епископом Леоном и высылка последнего в Ростов. Летописные источники связывают это событие с борьбой внутри правящего феодального класса. Ипатьевская летопись так освещает этот факт: «выгна Андрей епископа Леона из Суждаля и братью свою поима Мстислава и Василка и два Ростиславича сыновца своя, мужи отца своего передний; се же створи хотя самовластець быти всей Суждальской земли».

Таким образом в основе разрыва князя Андрея с епископом Леоном были политические мотивы: усиливающейся княжеской власти противостояла оппозиция туземной знати, не желающая мириться с княжеским самовластием. Эти политические мотивы не могли не облечься в религиозную оболочку. Андрей Боголюбский многое делал для того, чтобы превратить Владимир в подлинный центр, политический и религиозный, всего Междуречья. Завершение строительства Успенского собора дало Андрею Боголюбскому возможность поставить вопрос об учреждении во Владимире своей митрополичьей кафедры. Осуществление данного мероприятия сразу бы подняло престиж новой княжеской резиденции — Владимира на Клязьме.

Как раз в этом вопросе епископ Леон и разошелся с князем Андреем. Из этого следовал соответствующий княжеский вывод: «а в Суждали не да ему (Леону) седети».

В 1164 г. владимиро-суздальским епископом стал Федор, поставленный константинопольским патриархом.

Сторонники епископа Федора не стояли в стороне от борьбы за сильную княжескую власть. Андрей Боголюбский использовал церковь и духовенство в осуществлении внутренней и внешней политики. Своим личным «боголюбием» и усиленным строительством церквей Андрей Боголюбский подкупал духовенство. А последнее оказывало ему огромную поддержку в борьбе с соседними князьями. Так вопросы церковные тесно переплетались с вопросами политическими. Церковь освящает походы князя Андрея против болгар и создает культ чудотворной Боголюбовской иконы.

Политическую независимость от Киева Андрей Боголюбский пытается дополнить созданием особой митрополии во Владимире на Клязьме. Первые годы княжения наполнены острой борьбой

за независимую митрополичью кафедру. Епископ Федор, кандидат в митрополиты, становится ближайшим помощником Андрея Боголюбского. Они вместе весьма решительно и жестоко расправляются с теми из духовенства, которые («мнихи, игумены и иереи») стоями преградой на их пути и возражали против разрыва с киевской митрополией.

Епископ Федор производил конфискацию имущества у непокорных противников, многих из них пытал и казнил. Кроме того, часто накладывались интердикты на церкви (запрещение богослужений) с целью воздействия на весь приход верующих.

Репрессивная деятельность и религиозный сепаратизм епископа Федора были осуждены киевским митрополитом и южным епископатом. В 1172 г. состоялся митрополичий суд над епископом Федором, который и приговорил: «язык ему (Федору) урезати и руку правую утяти и очи ему выняти».

Расправа над епископом Федором явилась большим ударом по Андрею Боголюбскому. Его политические враги, из туземного боярства, почувствовали прилив новых сил на борьбу против княжеского самовластия.

ЗАВОЕВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КНЯЖЕСКОЙ ВЛАСТИ

Укрепившись в междуречье Оки и Волги, князь Андрей хотел властвовать и на Днепре. В конце шестидесятых годов события в Киевской Руси привлекли внимание Андрея Боголюбского. Киевский князь Мстислав Изяславич делает попытку возглавить русские земли в борьбе против половцев. Добившись соглашения со своими братьями-князьями, Мстислав Изяславич в 1168 г. устраивает удачный поход против половецких ханов. Это несомненно усилило позиции киевского князя, что не входило в политические расчеты Андрея Боголюбского.

Андрей Боголюбский, как представитель мономаховичей младшей линии, стал готовиться к походу на Днепр. Он хотел изгнать из Киева мономаховичей старшей линии и овладеть великим княжением.

Между Владимиро-Суздальским княжеством и Киевом уже шла борьба за Новгород, значение которого увеличилось в результате возросшей торговли с Ганзейским союзом и островом Готландом.

Киев не представлял того интереса, какой он имел в эпоху наибольшей культурной и торговой связи с Византией. Прежде могущественная Византия была поколеблена крестовыми походами. Международная торговая магистраль — великий водный путь «из варяг в греки» — потеряла свое прежнее значение.

Если в предыдущее столетие князья стремились захватить киевский стол, то во второй половине XII в. больший интерес для них приобретал Новгород на Волхове.

На протяжении ряда лет Андрей Боголюбский настойчиво добивается осуществления даннических отношений Новгорода к Владимиро-Суздальскому княжеству. В результате удачных военных столкновений с новгородцами Андрей Боголюбский сажает на новгородский стол своих князей-подручников. В Кенигсбергской летописи находится любопытная миниатюра, как в 1160 г. новгородцы торгуются с Андреем Боголюбским о найме его родственников Мстислава Юрьевича и Мстислава Ростиславича в новгородские князья.

Положение князей в Новгороде Великом было непрочно, и многие из них покидали княжеский стол в результате столкновений с вечем. Вследствие этого Андрею Боголюбскому приходилось неоднократно восстанавливать прежнее положение и проводить новые походы в Новгородские земли. В результате походов на Новгород, от него отлагается Двинская земля. Летопись повествует о том, что «двиняне отметнувшеся от Велика Нова града, не восхотеша дань давати новгородцам, но предашеся князю Андрею Суздальскому».

Успехи все же были не прочными. Новгородцы упорно сопротивлялись и даже одолевали суздальскую рать. 25 февраля 1169 г. новгородцы, под командованием Даньслава Лазутинича, разбили войско владимирского князя. Победители захватили *столько пленных рабов, что продавали их за мелкую монету.* В летописи сообщается, что новгородцы «купляху суждальц по 2 ногаты (или одной десятой части гривны), т. е. дешевле, чем стоил мелкий домашний скот.

От войн феодалов страдало прежде всего крестьянское население. Новгородское войско, разбив суздальцев, «взяша всю дань на суждальских смердех».

Борьба с Новгородом отражалась на взаимоотношениях между Владимиро-Суздальским княжеством и Киевом.

Киевский князь Мстислав Изяславич, воспользовавшись недовольством новгородцев Андреем Суздальским, посылает на княжеский стол в Новгород своего сына Романа Мстиславича. Это вмешательство Мстислава в новгородские дела послужило поводом для грандиозного похода суздальцев на Киев в 1169 г. Андрей Боголюбский организует большую рать из одиннадцати княжеских дружин, которую возглавляет его сын Мстислав Андреевич. 8 марта 1169 г. суздальские войска подступили к Киеву и подожгли его с разных концов. Загорелся и Киево-Печерский монастырь. Пользуясь пожаром, суздальцы

грабили киевлян, забирали их имущество, конфисковали ценности церквей и монастырей — ризы, драгоценные оклады с икон, захватывали с собой книги, снимали колокола и т. п. Победители нанесли не только неисчислимый материальный ущерб — «матери русских городов» — Киеву, но и в значительной степени его обезлюдили. Они убивали всех сопротивляющихся, мирных жителей уводили в плен, разрушали семьи и бросали детей на произвол судьбы.

Воины Мстислава Андреевича произвели невиданные опустошения в Киеве. Ипатьевская летопись так повествует об этом:

«Взят же бысть Киев месяца марта в 8, в второе недели поста в середу, и грабиша за 2 дни весь град. Подолье и Гору, и монастыри, и Софью, и Десятиньную богородицю, и не бысть помилования никому же ни откуду же, церквам горящим, крестьянам убиваемом, другым вяжемым, жены ведоми быша в плен, разлучаемы нужею от мужий своих, младенцы рыдаху зряще материй своих; и взяша имений множьство, и церкви обнажиша иконами и книгами и ризами, и колокола изнесоша вся Смолняне и Суждальци и Черниговци, и Олгова дружина, и вся святыни взята бысть; зажьжен бысть и манастырь Печерьский святыя богородица от поганых, но бог молитвами святыя богородица съблюде и от таковыя нужа; и бысть в Киеве на всих человецех стенание и туга, и скорбь неутешимая и слеза непрестаньныя».

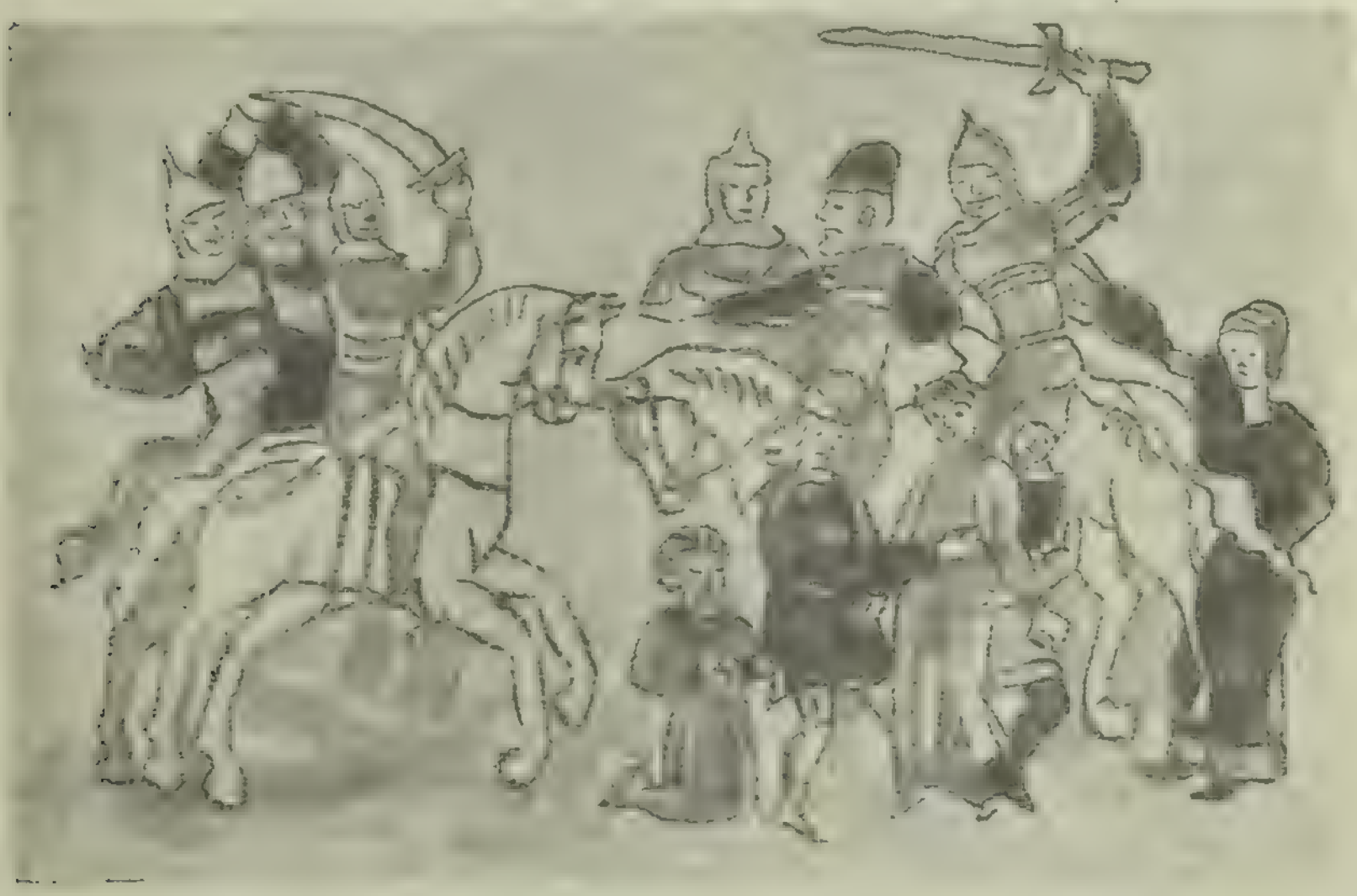
Разгром Киева имел двоякое последствие: во-первых, днепровская столица перестала быть политическим центром всея Руси, преклонившись перед Владимиром на Клязьме; и во-вторых, нежелание Андрея Боголюбского ехать в былой традиционный великокняжеский центр выражает тенденцию князей-современников закрепить за собой навеки определенное княжество. Данная княжеская резиденция рассматривалась ими как стабильный центр, владение которым определялось прямым порядком наследования. Стремление к стабильной княжеской власти, интерес к княжескому центру,— несомненно имело прогрессивное значение. Прежняя чехарда на княжеских престолах, согласно обычной родовой, династической традиции, сменяется новыми приемами борьбы за власть путем расширения владений своего княжества.

После 1169 года Киевское государство низводится на уровень рядового княжества на Руси, в котором правят князья, находящиеся в большей или меньшей зависимости от Владимирского великого князя.

С разгромом Киева опустошенный юг потерял свое былое

значение. Номинальный победитель Киева, князь Андрей Юрьевич, под его стягом шла рать, — разграбивший «мать русских городов», на юг не поехал. Ему гораздо привлекательнее казалась новая система княжеского управления, укреплявшаяся на северо-востоке.

С. М. Соловьев делает следующие выводы из этого факта: «Андрей не сам привел войска свои к Киеву, не пришел в стольный град отцов и дедов и после, отдал его, опустошенный,



Войска Андрея Боголюбского гонят киевлян в плен (1169 г.).

младшему брату, а сам остался на севере, в прежнем месте своего пребывания —во Владимире на Клязьме. Этот поступок Андрея был событием величайшей важности, событием поворотным, от которого история принимала новый ход, с которого начинается на Руси новый порядок вещей».[8]

Перенесение великокняжеской резиденции из Киева во Владимир имело определенное политическое значение. Это была попытка приостановить дробление русской земли путем организации нового центра.

Маркс писал: «Попытка Андрея Суздальского собрать часть этой империи (Рюриковичей —*В. Г.*) путем переноса столицы из Киева во Владимир оказывается успешной лишь постольку, поскольку она переносит разложение с юга в центр».[9]

В связи с возвышением Владимира Ростов и Суздаль отходили на второстепенные позиции. После того как Андрей Боголюбский ушел во Владимир, в Суздале остался посадником его сын Мстислав Андреевич.

Туземная знать старых вечевых городов, и прежде всего Ростова, не мирилась с верховенством града Владимира во всем Залесье.

Ростовские бояре называли новую княжескую столицу как «пригород», в котором «наши смерды в нем живут и холопы» (из Никоновской летописи). Представители ростовской знати выражали неудовольствие тем, что князь Андрей не считался с ними, а все дела вершил со своими служилыми людьми из «мизинных» (т. е. мелких) владимирцев. Но их недовольство легко преодолевалось политическим и военным могуществом Андрея Суздальского.

Политическое могущество князя Андрея Боголюбского, его «самодержавство» основывалось на владении крупными вотчинами. Кроме резиденции Боголюбова, он имел много «слобод купленных» и «сел лепших».[10]

Владение землей и крепостными крестьянами являлось основой политического господства. «В феодальную эпоху, — писал Маркс, — высшая власть в военном деле и в суде была атрибутом (необходимым признаком — *В. Г.*) земельной собственности».[11]

Князь и его дружинники захватывали общинные земли смердов. Прежде свободные, общинники-смерды все более и более попадают в зависимость богатых землевладельцев.

Владимирский епископ Серапион в своем поучении «Слово о мятежи жития сего» писал, что «Друзии же имения не насыщающеся и свободные сироты порабощают и продают, инии крадут и разбивают, а имения хощют собрать... богатство нам дал бог да от него неимущим подадим и убогим, мы же обидим еще сирот и вдовам насилуем и убогих отнимаем».[12]

Из этого следует, что «свободные сироты», или смерды, всячески порабощались владельцами богатых имений. Они становились крепостными рабами. Кабала являлась лишь одной из форм закрепощения сирот-смердов.

В обращении к деревенской бедноте Ленин сравнивает положение русского народа в начале XX в. с положением крестьян при крепостном праве. Ленин отмечает, что крестьяне при крепостном праве были рабами помещиков, они не имели гражданской свободы. В чем это конкретно выражалось?

Во-первых, — «при крепостном праве крестьянин не смел жениться без разрешения помещика»;

во-вторых, — «при крепостном праве крестьянин должен

был работать непременно на своего барина в такие дни, когда бурмистр укажет»;

в-третьих, — «при крепостном праве крестьянин не смел никуда отлучиться из деревни без разрешения барина»;

в-четвертых, — «при крепостном праве крестьянин не смел приобретать имущество без разрешения барина, не смел покупать земли»;

в-пятых, — «при крепостном праве крестьянин мог быть телесно наказан помещиком».[13]

Характеризуя барщинный строй хозяйства, господствовавший в эпоху крепостного права, Ленин писал: «Сущность тогдашней хозяйственной системы состояла в том, что вся земля данной единицы земельного хозяйства, т. е. данной вотчины, разделялась на барскую и крестьянскую; последняя отдавалась в надел крестьянам, которые (получая сверх того и другие средства производства — например, лес, иногда скот и т. п.) своим трудом и своим инвентарем обрабатывали ее, получая с нее свое содержание».[14]

Этот надел не только давал крестьянину «средства к жизни», но и обеспечивал помещику даровые рабочие руки. Рабочие руки крепостных крестьян обрабатывали помещичью землю «т е м ж е инвентарем»: на помещика обрабатывали барскую землю, на себя — свои наделы; на помещика работали одни дни недели, а на себя — другие».

И далее Ленин указывает: «Надел крестьянина служил таким образом в этом хозяйстве как бы натуральной заработной платой (выражаясь применительно к современным понятиям), или средством обеспечения помещика рабочими руками. «Собственное» хозяйство крестьян на своем наделе было условием помещичьего хозяйства, имело целью обеспечение не крестьянина — средствами к жизни, а помещика — рабочими руками».[15]

Трудовой народ создавал все, что требовалось для крепостнического общества.

*

Расширение территории Владимирского княжества сочеталось с военно-феодальной колониальной политикой княжеской власти. Ленин вполне определенно констатировал наличие колониальной политики и империализма не только в феодальных странах, но даже в рабовладельческих государствах. В своей работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» Владимир Ильич писал:

«Колониальная политика и империализм существовали и до новейшей ступени капитализма и даже до капитализма. Рим, ос-

нованный на рабстве, вел колониальную политику и осуществлял империализм. Но «общие» рассуждения об империализме, забывающие или отодвигающие на задний план коренную разницу общественно-экономических формаций, превращаются неизбежно в пустейшие банальности или бахвальство, вроде сравнения «великого Рима с великой Британией» (здесь Ленин ссылается на К. П. Люкаса «Великий Рим и великая Британия». — *В. Г.*). Даже капиталистическая колониальная политика *прежних* стадий капитализма существенно отличается от колониальной политики финансового капитала».[10]

Следует учесть, что колониальная политика владимирских князей «существенно отличается» даже от колониальной политики московских царей, не говоря уже о колониальной политике последнего петроградского императора. Колониальная политика Андрея Боголюбского особенно ярко проявлялась в походах против мордвы и камских болгар.

„Абрамово" городище — центр мордовских племен (ныне г. Горький).

В 1172 г. Андрей Боголюбский организует большой поход на завоевание мордовской земли. У А. В. Экземплярского, в его книге о великих и удельных князьях, мы находим подробный

рассказ об этом походе. Любопытна история образования административного центра мордовской федерации, так называемого Ибрагимова городка, и эпизоды борьбы русских князей за этот город.

«Мордвин Абрам, или Ибрагим, вышедши из-за р. Кудьмы, поселился при впадении Оки в Волгу на Дятловых горах, покрытых тогда дремучим лесом. У него было 14 сыновей и 3 дочери, для которых он построил 13 домов на том месте, где ныне архиерейский дом. Эта колония названа была Абрамовым или Ибрагимовым городком, а сам Ибрагим выбран был всеми мордовскими племенами в правители (старшина или князь).

На этот-то городок и ходили, но не совсем удачно, суздальские войска. Абрам, по словам легенды, заслышав о том, что суздальские, муромские и рязанские рати идут к его городку, стал укреплять последний: он обнес его тыном, валами и рвами. В городке было уже до 500 человек. Абрам устроил в двух пунктах укрепления по воротам: одни широкие с южной стороны вала, с дубовыми створами, которые засыпал землей, другие — потайные, на север от въезда с Волги на гору (Коровий ввоз).

Подошедши к городку с 14 тысячами воинов, князь Мстислав, не желая напрасно проливать кровь, вступил с Абрамом в переговоры: он предлагал ему оставить Дятловые горы и признать над мордовскими племенами власть суздальского князя (Андрея Боголюбского). Абрам отвечал, что он не прирожденный владыка мордовских племен, а только выборный правитель их, почему и не может самолично принимать никаких условий; он просил дать ему четыре года для сношения со всеми мордовскими племенами. Но Мстислав согласился дать только четыре дня.

Абрам немедленно разослал через тайные ворота гонцов в ближайшие мордовские селения, требуя немедленной помощи. В две ночи через тайные ворота вошло в городок более пяти тысяч человек мордвы, и Абрам, не дожидаясь истечения данного ему срока, вышел через южные ворота и ударил на суздальскую рать. Это впрочем не принесло мордве пользы. Абрам пал в битве со всей своей ратью, жители городка были перебиты, а самый городок русскими сожжен. Мстислав оставил там тысячу конных и строго приказал им жить почему-то не в городке, а около него».[17]

Мордовские племена продолжали упорно сопротивляться и надеялись отомстить за убийство своего вождя Абрама. Об этих замыслах княжеские воины узнали; они на конях пробились сквозь строй пеших мордовцев и ускакали в Боголюбово.

Но этим не закончилась история военных столкновений кня-

жеских отрядов с мордовскими племенами. В течение ряда десятилетий мордова упорно отстаивала свою независимость.

Андрей Боголюбский устраивал походы и на волжско-камских болгар, — «иногда побеждая полки поганых Болгар» (из летописи).

Это были типичные военно-феодальные грабительские экспедиции, которые, в случае удачи, сопровождались сожжением городов и сел и захватом населения в полон.

Поход 1164 г. на булгар облекается в форму крестового похода против «поганых» и «неверных». В этом походе участвовали вместе с Андреем Суздальским представители духовенства, которые сопровождали «непобедимую» икону богородицы. Захват болгарского города Бряхимова и сожжение других городов рассматривалось как «чюдо новое», которое явилось в результате нахождения иконы в ополчении князя Андрея.

Поход суздальцев в 1172 г. на булгар под руководством Мстислава Андреевича окончился неудачно. После захвата нескольких сел молодой князь все же был разбит и вынужден бежать впереди своей дружины.

В набегах на Булгарское царство, наряду с Андреем Боголюбским, участвовали князья рязанские и муромские, заинтересованные в ослаблении волжско-камских феодалов.

*

Официальная дворянская историография изображала Андрея Боголюбского как раннего носителя «идей самодержавия», выдвигая на передний план его волю, независимую от правящего класса.

В действительности же политика княжеской власти определялась интересами феодальной фракции владимирской ориентации, а также и соотношением классовых сил в княжестве.

Усиленный рост княжеских земель за счет захвата общинных земель смердов и местных бояр, произвол дружинников и княжеской администрации — вызвали большое недовольство политикой Андрея Боголюбского. Репрессиями, пытками и конфискациями имущества недовольных бояр пытался князь Андрей Боголюбский укрепить свое положение. Церковь всячески помогает Андрею Боголюбскому в этом деле. Был создан своеобразный институт инквизиции против политических врагов Андрея Боголюбского — как еретиков и богоотступников. Церковное проклятие, религиозное преследование и т. п. использовались как средства расправы с оппозиционными элементами. С другой стороны, обострение классовой борьбы во всем княжестве неизбежно

накладывало соответствующий отпечаток на характер княжеской власти.

Особенности княжения Андрея Юрьевича состоят в том, что все более обострявшиеся противоречия внутри княжества заставили его круче и решительнее проводить политику, начатую еще Юрием Владимировичем. Внутренняя и внешняя политика Андрея Боголюбского являлась в основном продолжением политики Юрия Долгорукого, хотя последний жил больше всего интересами Киева.

ДВОРЦОВЫЙ ЗАГОВОР И ВОССТАНИЕ 1175 г. УБИЙСТВО КНЯЗЯ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО

Великий князь Андрей Боголюбский, стремясь к неограниченной власти, порождал недовольство среди собственных вассалов, главным образом, выходцев из туземной феодальной знати. Никоновская летопись подчеркивает этот момент словами:

«Ненавидяху князя Андрея своего суще домашнии, и льстиво и лукавно глаголаху к нему. И тако совраждоваше и соссориша его с братьею, и с передними мужи отца его, и тако изгна братью свою. Еще же и передних мужей отца своего овех изгна, овех же в темницы затвори; и бысть брань люта в Ростовской и Суздальской земле».

Заговорщики выламывают дверь во дворце Андрея Боголюбского. (1175 год.)

Недовольство политикой Андрея Боголюбского породило боярский заговор, во главе которого стояли братья Кучковичи.

Князь Андрей, очевидно, подозревал Кучковичей в заговоре и одного из них казнил.

Расправа с боярином Кучковичем вызвала еще большее недовольство Андреем Боголюбским. Летописец констатирует: «и почаша молвити: «день того казнил, а нас заутро; а промыслимы о князе сем» — и свещаша убийство на ночь».

Такое решение было принято на тайном совещании заговорщиков у Петра Кучковича. Всего заговорщиков было около 20 человек, в том числе ключник Анбал, суздальский боярин Ефрем Моизич. Во главе заговора стояли Петр и Яким Кучковичи, причем последний был близким дружинником князя Андрея Боголюбского.

В ночь на 28 июня 1175 г. заговорщики проникли в княжеский дворец, надеясь на отсутствие дворцовой охраны (при князе находился лишь один отрок из половцев) и безоружность князя Андрея, что осуществил ключник Анбал.

Но и при таком состоянии Андрей оказал сильное сопротивление заговорщикам, вломившимся в княжескую ложницу. Бояре долго боролись с князем впотьмах, нанесли ему много ударов мечом и, оставив раненого, вышли из дворца. Они были уверены, что князь Андрей мертв. Но раненый обладал такой огромной силой, что мог сползти по лестнице вниз, где и был добит окончательно. Петр Кучкович «оття (отсек) ему руку десную».

В Кенигсбергской летописи находится миниатюра, показывающая, как Петр Кучкович отрубает руку у Андрея Боголюбского.

Рентгено-антропологическое исследование скелета Андрея Боголюбского дало возможность уточнить, детализировать характер трагических событий, происшедших в ночь на 28 июня 1175 г. в Боголюбовском замке. Сотрудники ленинградского государственного рентгенологического института Д. Г. Рохлин и В. С. Майкова-Строганова, производившие исследование скелета Андрея Боголюбского, пришли к такому выводу:

«Картина убийства, описанная летописцами, в значительной мере совпадает с реконструкцией, сделанной нами на основании рентгенологического исследования скелета. В частности, на основании характера ранений было правильно распознано оружие нападавших: «и секоша и мечи и саблями и келийные язвы даша ему» (летопись по Ипатьевскому списку). Довольно правильно был восстановлен порядок нанесения ударов. Мы не имели, однако, спорных пунктов, позволяющих считать, что заговорщики сначала лишь тяжело ранили Боголюбского, а добили его через некоторое время, когда он, очнувшись, нашел достаточно сил, чтобы доползти до сеней, оставляя за собой кровавый след и привлекая к себе стоном и криком.

Относительно некоторых ранений, отмечаемых летописцами, необходимо указать следующее: мы не обнаружили повреждений в области ребер, о чем упоминается в одном из списков; возможно, что копьем действительно был нанесен удар в грудную клетку, однако, без повреждения ребер. Количество ран, нанесенных Боголюбскому, вероятно было больше, чем об этом можно было нам судить лишь на основании состояния скелета, ибо не каждый удар был связан с повреждением кости. Все летописцы отмечают, что Петр Кучков отсек Боголюбскому правую руку. Однако на правой конечности нами не обнаружено свежих ранений, тогда как левая верхняя конечность была рассечена во многих местах: и в области плечевого сустава и в среднем отделе плечевой кости, и в среднем и нижнем отделе предплечия, и в области кистных костей.

Убийство князя Андрея Боголюбского

Нужно сказать, что летописцы — или по ошибке, или желая сгустить краски и усилить эффект — отмечают, что Петр Кучков, главарь заговорщиков, отсек Андрею Боголюбскому **правую, а не левую руку».**

Июньские события 1175 г. в Боголюбове и Владимире были подготовлены глубокими классовыми противоречиями, совпавшими с острой борьбой внутри господствующего класса феодалов.

Дворянско-буржуазные историки останавливались лишь на одной стороне боголюбово-владимирских событий. Историк Соловьев объясняет причины организации боярского заговора Куч-

ковичей переменой взглядов Андрея Боголюбского на свои права и обязанности. При этом он ссылается на летописца, подробно описавшего власть Андрея Боголюбского.

В. О. Ключевский писал, что «князь Андрей был суровый и своенравный хозяин, который во всем поступал по-своему, а не по старине и обычаю».

«Желая властвовать без раздела, Андрей погнал вслед за своими братьями и племянниками и «передних мужей отца своего, т. е. больших отцовских бояр».

Князь Андрей своими жестокостями восстановил против себя собственных вассалов, свой двор: казнь боярина Кучковича послужила поводом ко дворцовому заговору на жизнь князя Андрея, который без труда осуществился.

«Возьмите старое крепостническое дворянское общество, — говорил Ленин, характеризуя дворцовые перевороты. — Там перевороты были до смешного легки, пока речь шла о том, чтобы от одной кучки дворян или феодалов отнять власть и отдать другой».[19]

Дворцовый заговор — это одна только сторона политических событий, не объясняющая сложный переплет классовых противоречий в 70-х годах XII в.

Самовластие князя Андрея выражалось не только в том, что он изгнал «передних бояр»; от этого самовластия тяжело доставалось прежде всего всей народной массе. Феодалы давили и притесняли крестьян, все более и более закабаляя их.

Недовольные владимирцы не случайно говорили по адресу Андрея, что он обращается со своим княжеством «точно с чужой землей».

Другая сторона событий, наиболее важная, — это бунт горожан и смердов в Боголюбове и Владимире, что М. Н. Покровский совершенно неверно называет «настоящей народной революцией».[20]

Разницу между княжеской властью, стремившейся к централизации и ведущей борьбу против феодальной раздробленности, и старым боярством — носителем сепаратизма — Покровский видел лишь в разных формах эксплоатации. «Управление Боголюбского было одной из первых систематических попыток эксплоатировать эту массу (смердов) по-новому...» Все многообразие классовых взаимоотношений и классовой борьбы прошлого Покровский подводил под отвлеченные категории социальной борьбы. Вредный социологизм «школы» Покровского приводил к тому, что как Покровский, так и его ученики не смогли дать правильной оценки историческим событиям. Вместо конкретного марксистско-ленинского анализа прошлого они, в угоду своей

схеме, извращали действительный исторический процесс. Это мы видим и в оценке Покровского значения борьбы Андрея Боголюбского за сильную княжескую власть, которая, несомненно, имела прогрессивное значение.

Как выше указано, причин для народного возмущения было более чем достаточно. Заговорщики и убийцы Андрея стремились использовать это возмущение для достижения своих целей. Они имели сторонников из «дружины владимирской» — «владимирской тысячи», т. е. владимирского городского ополчения.

Но горожане Владимира, и особенно смерды, имели свои интересы, отличные от интересов придворных заговорщиков. И когда бояре обратились к владимирцам с предложением о совместных действиях, то получили ответ: «кто с вами в думе, то буди вам, а нам не надобе».

Восставшие боголюбовские горожане избивают бояр. (1175 год.)

Каковы же действия горожан в Боголюбове и Владимире? Из Лаврентьевской летописи мы узнаем, что «горожане же Боголюбова (где был убит князь Андрей) разграбили дом княжеский... золото и серебро, одежды и драгоценные ткани, — имение, которому числа не было; и много зла створися в волости: домы посадников и тиунов разграби, а самих с их детскими и мечниками перебили и дома этих последних разграбили, не ведая, что написано: где закон, там и обид много. Приходили грабить даже и крестьяне из деревень. То же было и

во Владимире; до тех пор не переставали грабить, пока по городу не стало ходить духовенство со святою богородицею».[21]

Летописец рассказывает о социальной сущности июньских событий во Владимире и Боголюбове. Убийство Андрея, как верховного главы княжеской администрации, было лишь сигналом к разгрому ненавистной феодальной администрации.

Восстание горожан и смердов становилось угрожающим. На третий день после убийства князя Андрея владимирское духовенство решило пойти «с богородицей» по городу и навести порядок. Тело князя Андрея, выброшенное во двор Боголюбовского замка, с почестями было погребено в Успенском соборе.

Можно ли назвать революцией события 1175 г. во Владимире и Боголюбове?

В замечаниях тт. Сталина, Жданова и Кирова по поводу конспекта учебника по «Истории СССР» отмечено, что авторы конспекта свалили в одну кучу разнообразные политические понятия, в том числе и понятия о революции «вообще». Эти замечания целиком относятся к М. Н. Покровскому, когда он сваливает в одну кучу понятия — революция и примитивный стихийный бунт. Покровский весьма произвольно обращается с термином «революция», отождествляя революцию, как высшую форму сознательной борьбы угнетенного класса, со стихийным бунтом крепостных крестьян или горожан в раннюю феодальную эпоху. И здесь сказался антиисторический подход М. Н. Покровского к фактам классовой борьбы XII столетия.

Покровский писал: «Были ли тогда (т. е. в феодальную эпоху. *В. Г.*) революции, похожие на теперешнюю? Были и тогда, но они были всегда неудачны».[22]

Но что такое революция?

«Чтобы оценить революцию действительно по-марксистски, с точки зрения диалектического материализма, — писал Ленин, — надо оценить ее, как борьбу живых общественных сил, поставленных в такие-то объективные условия, действующих так-то и применяющих с большим или меньшим успехом такие-то формы борьбы».[23]

«Революцией называется отчаянная борьба классов, доведенная до наибольшего ожесточения» (Ленин). Революция — это высшая форма гражданской войны, в которой угнетенный класс направляет усилия к тому, чтобы уничтожить угнетающий класс до конца, уничтожить экономические условия существования этого класса».[24]

И далее — «революция есть такое преобразование, которое ломает старое в самом основном и коренном, а не переделывает

ство осторожно, медленно, постепенно, стараясь ломать как можно меньше».[25]

Ленинско-сталинское определение революции дает основание отвергнуть оценку владимиро-боголюбовских событий 1175 г. как революции. Это была не революция, а стихийное восстание смердов и горожан.

Чем характерны крестьянские восстания в феодальную эпоху?

Говоря о бунтах на заре формирования класса пролетариата, когда протесты угнетенных рабочих мало чем отличались от протестов крепостных крестьян, Владимир Ильич писал: «И примитивные бунты выражали уже собой некоторое пробуждение сознательности: рабочие теряли исконную веру в незыблемость давящих их порядков, начинали... не скажу понимать, а чувствовать необходимость коллективного отпора, и решительно порывали с рабской покорностью перед начальством. Но это было все же гораздо более проявлением отчаяния и мести, чем борьбой».[26]

Эта ленинская характеристика бунтов тем более относится к крестьянским восстаниям в феодальную эпоху. Восстания крепостных крестьян были примитивными, стихийными бунтами, в которых проявлялось гораздо более отчаяние и месть, чем осознанная классовая борьба.

Касаясь крестьянского движения при крепостничестве, Ленин писал: «Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли».[27]

В лекции о государстве Владимир Ильич, отметив наличие сплоченности, дисциплинированности пролетариата в борьбе с капиталом, говорил: «Ничего подобного даже приблизительно не было у крепостного крестьянина, не говоря уже о рабах. Рабы, как мы знаем, восставали, устраивали бунты, открывали гражданские войны, но никогда не могли создать сознательного большинства, руководящих борьбой партий, не могли ясно понять, к какой цели идут, и даже в наиболее революционные моменты истории всегда оказывались пешками в руках господствующих классов».[28]

Но это не останавливало крестьян в их борьбе против феодалов.

Вся эпоха крепостного права разными образом полна постоянных восстаний крестьян. История крепостной России богата многократными восстаниями угнетенных масс против крепостников-помещиков.

ВСЕВОЛОД III „БОЛЬШОЕ ГНЕЗДО"

После убийства Андрея Боголюбского борьба в среде правящего феодального класса не прекращается. Эта борьба приняла форму непрерывных столкновений ростовцев и владимирцев.

Боярская аристократия Ростова ориентировалась на племянников Андрея Боголюбского — Ярополка и Мстислава Ростиславичей, тесно связанных с рязанским князем Глебом. Владимирские бояре и горожане стояли на стороне братьев Андрея Боголюбского — Михаила и Всеволода.

В 1175 г. во Владимире происходит боярский съезд по вопросу об избрании нового князя. Ростовские бояре, опираясь на поддержку агентов рязанского князя — бояр Бориса и Дедильца, добиваются решения о приглашении на княжение Мстислава и Ярополка Ростиславичей. Мономаховичи — братья Михаил и Всеволод, законные наследники на княжеский стол, были обойдены. Они были неугодны ростовскому боярству как противники сепаратизма и сторонники объединительной политики, которую так решительно проводил Андрей Боголюбский.

Ростиславичи удовлетворяли старую боярскую знать тем, что **оставляли ее «на своей воле».**

Владимирцы не соглашались с постановлением боярского съезда и пригласили к себе Михаила. Михаил согласился и,

Михаил Юрьевич на княжеском престоле во Владимире в 1176 году
Миниатюра из Радзивиловской летописи.

придя во Владимир, организовал оборону города от объединенной рати ростовцев и рязанцев. В течение семи недель продолжалась осада города, и только начавшийся голод среди горожан

вынудил князя Михаила капитулировать и уйти в Чернигов. Ростиславичи оказались победителями. Один из них, Мстислав, стал княжить в Ростове, а другой, Ярополк, во Владимире.

Добившись власти, Ростиславичи, опираясь на поддержку ростовского боярства, стали проводить политику насилия и необузданного грабежа во Владимире и других городах. Владимирский Успенский собор, бывшая резиденция епископа Федора, был ограблен; все ценности увезены в Рязань, а земли изъяты из церковного владения.

Недовольство владимирцев Ростиславичами быстро возрастало. Горожане вновь приглашают Михаила, который и пошел со своей дружиной ко Владимиру. Навстречу вышли оба брата, но неудачно. Ярополк и его дружина разошлись с Михаилом, а затем скрылись в Рязани. Дружина Мстислава была разбита, и князь бежал в Новгород. Михаил отвоевал потерянную власть. Он восстановил права Успенского собора на управление городами, на сбор дани и, кроме того, обязал рязанского князя Глеба возвратить изъятые из собора драгоценности.

После разгрома Ростиславичей Михаил объехал Владимиро-Суздальскую землю, сотворяя наряд с оппозиционными городами. Ростовичи целовали крест князю Михаилу и преподнесли ему дары. Суздальские горожане отмежевались от враждебных бояр.

Михаил стал княжить во Владимире, а его брат в Переяславле-Залесском. Это было накануне новых перемен на княжеском престоле. В 1177 г. умер князь Михаил, и владимирские горожане приглашают на княжеский стол Всеволода Юрьевича. Появление Всеволода во Владимире вызвало новый взрыв ненависти ростовских бояр. Они провозглашают своим князем Мстислава Ростиславича, возвращающегося из Новгорода. Мстислав собирает ростовскую рать, поднимает свою дружину и идет походом на Владимир.

Всеволод Юрьевич, не уверенный в благоприятном исходе сражения, предложил князю Мстиславу компромисс: поделить Владимир и Ростов, а суздальцам предоставить право самим выбрать князя — кого восхотят, то им будет князь. Ростовские бояре — Добрыня Долгий и Мятеяш Бутович отсоветовали Мстиславу идти на компромисс с Всеволодом. Предстояло упорное вооруженное столкновение.

В 1177 г. происходит битва на Юрьевом поле, закончившаяся сокрушительным разгромом ополчения князя Мстислава. Некоторые бояре были убиты, в том числе и Добрыня Долгий, а некоторые попали в плен и закованы. Князь Мстислав бежал в Новгород, а оттуда в более безопасное место, Рязань.

Чтобы подорвать экономическую мощь враждебного ростов-

ского боярства, князь Всеволод конфискует их села и деревни («а села боярьская взяша и кони и скот»), сурово наказывая и расправляясь со всеми сопротивляющимися. Этим решительным мероприятием князь Всеволод завоевал симпатии и прочную поддержку посадских и «мизинных» людей.

Расправа с боярской оппозицией завершилась походом Всеволода против рязанского княжества. Рязанский князь Глеб не хотел мириться с властью Всеволода Юрьевича на всей территории Междуречья. Князь Глеб, вместе с возвратившимся из Новгорода князем Мстиславом, организует внезапное нападение на Москву и сжигает город. Но это не спасло князя Глеба.

Решающая битва владимирцев с ростово-рязанским блоком происходит на Прусовой горе. Это был триумф Всеволода Юрьевича. Ростово-рязанский блок был разгромлен, и все руководители его — князья Глеб, Мстислав, сын рязанского князя Роман, ростовские бояре—Борис Жидиславич, Дедильц и Олстин были взяты в плен и торжественно приведены во Владимир.

Местные горожане были не прочь сразу расправиться с князем Мстиславом за его грабительские экспедиции за время пребывания во Владимире. Через три дня стихийно вспыхнуло новое восстание владимирских горожан. Об этих событиях летопись сообщает: «Бысть мятеж велик в граде Володимире: всташа бояре и купцы». Они требовали казни или ослепления рязанских князей и вождей ростовской боярской знати.

Пленников посадили в погреб, куда через некоторое время попал и другой Ростиславич, князь Ярополк, выданный рязанцами по требованию князя Всеволода. Восстание ширилось, в него включились не только горожане, но и крестьяне.

Летописец пишет о том, что «всташа опять люди вси и бояре и придоша на княжь двор, многое множество, с оружием, рекуще: чего их до держати? Хочем слепити их».

Если бояре добивались расправы с рязанскими князьями, то сельские люди жгли боярские имения. Новгородская первая летопись отмечает, что в 1177 г. были сожжены «села боярские».

Под давлением этих событий было объявлено об ослеплении племянников Андрея Боголюбского — Ростиславичей, а их покровитель, рязанский князь Глеб, уморен в тюрьме.

Длительная борьба за власть заканчивается победой Мономаховичей и вокняжением Всеволода III, опиравшегося на владимирское вассальное боярство и верхи посадского люда. Боярская оппозиция была ослаблена, а князь Всеволод, в целях укрепления внутреннего положения, идет на некоторые уступки местной феодальной знати. Летопись сообщает, что князь Всеволод «не сбиуяся лица сильных своих бояр».

Междоусобица во Владимиро-Суздальском княжестве была на руку новгородским боярам, стремившимся к ослаблению княжеской власти во Владимире и ее притязаний к Новгороду. Поэтому они охотно поддерживают ростово-суздальскую оппозицию, и когда фиктивно ослепленному князю Мстиславу Ростиславичу удалось убежать из владимирского плена, то оказывают ему особенное гостеприимство. Все это не могло не обострить отношений между Владимиром и Новгородом.

При Всеволоде Юрьевиче происходит длительная борьба за влияние в Новгороде. Воспользовавшись как предлогом вокняжением Ростиславичей на новгородском столе, Всеволод устраивает в 1178 г. вооруженный набег на Торжок и Волок-Ламский.

Дружинники князя Всеволода разграбили Торжок и сожгли Волок-Ламский, не реализовав все же главную цель набега — водворение суздальских порядков в Новгороде.

Через четыре года (в 1182 г.) устраивается новый поход в новгородские пределы. На этот раз, как и всегда, больше всего пострадал Торжок — главный пункт торговли новгородских и низовых купцов. Поход 1182 г. закончился не только сполонением жителей Торжка, но и утверждением на новгородском княжеском столе ставленника Всеволода, Ярослава Владимировича. Подобное вокняжение Ярослава Владимировича рассматривалось новгородскими боярами как нарушение вечевых традиций об избрании князей (с 1096 г.). Значительная часть новгородского боярства сразу выразила недовольство княжеской политикой Ярослава. Как отметил летописец, Ярослав Владимирович «много пакости творяху волости Новгородьскей», и за это он был временно отстранен от княжеских дел, уступив место князю Мстиславу из Смоленска.

Но в 1187 г. Ярослав вновь водворяется в Новгороде, все более и более возбуждая против себя бояр, даже тех, которые придерживались суздальской ориентации (например боярство из партии посадника Мирошки). Мирошка обращался к Владимирскому князю Всеволоду с просьбой о необходимости замены Ярослава другим князем и, не получив утвердительного ответа, добивается изгнания неугодного князя Ярослава, «показав ему путь из Новгорода».

Такое самоуправство новгородских бояр вызвало резкую реакцию во Владимирском княжестве; новгородские купцы, находящиеся в Суздальской земле, были схвачены и держались как заложники. Кроме того, были захвачены и новгородские люди, собирающие дань в Двинской волости. Новгородским боярам ничего не оставалось делать, как вновь мириться с пребыванием Ярослава на новгородском княжении.

Лишь в 1199 г., по инициативе Всеволода, на новгородский княжеский стол водворяется его сын Святослав, который княжит с перерывом до 1210 г. В эти годы зависимость Новгорода от суздальского князя еще более возросла. Всеволод не только не считался с вечевыми традициями об избрании князей, но и по своему усмотрению распоряжался вооруженными силами Новгорода. Так, в 1206 г. новгородская рать участвовала в походе суздальцев против Ольговичей.

Все это вместе взятое усиливало антисуздальскую партию, которая воспользовалась недовольством «молодших» людей Новгорода, испытывающих на себе еще более тяжелый феодальный гнет местной администрации, возглавляемой посадником Дмитром Мирошкиничем. А так как посадник Дмитр придерживался суздальской ориентации, то растущее недовольство «молодших» людей было направлено и против великокняжеской власти. Но поскольку посадник имел большее влияние на жизнь Новгорода нежели князь, в руках посадника находилось административное управление, от которого страдали горожане, то недовольство масс было направлено прежде всего против Дмитра.

По рассказу летописца Дмитр — «повелеша на Новгородцих сребро имати, а по волости куны брати, по купцем виру дикую и повозы возити и все зло».

Таким образом новгородцы, как горожане, так и смерды, были обязаны разного рода феодальными повинностями («повозы возити и все зло»), денежной рентой («сребро имати, а по волости куны брати») и штрафами («виру дикую»).

Усиленный налоговый гнет на фоне растущих феодальных отношений и вызвал новгородское восстание 1209 г. Дмитр был отстранен от должности, его имущество конфисковано, принадлежащие ему села проданы, и все дмитровы ценности были разделены между участниками восстания.

Разгром Дмитра был ударом по суздальской партии. Это и подтвердилось в 1210 г., когда Святослав Всеволодович был свергнут новгородцами, а на его место приглашен торопецкий князь Мстислав Мстиславич Удалой. Это был заключительный момент в целой серии попыток владимирского князя Всеволода превратить Новгород в свою вотчину.

Князь Всеволод не решался воевать и вступил в переговоры с новгородцами. Последние оказались победителями. Признание Мстислава Удалого новгородским князем означало отказ Всеволода от монопольного преобладания в Волхово-Ильменском бассейне.

Отношения между Владимиром и Новгородом крайне противоречивы. С одной стороны, устанавливающиеся вечевые поряд-

ки в Новгороде шли в разрез с сильной княжеской властью во Владимире, а, с другой стороны, активная внешняя и колониальная политика новгородского боярства могла встретить поддержку лишь со стороны сильных владимирских князей.

XII век и начало XIII-го — боевое время в жизни Великого Новгорода; крепнет западная ориентировка новгородской торговли, а, с другой стороны, разрастается новгородское наступление на западных и восточных финнов, ради ясака и господства в промысловых волостях, завязывается и упорная борьба со шведами, литвой и немцами за прибалтийские торговые пути и господство над теми же финнами.

Торговый город не может обойтись без испытанной боевой княжеской силы, которая не только организует его наступление и самозащиту, но и поддерживает их своими войсками. Суздальские князья сильнее других, и ближе их интересы к новгородским задачам: в них Новгород находит больше действительной поддержки в борьбе и с финнами и с западными врагами."

★

В отношении к Киеву Всеволод Юрьевич придерживался той же политики, которую осуществлял его брат Андрей Боголюбский. Киев окончательно и бесповоротно перестал быть центром русской земли. Это понятие глубоко укоренилось в бытность Всеволода Юрьевича. Но из этого не следовало, что Киев уже не представлял никакого интереса. Киев оставался крупным славянским центром окраины Руси, способным сыграть определенную роль в борьбе старших Мономаховичей против Всеволода. Вот почему князь Всеволод не только внимательно следит за всеми событиями славянского юга, но и активно вмешивается в эти события, если они ведут к усилению его политических противников — старших Мономаховичей.

КУЛЬТУРА ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОЙ РУСИ

Культурное развитие Междуречья далеко продвинулось вперед при Всеволоде III «Большое Гнездо».

Князь Всеволод всячески поощрял летописание, так как видел в этом средство укрепления великокняжеской власти во Владимире. В 1185 г. владимирские летописцы работают над местными записями, объединяя их в единый летописный свод. Через семь лет первая редакция летописного свода подвергается переработке с целью возвеличить г. Владимир и его князей. В этом летописном своде князь Всеволод впервые именуется «великим».

Крупным архитектурным памятником времени Всеволода III является Дмитровский собор. Строительство Дмитровского собора происходило с 1193 по 1197 г. В это время русское зодчество находилось под сильным влиянием романской архитектуры. Византийский стиль в сочетании с романским зодчеством придали Дмитровскому собору особенно величественный вид. Внешние стороны стен собора украшались изображениями святых, мифологических зверей, деревьев, цветов и т. д. Стены внутри собора были расписаны талантливыми мастерами, создавшими замечательные фрески, принадлежащие к лучшим образцам византийской живописи эпохи Комненов.

Дмитровский собор является выдающимся архитектурным памятником Владимиро-Суздальского княжества и занимает в истории русского зодчества XII в. одно из первых мест.[31]

К началу XIII века строительство и украшение церквей достигло такого уровня и совершенства, что позволяет говорить о своеобразном суздальском искусстве. Среди белокаменных церковных сооружений имеются несомненно высокохудожественные сооружения, такие, как Успенский собор во Владимире, церкви в Ростове, Суздале и Ярославле.

Церковь в Переславле-Залесском. (XII век.)

«Русское искусство, — писал Н. П. Кондаков, — есть оригинальный художественный тип, крупное историческое явление, сложившееся работою великорусского племени при содействии целого ряда инородностей».[32]

Своеобразный художественный стиль ростово-суздальского зодчества явился результатом творческого освоения лучших образцов византийского и восточного искусства. Памятники русского зодчества в Центральном междуречье опровергают нелепые рассуждения некоторых историков о том, что Ростово-Суздальский край стоял в стороне от цивилизации и культуры.

Великий волжский путь, установившийся еще в VIII в., явился тем каналом, по которому, наряду с западными и восточными товарами, шли образцы мирового зодчества и литературного творчества.

Общественные и культурные нововведения князя Всеволода «Большое Гнездо», а также и его предшественника Андрея Боголюбского, имели огромное прогрессивное значение. Эти княжеские мероприятия являлись своеобразной попыткой преодолеть относительную отсталость Руси в сравнении ее с более развитыми для того времени народами Западной Европы.

Всеволод III продолжал традицию выдающихся киевских князей, и прежде всего Владимира I Святославича и Ярослава Мудрого, которые много сделали для перенесения византийской культуры к восточным славянам.

Эпоха упадка Киевской Руси и роста политического могущества владимирских великих князей ярко отражена в блестящем литературном произведении XII столетия — «Слово о полку Игореве».

Это произведение неизвестного автора связано с конкретными историческими событиями — походом новгород-северского князя Игоря Святославича на половцев в 1185 г. Автор «Слова о полку Игореве», представитель княжеской дружины, дает правильную картину междукняжеских отношений в конце XII в.

Усобицы — раздоры между князьями росли, что ослабляло их сопротивление «поганым половцам».

Походы князей на поганых позатихли,
ибо сказал брат брату:
«Вот — мое, и вот — мое же».
И начали князи про малое
«Вот — великое» молвить
и сами на себя крамолу ковать;
а поганые со всех сторон приходили
с победами на землю Русскую.

Сеялась и росла княжеская усобица «на погание сами, с побежьми зарыскавши в Русскую землю, взимали дань по белке со двора». Тяжелые времена наступили в то время на Руси: «тоска разлилася по Русской земле; печаль разливом идет среди земли Русской».

Половецкие набеги опустошили землю русскую, отчего «век человечий скоротился».

Тогда по русской земле
редко пахари кричали,
но часто вороны вещали,

трупье себе поделяя,
да галки свою речь лопотали,
готовясь лететь на убоину.[34]

Певец «Слова о полку Игореве» призывает князей и дружинников к политическому единению, к совместной братской борьбе против половцев.

Разрозненная борьба против степных завоевателей — то киевского князя Олега Гориславича, то северского князя Игоря Святославича, — не привела к разгрому врага, не гарантировала границы русской земли от новых набегов половцев.

Поход 1185 г. закончился поражением новгород-северской рати и пленением самого князя Игоря.

Автор «Слова о полку Игореве» обращается к владимирскому великому князю Всеволоду Юрьевичу с призывом на борьбу против половцев. Он дает гиперболическое изображение могущества Всеволода «Большое Гнездо», который может веслами разбрызгать Волгу и шлемами вычерпать Дон. Вот текст лирического обращения:

Великий князь Всеволод!
И мыслью тебе не прилететь издалеча
отчего злата стола постеречь.
Ты ведь можешь
Волгу веслами раскропить,
а Дон шеломами вылить.
Если бы ты был (здесь),
то была б рабыня по ногате,
а холоп по резани.
Ты ведь можешь
по суху (огонь) живыми стрелами метать —
удалыми сынами Глебовыми![35]

Великое литературное произведение русского народа — поэма «Слово о полку Игореве» заинтересовало Маркса как могучий призыв к национальному единению. 29 февраля 1856 года Маркс писал своему другу и соратнику Энгельсу: «Я заказал «Слово о полку Игореве»...[36]

Маркс высоко оценил Слово о полку Игореве — гордую поэму о национальном самосознании. Никто до Маркса не рассматривал этого величайшего памятника русской литературы в связи с дальнейшими событиями русской истории.

В письме к Энгельсу Маркс писал по поводу «Слова»:

«Смысл поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием монголов».

Феодальная раздробленность страны накануне нашествия

монголов, постоянные раздоры князей делали ее игрушкой в руках завоевателей.

Маркса восхищал страстный, пронизывающий всю поэму призыв постоять за родину, соединиться в борьбе за национальную независимость. Это — главное в поэме.

«Вся песнь носит христиански-героический характер, — писал Маркс, — хотя языческие элементы выступают еще весьма заметно».[37]

★

Политические и культурные связи Владимирского великого княжества на рубеже XIII в. простираются далеко во всех направлениях. Один из сыновей Андрея Боголюбского княжич Георгий, или Юрий, был женат на грузинской царице Тамаре.

Время царствования Тамары (1184—1213) было временем наивысшего политического могущества Грузии. Царица Тамара, стремясь создать централизованное государственное управление, вела борьбу против реакционного родовитого дворянства. В этой борьбе принимал участие и князь Юрий Андреевич.

Эпоха политического могущества Грузии дала плеяду талантливых писателей, ученых и философов.

Это было время расцвета поэтического таланта Шота Руставели — гордости мировой литературы. Молодой Шота, проявив блестящие способности в Икалтойской академии (в Кахетии), обратил внимание царицы Тамары и был отправлен в Грецию для получения философского образования. После шестилетней отлучки Шота Руставели вернулся в родную Грузию и стал объектом интриги со стороны царицы Тамары.

Выйдя замуж за княжича Юрия Андреевича, царица Тамара отвергла любовь Автандила, старшего брата Шота Руставели. Горе и тоска гонят Автандила в чужие земли, где он и погибает.

Трагедия Автандила и послужила мотивом к знаменитой поэме Шота «Витязь в тигровой шкуре» или «Вепхвис Ткаосани». В основу лирического романа Шота положил народное творчество. Поэма Шота Руставели «Вепхвис Ткаосани» неразрывно связана с народной поэзией, эпосом и музыкой. Высокое мастерство стиха, несравненная простота повествования, пересыпанного афоризмами, высокохудожественное описание переживаний героев — таковы отличительные черты творчества Руставели, являющегося гордостью мировой литературы.

Грузинский народ по настоящее время сохранил в своих недрах немало сказаний и легенд, песен и стихов, сказок, поговорок, пословиц и загадок, которые находят свое отображение в величайшем произведении «Вепхвис Ткаосани».

Об этом говорит сам автор в предисловии к своей поэме:

Узор прекрасный древней сказки, ее
грузинский пересказ,
Как перл единственный — прекрасный,
горящий на руке алмаз,
Я отыскал. Строкой напевной он под
моим пером поет.
К труду, к любви, к стихам певучим
меня любимая зовет.

Торжественное чтение автором своей поэмы во дворце Тамары привело всех в восхищение. У царицы Тамары проявляется влечение к талантливому поэту. Через некоторое время она удаляет из пределов Грузии своего мужа Юрия Андреевича, и предлагает Шота жениться на ней. Шота отвергает любовные притязания царицы Тамары, после чего был вынужден уехать в Грецию.

Шота Руставели и неизвестный автор Слова о полку Игореве почти одновременно отразили культуру грузинского и русского народа. «Слово о полку Игореве» вошло в века, в историю великого русского народа потому, что оно было словом о самом русском народе, о его «высоких патристических чувствах и большой культуре передовых русских людей того далекого времени».

То же самое и «Витязь в тигровой шкуре», являясь бессмертным творением древней грузинской литературы, выразил патриотизм и большую культуру грузинского народа.

Эти два явления народной поэзии надо иметь в виду, когда мы говорим о культуре северо-восточной Руси.

ПРИЗНАКИ УПАДКА ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОГО КНЯЖЕСТВА

Всеволод III распространил свое влияние и власть на огромную территорию Восточной Европы. Самые окраинные княжества не смели не подчиняться Владимиро-Суздальскому княжеству.

В 1195 г. смоленский князь Рюрик и его братья признали верховенство Всеволода III. Как агент владимиро-суздальского князя, Рюрик предъявил ультиматум Черниговскому князю Ярославу: «целуй нам крест со всею своею братией, что не искать вам Киева и Смоленска под нами, ни под нашими детьми, ни под всем нашим Владимировым племенем».

Черниговский князь Ярослав признал верховенство владимиро-суздальского князя Всеволода III.

Ярослав передавал Всеволоду: «у нас был уговор не искать

Киева под тобою и под сватом твоим Рюриком; мы и стоим на этом уговоре; но если ты велишь нам отказаться от Киева навсегда, то ведь мы не угры и не ляхи, а единого деда внуки: пока вы оба живы с Рюриком, мы не ищем Киева, а после вас — кому бог даст».

Из этих «дипломатических переговоров сюзерена и вассалов, великого князя и невеликих князей, видно, что дальние родственники Всеволода III признавали верховенство владимиро-суздальского князя до поры до времени, не отказываясь от дальнейшей борьбы за Киевскую землю. Не для данного момента Владимирское великое княжество являлось могущественным и феодальным полугосударством, расположившемся на огромной территории.

В период наивысшего расцвета территория Владимирского великого княжества выходила из рамок междуречья Оки и Волги. Границы великого княжества проходили так: на северо-западе пограничная полоса захватывала Тверь и далее направлялась через Кснятино, Угличе-поле по р. Сити в бассейн реки Шексны к Белоозеру. Затем граница идет к югу, около Вологды, захватывая огромную территорию Галича Мерского, переходит на Волгу до Нижнего Новгорода (теперь Горького) включительно. Далее, на юге граница великого княжества Владимирского идет по р. Оке и проходит около Коломны и Можайска, поднимаясь к Волоку-Ламскому.

Влияние владимиро-суздальского князя особенно расширилось в районе Волги. Четыре похода против мордовских племен и два похода на Великие Булгары закрепили занятые позиции владимиро-суздальского князя в этом районе.

★

Всеволод III, добившись максимального усиления великокняжеской власти, тем не менее не явился создателем единого крепкого государства с центром во Владимире. Это зависело не от его личных качеств, а от тех условий феодальной раздробленности, которые оставались существовать и в XIII веке. Мелкие феодальные владетели всячески препятствовали централизации управления, и о их капризы разбивались прогрессивные мероприятия Всеволода III.

При Всеволоде Юрьевиче не прекращалась борьба за власть внутри феодальной знати и приняла форму соперничества старого града Ростова с выскочкой Владимиром. Во главе оппозиции ростовских бояр, головитой феодальной знати, встает старший сын Всеволода, Константин. Он настойчиво добивается

перед своим отцом, князем Всеволодом, того, чтобы сделать Ростов главным городом Междуречья.

Князь Всеволод пытается ликвидировать создавшееся противоречие внутри боярства, для чего в 1211 г. созывает съезд феодальной знати. Об этом съезде летописец сообщает:

«Князь велики Всеволод Юрьевич созва вся бояре свои и начя смышляти о сыне своем Констянтине, и много о сем словес быша, и не може како уставити о нем; также посла по отца своего Ивана епископа и много советовавше о сем, но убо князь велики Всеволод восхоте дати Володимерь другому сыну своему князю Юрью. И тако посла по сына своего по князя Юрья и даде ему град Владимер со всеми бояры и со всеми людьми и всех укрепи к нему крестным целованием и даде ему и вся дети своя, а его братью».[40]

Таким образом дружинная дума, вместе с представителями духовенства, собранная по инициативе Всеволода для обсуждения данного вопроса, лишает Константина прав на занятие великокняжеского стола во Владимире, с передачей его второму сыну великого князя Юрию Всеволодовичу.

После смерти Всеволода в 1212 г. Константин стремится вернуть себе владимирский великокняжеский стол, для чего соединяется с новгородцами, желавшими обособиться от влияния Юрия и его наместников.

Новгородцы приглашают князя Мстислава Удалого из Торопца и соединенными силами выступают против владимирского князя Юрия.

Войско князя Константина состояло из старобоярской аристократии. В рать князя Юрия входило множество поселян. Перед битвой князь Юрий дал указание не оставлять в живых вождей неприятельской рати — старых бояр: «аще и златом шито будет сплечье, то убий его... да не оставим ни единова жива».

На реке Липица, около Юрьев-Польского, Юрий потерпел поражение и убежал с поля сражения. После Липицкого сражения Великий Новгород выходит из-под влияния Владимира. В результате этих военных неудач князь Юрий уступает великокняжеский стол Константину.

Период борьбы Константина с Юрием характеризуется поляризацией боярских сил, расколом княжеского рода и отъездом бояр. Летопись сообщает, что «многие людие сюду и сюду отъезжаху», т. е. переходили на вассальную службу от одних князей к другим.

Пятилетняя борьба Всеволодовичей закончилась в 1217 г. весьма любопытным компромиссом. Летописец так истолковывает это соглашение между Всеволодовичами: «седе Констянтин

в Володимере на столе, Юрий Суждали. и бысть радость велика в земли Суждальстей, а дьявол един плакашеся своея погыбели».[41]

Таким образом великокняжеский центр остался за старшим Всеволодовичем.

Параллельно борьбе Константина с Юрием происходят столкновения между Ярославом и Владимиром. «Володимир Всеволодовичь, не хотя княжити в Гюрьгеве (Юрьеве) и бежа в Волок (Волоколамск), а с Волока на Москву, и седе ту в брата своего городе».

Князь Владимир нашел поддержку среди москвичей и предпринимает поход против Ярослава. С Москвичи и с дружиною своею» он осаждает город Дмитров, входящий во владения князя Ярослава. Против узурпатора выступили соединенные силы Юрия и Ярослава. Москва была осаждена, Владимир был вынужден бежать на юг, в Переяславль Русский.

★

После смерти Константина в 1219 г. великим князем стал **Юрий II Всеволодович.**

В княжение Юрия Всеволодовича продолжалось завоевание мордовской земли. В 1221 г. князь Юрий заложил град на устье реки Оки и назвал его Новгородом.

Новгород на Волге и Оке имел, прежде всего, большое военно-стратегическое значение в связи с дальнейшим продвижением княжеских колонизаторов вниз по Волге. Это был город-крепость в завоеванной мордовской земле. На 20—30-е годы XIII в. приходится несколько походов против мордвы, завершавшихся не **всегда одинаковыми результатами.**

В 1226 г. владимиро-суздальские войска, возглавляемые братьями великого князя Святославом и Иваном, разбивают мордовские ополчения и захватывают несколько сел.

Покорив мордву и основав крепостной город на Оке, великий князь Юрий Всеволодович решил Церковь поставить в нем соборную архистратига Михаила древянную. Это летописное сообщение показывает, что одновременно происходило и военное и религиозное порабощение мордовских племен.

Последующие годы, после основания Нижнего-Новгорода, наполнены, с одной стороны, попытками мордвы восстановить status-quo, то есть изгнать княжеских колонизаторов, а с другой стороны, мероприятиями княжеской власти по превращению вновь основанного города в форпост дальнейшей колонизации. В 1227 году князь Юрий заложил каменную церковь в Ниж-

нем-Новгороде — базу насильственной христианизации мордвы. Одновременно с этим происходила земельная экспроприация мордовцев, выселение их из родных мест. Летописец констатирует, что князь Юрий Всеволодович — «повеле руским селитеся по Оке, и по Волге, и по Кудме (приток Волги) и на мордовских селищах, где кто ни похочет...»

„...и пришедше воеваша землю мордовскую... а самых избиша... а коих живых приведоша в Новгород, тех казниша смертною казнию и травиша их псы на леду, на Волге". (Из летописи.)

Вскоре устраивается новая военная экспедиция во главе с Васильком Константиновичем Ростовским и воеводой Еремеем Глебовичем, но безрезультатно: «зане погодья им не бысть быхуть, бо дождове вемии мнози день и нощь».

Частые набеги владимиро-суздальской рати способствовали политической консолидации мордовских племен для отражения

княжеских завоевателей. Создается сильная федерация мордовских племен во главе с Пургасом. Пургас решительно отстаивал независимость мордовских племен. Юрий Всеволодович организовывал мощные коалиции против Пургаса. В 1228 г. снаряжается большой поход, в котором, кроме родственников великого князя, участвует муромский князь Юрий Давыдович. Захватчики вторглись в Пургасову область и стали бесчинствовать: жечь селения, уничтожать посевы, бить скот. Много мордовцев было захвачено в плен. Но остальные бежали в непроходимые леса и оттуда продолжали борьбу против преследователей. Дружины князя Ярослава и его племянников — Василька и Всеволода в погоне за мордовцами попали в ловушку и были побиты.

Последний крупный поход на мордву, перед татарским нашествием, был в 1232 г. На этот раз Юрий Всеволодович вступает в союз с рязанским и муромским князьями. Прокатилась новая волна насилий и грабежа по мордовской земле.

Нашествие монгольских завоевателей приостановило дальнейшее завоевание мордовской земли.

Децентрализаторские тенденции имели место даже в пору наивысшего политического могущества великого Владимирского княжества. После смерти Всеволода Юрьевича эти тенденции усилились, о чем упоминает летописец. В Лаврентьевской летописи отмечается такой факт, имевший место в 1229 г.:

Ярослав усумнеся брата своего Юргя, слушая некыих льсти, и отлучи от Юргя Константиновичи три, Василька, Всеволода, Володимера, и мысляшеть противитися Юргю, брату своему, но Бог не попусти лиху быти, благоразумный князь Юрги призва их на снем в Суздаль, и исправивше все нелюбье межю собою, и поклонишася Юргю вси, имуще его отцем себе и господином».[43]

Прежнее соперничество между Константином и Юрием Ярослав Всеволодович пытался перенести в новое поколение, поднимая молодых Константиновичей — Василька, Всеволода и Владимира против их дяди Юрия Всеволодовича. Но блок Ярослава с Константиновичами оказался недостаточно сильным, приведшим к капитуляции племянников перед дядей, признавших его старейшинство.

В разгаре этой княжеской междоусобицы и наблюдавшегося среди русских княжеств полного разобщения сил в нашей стране, появилось монгольское войско, являвшееся по тому времени образцом сплоченности, единства воли и действий.[44]

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ГОСПОДСТВО МОНГОЛЬСКИХ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ И ДРОБЛЕНИЕ ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОГО КНЯЖЕСТВА

НАШЕСТВИЕ МОНГОЛЬСКИХ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ

Монгольские завоеватели пришли в Восточную Европу из Азии. До момента захватнических походов они жили в основном на территории теперешней Монгольской народной республики. В начале XIII века монгольские феодалы-скотоводы образуют мощную империю во главе с Чингис-ханом (Темучином).

Политическая и военная карьера Темучина началась с разгрома соседнего племени татар и поголовного уничтожения всех мужчин в этом племени. После этого племя Темучина присвоило себе наименование монголов-татар. В момент образования Монгольской империи, на курултае (съезде степных феодалов) в 1206 году, Темучин был объявлен великим ханом, или Чингис-ханом.

Чингис-хан создал отборную гвардию, с которой стал вести успешные завоевательные войны. Прежде всего монгольские завоеватели устремились в Северный Китай. Татарская конница, обладавшая огромной подвижностью и выносливостью, легко побеждала китайские войска. Деревянные крепости татары поджигали особыми глиняными гранатами, наполненными нефтью. Даже каменные укрепления разрушались при помощи специальных камнеметных и стенобитных машин — таранов.

Ничто не могло устоять перед грозными кочевниками-завоевателями. Великий полководец Чингис-хан считал себя владыкой человечества. На его печати имелась надпись: «Бог на небе, а хан — могущество божье на земле».

Завоевав Северный Китай, Чингис-хан в 1217 г. направился в бассейн Аральского моря для порабощения среднеазиатских народов. Ряд лет монгольские завоеватели покоряли Среднюю Азию. Их аппетиты возрастали, — они хотели больше дани и лучших пастбищ для своего скота.

После захвата Средней Азии один из отрядов Чингис-хана, под руководством его сына Тулуя, обходит южные берега Каспийского моря и появляется на Кавказе. Началась упорная борьба с армянами и грузинами. И те и другие храбро отстаивали свою независимость. Но и народы Закавказья были покорены и обложены тяжелой данью.

С Кавказа Тулуй направился в половецкие степи. Когда-то грозные и непобедимые половецкие ханы оказались беспомощными перед новыми степными завоевателями.

Чингис-хан — глава Монгольской империи.

Половцы обратились за помощью к русским князьям, чтобы общими силами разбить неожиданного врага. Русские князья были ошеломлены появлением неведомых противников. В летописи за 1223 г. так описано внезапное появление татар:

«Том же лете, по грехом нашим придоша языци незнаеми, их же добре никто же не весть: кто суть и отколе изидоша, и что язык их, и которого племени суть, и что вера их. А зовут я татары, а инии глаголют таурмены, и друзие печенези: инии же глаголють... яко ж суть из пустыни Етриевские... Бог один весть, кто суть и отколе изидоша; примудрии мужи ведять я добре, кто книгы разумееть; мы же их не вемы, кто суть; но сде вписахом о них памяти ради русских князь и беды, яже бысть от них им; слышахом бо, яко многы страны попленища — ясы, обезы, косоги и половечь безбожных множество избиша...

Южнорусские князья (киевский, черниговский, галицкий и

другие) пошли на соединение с половцами против татар. Встреча с монгольской армией талантливого полководца Субэдэ произошла на берегу р. Калки, впадающей в Азовское море. Несмотря на то что русские бились храбро, но они потерпели поражение, в силу того, что среди них не было единства действий, — каждый князь держался своей дружины и не считался с другими.

После битвы на Калке монголы пытались итти на Волгу, но, получив отпор со стороны камских болгар, отступили в направлении среднеазиатских степей.

«Сих же злых татар таурмен не сведаем, откуду были пришли на нас и где ся дели опять; только Бог весть», — сообщает летопись после ухода монгольских завоевателей.

В 1227 г. Чингис-хан умер, его преемником стал один из сыновей, Угэдэ. Другой сын Чингис-хана Джучи получил в удельное пользование прикаспийские и приуральские земли. Завоеватель Восточной Европы Бату, или Батый, и был сыном хана Джучи.

Подготовка к завоеванию Восточной Европы началась задолго до вторжения татар в пределы Руси. Курултай, или съезд крупных кочевых феодалов Монголии, настойчиво добивался перед великим ханом организации похода для завоевания восточно-европейских народов.

В 1229 г. монголы устраивают разведывательный поход на Волгу, чтобы собрать нужные сведения для предстоящего завоевания Восточной Европы. Все это говорит о том, что поход хана Батыя был давно обдуманным военно-стратегическим мероприятием. В 1235 г. Курултай, собравшись в монгольской столице Каракоруме, принимает окончательное решение о походе в Европу. В следующем году войска Батыя двинулись в поход.

ХАН БАТЫЙ И ЗАВОЕВАНИЕ ИМ ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОЙ РУСИ

Политическая раздробленность Руси, непрерывная княжеская междоусобица облегчали завоевание русских княжеств татарами.

Победу ставленников Чингис-хана Маркс рассматривал в связи с дроблением Киевского государства. Маркс писал: «...неповоротливая, аляповатая и скороспелая империя, скроенная Рюриковичами, распалась, как все подобные империи, на уделы, делилась и подразделялась между потомками завоевателей, разрывалась на части междоусобными войнами и крошилась в куски под ударами внешних завоевателей. Верховная власть великого князя исчезает под напором требований семидесяти родовых князей. Попытка Андрея Суздальского собрать часть этой

империи путем переноса столицы из Киева во Владимир оказывается успешной лишь постольку, поскольку она переносит разложение с юга в центр. Третий преемник Андрея отказывается от последней тени верховенства — от титула великого князя — и чисто номинального почета, все еще оказываемого ему. Уделы

Хан Батый — предводитель татаро-монгольских завоевателей.

на юге и западе становятся поочередно литовскими, польскими, венгерскими, ливонскими, шведскими.

Киев, древняя столица, живет собственной судьбой, превратившись из главного центра великого княжества в простой город. Так исчезает с арены всемирной истории норманская Россия, и немногие слабые остатки, в которых она пережила себя, гибнут при страшном появлении Чингис-хана».[1]

Разгромив Булгарское царство на Каме, зимой 1237 г., монгольская армия направилась в Рязанскую землю, где княжил Юрий Игоревич. Он решил сопротивляться, отказал Батыю в дани — «со всего десятину», и обратился за помощью к другим князьям, в том числе и к владимирскому князю Юрию II. Постоянная вражда владимирцев и рязанцев в прошлом не дала им возможности объединиться в борьбе против татар-захватчиков. Русские княжества были разгромлены в одиночку, начиная с Рязани.

После шестидневной осады 16 — 21 декабря 1237 г., показав-

шей мужество рязанского ополчения, был взят и разрушен Батыем стольный город Рязанского княжества. Более мелкие города — Белгород, Борисов-Глеб и др. буквально стирались с лица земли. Затем татары двинулись в пределы Владимиро-Суздальского княжества, направляясь через Коломну и Москву.

Навстречу татарам Юрий II посылает владимирские полки под командованием своего сына Всеволода. Около Коломны происходит сражение, закончившееся полным разгромом владимирских полков. Татары направляются к Москве, которая перерезала путь с юго-запада к Владимиру и Суздалю, и разоряют ее. Москва во время татарского завоевания была княжеским городом, обнесенным крепкими деревянными стенами, которые были разрушены до основания.

После захвата и разорения Москвы 3 февраля 1238 г. татары подходят к великокняжеской столице — Владимиру. Князь Юрий Всеволодович оставляет Владимир и уходит в северо-западные районы своего княжества на р. Сить для сбора рати. В его отсутствие 7 февраля татары взяли княжескую столицу, которая, казалось, была неприступной крепостью. Семья князя и бояре во главе с епископом пытались спастись от татарской расправы в одной из церквей, но это им не удалось. Церковь, обложенная горящим лесом, стала жертвой огня. Погибли и те, кто находился в церкви, в том числе и семья князя Юрия Всеволодовича.

Во время осады Владимира монгольские завоеватели взяли Суздаль и подвергли его разорению. В Житии Ефросиньи Суздальской даны иллюстрации о разорении Суздаля ханом Батыем. Рисунок, иллюстрирующий пребывание хана Батыя в Суздале, имеет следующую надпись: «Люди граждане избиени быша Батыем, инии же пленены».

Овладев Владимиром, татары пошли к другим городам — прежде всего к Ростову и Переяславлю. Ростовский князь Василько был убит после боя за то, что отказался от ханской службы.

От Переяславля часть завоевателей пошла по следу князя Юрия II на р. Сить, а другие отряды направились на Волок-Ламский, Тверь, Торжок и Новгород.

4 марта 1238 г. на р. Сить (приток Мологи) произошло сражение между русской ратью во главе с Юрием II и главными силами Батыя. Юрий II потерпел поражение и во время сражения был убит.

Двигаясь дальше, монгольские завоеватели оставляли после себя опустошенные земли.

Монголы опустошали Россию, — писал Маркс. — Их

ствовали сообразно их способу производства. Для скотоводства большие необитаемые пространства являются главным условием».[2]

Затем монгольские завоеватели направились в новгородские пределы. Это было время, когда начиналось половодье, — распускались реки и озера. Суровые природные условия сказались трудно преодолимыми для степных кочевников, и Батый отказывается итти на севэр. Татары, не дойдя верст 100 до Новгорода, повернули на юг.

Проходя Черниговскую землю, они пытались захватить го-

род Козельск. Козельцы организовали такую замечательную оборону, что татары простояли около города 7 недель. Только после такой длительной осады и упорного сопротивления Козельск пал. Население подверглось массовому уничтожению. Летописец сообщает, что столько крови было пролито в этом городе, что малолетний козельский князь утонул в крови.

Разгромив Козельск, монгольские завоеватели ушли в половецкие владения. Половецкий хан Котян пытался задержать монгольское нашествие, но был разбит и бежал в Венгрию. После этого завоеватели ушли на Нижнюю Волгу.

На другой год войска Батыя вновь появились на северо-востоке, громили мордовские земли и даже дошли до реки Клязьмы. Но основные силы монгольского войска действовали в это время на юго-западе. — разоряли украинские и белорусские земли. В 1240 г. пал город Киев.

Затем монголы победоносно прошли Волынь, Галицию и Польшу и вступили в пределы Венгрии и Моравии. При Олумоуце в Чехии они встретили сопротивление со стороны королевского войска Вацлава I и дальше не решились итти.

Годы непрерывных войн ослабили боевой дух татарской армии.

Русь восприняла всю тяжесть монголо-татарского нашествия и тем самым оказала жизненную услугу народам Западной Европы, избежавшим насилий и опустошений со стороны кочевников — варваров. В связи с этим следует напомнить важное высказывание А. С. Пушкина.

«России определено было высокое предназначение. Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу порабощенную Русь и возвратились на степи своего востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией... (А не Польшею, как еще недавно утверждали европейские журналы...)».

Чем объясняется быстрый военный успех монгольских завоевателей?

В интересном исследовании об армии Энгельс констатирует, что «подвижная легкая конница Востока (речь идет о монголах — *В. Г.*) побеждала не только пехоту, но и малоподвижную конницу западно-европейских стран, в том числе и кавалерию рыцарей. Если говорить о европейской пехоте того времени, то она не могла итти ни в какое сравнение с монгольской конницей».

Энгельс писал, что «средневековая пехота, комплектовавшаяся из феодальной челяди и частью из крестьянства, состоя-

ла главным образом из копейщиков и большей частью ни на что не годилась».[3]

В другой работе, развивая выставленное положение о пехоте, Энгельс писал: «Азиаты, равно как и европейцы, презрительно относились к пехоте; она состояла из тех, кто не имел средств явиться на коне, — главным образом из рабов или крепостных. У нее не было надлежащей организации; без оборонительных доспехов, имея единственным оружием пику и меч, она могла от случая к случаю противостоять бешеным, но беспорядочным атакам восточных наездников благодаря своему глубокому построению; но ее прямо растаптывали, не встречая с ее стороны сколько-нибудь серьезного сопротивления неуязвимые латники Запада».[4]

Итак, средневековая пехота как в Европе, так и в Азии играла весьма второстепенные роли. Составленная из крепостных рабов, слабо вооруженных, пехота служила только как заслон из людских тел для нападающей кавалерии.

«В течение всего средневекового периода, — писал Энгельс, — кавалерия оставалась главным родом войск во всех армиях; у восточных народов это место всегда занимала легкая иррегулярная конница; у народов Западной Европы тяжело вооруженная регулярная кавалерия, формировавшаяся из рыцарства, являлась в этот период тем родом войск, который решал исход каждого сражения. Это преобладание конницы было обусловлено не столько ее собственными достоинствами, — ибо иррегулярная конница Востока была неспособна к правильному бою, а регулярная кавалерия Запада была невероятно неповоротлива в своих движениях, — сколько плохим качеством пехоты».[5]

Но и европейская кавалерия уступала татарской коннице, несмотря на то что лошади и всадники ее были одеты в броню. Именно благодаря броне, обременявшей европейских воинов и их лошадей, конница татар имела определенное преимущество. Она могла быстро передвигаться, делать внезапные налеты на станы врагов и молниеносно исчезать.

В своей статье о кавалерии Энгельс подробно остановился на действиях монгольской конницы. Он писал: «Вслед за крестовыми походами последовало новое вторжение восточных наездников в Европу, а именно вторжение монголов. Наводнив Россию и области Польши, они в 1241 г. встретились при Вальштате в Силезии с соединенной польско-германской армией. После долгой борьбы азиаты разбили утомленных, закованных в сталь, рыцарей, но победа была куплена столь дорогой ценой, что она сломила силу кочевников. Монголы не двинулись дальше

ше и вскоре, вследствие раздоров в своей среде, перестали быть опасными и были отброшены».[6]

Столь быстрый успех монгольских завоевателей определяется еще некоторыми другими моментами: во-первых — твердой централизованной властью великого хана; во-вторых — физической выносливостью и неприхотливостью, характерной для воинов-кочевников; в-третьих — наличием более совершенной военной техники (стенобитные машины, зажигательные средства и пр.).

«По первому зову хана каждый из них должен поступить в полное распоряжение начальника, имея коня, людей и оружие. Это давало Чингис-хану возможность установить чрезвычайно стройную военную организацию. Все мужское население было разбито на военные единицы по системе феодальных уделов, но сами феодалы в военном отношении полностью подчинялись хану».

И далее: «очень большое значение имело также и то обстоятельство, что кочевники обладали возможностью исключительной (по тому времени) быстроты передвижения. Каждый монгол — и мужчина и женщина — с детского возраста привыкали к седлу, и огромные переходы, которые для любой другой кавалерии были бы просто невозможны, для кочевников не представляли трудности.

Большую роль играла также физическая выносливость и неприхотливость монголов, их закалка, благодаря которой воины могли по нескольку дней, не выходя из строя и не теряя боеспособности, питаться в походе только кровью своих лошадей, деля на шеях последних небольшие ранки».[7]

Нашествие монгольских завоевателей во главе с ханом Батыем носило опустошительный характер; они разрушали русские города, как главнейшие экономические и политические центры, с таким расчетом, чтобы обеспечить длительное господство в покоренной стране. Татары причиняли огромный материальный ущерб и сельской местности.

Владимирский епископ Серапион так выразил последствия татарского нашествия: «села наши лядиною поростоша», т. е. пашенная земля заростала мелколесьем.

Истребляя военные ополчения князей, уничтожая всех сопротивляющихся татарскому нашествию и забирая в полон оставшихся в живых людей, хан Батый и степная монгольская аристократия имели в виду то, что побежденный народ не сможет подняться на борьбу за свое освобождение.

Францисканец Иоанн де Плано-Карпини, побывавший на Руси в 1246 г., отмечает исключительное опустошение и разоре-

ние, причиненное татарами русскому народу. Плано-Карпини писал, что татары «произвели великое избиение в земле Руссии, разрушили города и крепости, и убили людей».

Проезжая через русскую землю, Плано-Карпини находил «бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавшие на поле». Говоря о взятии татарами Киева, весьма большого и многолюдного города, автор заключает: «теперь он сведен почти ни на что; едва существует там двести домов, а людей тех держат они (т. е. татары. *В. Г.*) в самом тяжелом рабстве».

Завоевания Батыя в Восточной и Западной Европе продолжались до 1242 г., после чего монгольские завоеватели основываются на Нижней Волге.

В 1243 г. оформилась Золотая Орда во главе с ханом Батыем. С тех пор на длительный период русские княжества стали данниками Орды.

Новое государственное образование занимало огромную территорию. Западные границы Золотой Орды охватывали Днестр. На востоке владения золотоордынских ханов простирались до низовья р. Сыр-Дарьи. Крым и Кавказ вплоть до Дербента являлись южными владениями татаро-монгольских завоевателей. На севере государство Золотая Орда включало бывшее Булгарское царство на средней Волге и вплотную подходило к исконным русским княжествам. Последние непосредственно не включались в состав Золотой Орды, а считались подданными землями, имеющими свое управление во главе с князьями.

Вначале столицей Золотой Орды был город Сарай-Бату, находящийся недалеко от Астрахани. Затем в XIV в. резиденция ханов была перенесена на реку Ахтубу — один из рукавов Волги, где был выстроен город Сарай-Берке имени брата Батыя Берке. В золотоордынскую столицу Сарай и должны были приезжать русские князья на поклон к хану.

Татарское завоевание привело к экономическому и культурному упадку русских княжеств. В связи с сокращением торговли и торгово-денежных отношений феодальное хозяйство принимает еще более натурально-замкнутый характер, чем оно было до татарского завоевания. Тяжелая дань в пользу золотоордынского хана исключала, особенно на первых порах, возможность экономического подъема страны. Политическая раздробленность, хозяйственная замкнутость стали типичными признаками княжеской и боярской вотчины. Происходит еще большее политическое обособление княжеств и вотчин.

Монгольское нашествие не только способствовало усилению децентрализаторских тенденций, но и на долгий период законсервировало феодальную раздробленность. К этому, в конечном

итоге, сводилась политика золотоордынских ханов, усматривающих в политической раздробленности Руси основное условие татаро-монгольского господства.

Академик Б. Д. Греков подчеркивает, что золотоордынская кочевая знать находилась «на более низком уровне культурного развития, чем жители ряда завоеванных ими стран». Поэтому «завоеватели в значительной степени должны были приспосабливаться к экономическому положению, какое они нашли в завоеванных ими странах».[8]

А. С. Пушкин отметил, что «татары не походили на мавров. Они, завоевав Россию, не подарили ей ни алгебры, ни Аристотеля».

У монголов был по преимуществу кочевой феодализм. Монгольский феодализм был более застойным и примитивным по сравнению с феодализмом оседлых народов. Это неоднократно подчеркивал и академик Б. Я. Владимирцев, которому принадлежит заслуга открытия кочевого феодализма и описания его как истории общественного строя монголов. Он писал: «нельзя забывать то, что монгольский феодализм жил застойным и примитивным скотоводческим хозяйством, хозяйством натуральным, которое, тем не менее, зависело от внешнего рынка, от торговых или военно-грабительских отношений к культурным областям».[9]

Господство кочевой монгольской аристократии было примитивным и жестоким. А поскольку оно было примитивным, то и не могло касаться даже форм русской хозяйственной жизни.

В своей монументальной работе по русской экономике «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин, разбирая взгляды Николая-она (псевдоним Даниельсона Н. Ф., одного из наиболее ярких представителей народничества), отметил в примечании следующее:

«Из бесчисленных сетований и воздыханий г-на Н.-она по поводу происходящей у нас капиталистической ломки одно заслуживает особенного внимания: «... Ни удельные безурядицы, ни татарщина не касались форм нашей хозяйственной жизни» (284 стр. «Очерков»),* только капитализм обнаружил «пренебрежительное отношение к собственному историческому прошлому» (283). Святая истина! Именно потому и прогрессивен капитализм в русском земледелии, что он обнаружил «пренебрежительное отношение» к «исконным», «освященным веками» формам отработков и кабалы, которых действительно не могли

---

* Здесь Ленин ссылается на книгу Николай-она „Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства", СПБ., 1893 г.

сломать никакие политические бури до «удельных безурядиц» и «татарщины» включительно».[10]

Представители антиленинской исторической школы Покровского объявляли татарское иго выдумкой дворянских и буржуазных историков.

Но «монгольское нашествие», «татарское иго», «татарщина» — эти исторические понятия имеются в работах Маркса, Ленина и Сталина.

Маркс, отметив, что татарское иго тяготело над русским народом больше двух столетий, писал, что «это иго не только давило; оно оскорбляло самую душу народа, ставшего его жертвой. Монгольские татары установили режим систематического террора, причем, разорения и массовые убийства стали его постоянными институтами». И далее Маркс писал:

«Так как они, в сравнении с их колоссальными завоеваниями, были немногочисленны, то они вынуждены были окружать себя нимбом ужаса и, путем повторенной резни, уничтожали народы, которые поднимались у них в тылу... И когда они превращали страны в пустыни, они в сущности руководились тем же экономическим принципом, который обезлюдил местности в Шотландии в римскую кампанию — вытеснение людей овцами и превращение плодоносных земель и населенных местностей в пастбища».[11]

Все исторические факты полностью подтверждают вывод Маркса о том, что татарское иго было не только тяжким, но и бесчестящим и иссушало «самую душу народа».[12]

Товарищ Сталин сравнивал с татарским игом господство немецких оккупантов на Украине в 1918 г. Он писал, что «Империалисты Австрии и Германии несут на своих штыках новое, позорное иго, которое ничуть не лучше старого, татарского, — таков смысл нашествия с Запада».[13]

„ЛЕДОВОЕ ПОБОИЩЕ"

Разгромом русских княжеств и установлением татарского ига на Руси пытались воспользоваться немецкие и шведские феодалы для осуществления своих захватнических планов. На протяжении многих десятилетий они бесчинствовали в славянских странах Прибалтики, грабили и уничтожали местное население.

Немецкие рыцари мечом и крестом завоевывали свое господство над прибалтийскими народами. Феодальная конница немецких «рыцарей» — меченосцев и тевтонцев, закованных в железо, жестоко расправлялась с местным мирным населением. Латыши и эсты всячески сопротивлялись нашествию «рыцарей», подни-

мали восстания против завоевателей и стремились найти поддержку в русских княжествах. Грубая сила немецкой военщины водворялась на огромной территории Чудской земли. В 1224 г. пала сильнейшая крепость Прибалтики, древнейший русский город Юрьев.

В тридцатых годах XIII в. агрессия меченосцев развивается в отношении литовцев. Пользуясь враждой ливов и эстов к литовцам, обнаглевшие меченосцы объединяют «стекающуюся со всех сторон крестоносную сволочь» (К. Маркс) для крестового похода в литовские земли. Во главе крестового похода меченосцев встал последний магистр ордена Фолькуин. Но на этот раз крестоносцы просчитались; в 1236 г. «этих псов жестоко отдули» (Маркс), и сами они оказались после поражения под угрозой нападения литовцев, датчан и русских.

Нашествие немецких завоевателей ускорило политическое объединение Литвы. Руководителем объединительной политики выступил князь Миндовг (1230—1263 гг.), которому приходилось преодолевать сильную оппозицию верхушки литовской феодальной знати, сопротивляющейся усилению великокняжеской власти.

Князь Миндовг успешно продолжал борьбу против Тевтонского и Ливонского орденов.

Казалось, наступает конец господству немецких крестоносцев. Но папа не хотел терять свое влияние в Прибалтике и выступает инициатором реформы: в 1237 г. «разбитые меченосцы в Лифляндии объединяются с Тевтонскими рыцарями в Пруссии». Объединение рыцарства на время укрепило их господство в славянских странах Прибалтики.

На середину XIII в. приходится особенно интенсивная немецкая колонизация.

Прибалтийские города оказались целиком во власти немецких феодалов и купцов; последние занимались безудержной спекуляцией, грабляя местное население.

«Рыцари» могли бесчинствовать в завоеванной стране потому, что получали постоянные подкрепления и со стороны хищнического, суеверного дворянства и со стороны папской власти.

Борьба не прекращалась. Литовский князь Миндовг порывает связь с католиками, отрекается от «христианской язвы» и начинает борьбу против «рыцарей». В этой борьбе он имеет поддержку со стороны русских княжеств и куров. Под Дурбеном «войско немецких псов-рыцарей» было разбито и «большая часть этой сволочи была истреблена».[14]

Миндовгу все же не удалось завершить борьбу против немецких «рыцарей». Основанные ими в Прибалтике города-кре-

пости, а также замки, давали возможность сохранять свое господство даже после разгрома. Кроме того, ежегодно прибывали новые пополнения немецких разбойников и колонистов, рыцарство не только не уменьшалось, но постоянно увеличивалось.

Агрессия «рыцарей» в Прибалтику неизбежно приводила их к столкновению с русскими княжествами и прежде всего с Новгородом и Псковом.

В это время в новгородских владениях происходила упорная борьба между «большими» и «молодшими» людьми. «Молодшие люди» из ремесленников и купцов, при поддержке городского плебса, настойчиво отстаивали вечевые порядки против притязаний князей и бояр. Новгородское вече неоднократно изгоняло неугодных князей и бояр, которые искали поддержки у немецких захватчиков. «Рыцари» под предлогом защиты опальных князей и посадников вторгаются в псковско-новгородские земли — **исконные русские рубежи.**

Политическая раздробленность Руси, разделение ее на ряд княжеств, непрерывная междукняжеская борьба, — все это вместе взятое являлось большим препятствием в борьбе против немецких захватчиков. Но несмотря на это, русский народ не только оборонял свои западные границы, но и оказывал помощь прибалтийским народам в их борьбе с крестоносцами. В 1216 г. новгородские полки ходили на Ригу бить немецких поработителей, а в следующем году происходит крупное сражение новгородцев и псковичей с немцами, закончившееся разгромом последних. Псковский летописец отметил этот факт следующими словами: «И с немцы бишася, и убиша две воеводе, а третьего руками яша, а лошадей отняли семьсот, и придоша вси здрави».[15]

Столь понятные военные уроки ничему не научили псов-рыцарей; в новых и новых атаках на русские земли они хотели найти забвение в своих поражениях.

В 1233 г. они захватывают Изборск (около Пскова), древнейший центр славянского племени кривичей. При оккупации Изборска предательскую роль сыграл Ярослав, сын псковского князя, новгородский боярин Борис и другие изменники, оказавшие помощь немецким «рыцарям». В такой обстановке подготовлялся захват Пскова. Воспользовавшись набегами шведов на северо-западные владения господина Великого Новгорода, немецкие «рыцари» захватывают Псков при поддержке псковского посадника Твердилы Ивановича.

Почему представители эксплоататорских классов, вроде посадника Твердилы, встают на путь измены и предательства своей родины?

«Мы всегда говорили, — и революции это подтверждают, — говорил Ленин летом 1918 г., — что, когда дело доходит до основ экономической власти, власти эксплуататоров, до их собственности, дающей в их распоряжение десятки миллионов труда рабочих и крестьян, дающей возможность наживать в их помещичьих интересах; — когда, повторяю, дело доходит до частной собственности капиталистов и помещиков, они забывают все свои фразы о любви к отечеству и независимости». И далее Ленин говорил: «...когда дело касается до классовых прибылей, буржуазия продает родину и вступает в торгашеские сделки против своего народа с какими-угодно чужеземцами. Эту истину история русской революции показала еще и еще раз после того, как больше сотни лет история революции показывала нам, что таков закон классовых интересов, классовой политики буржуазии во все времена и во всех странах».[1]

Эти слова Ленина относятся и к предателям из новгородской феодальной знати.

Новгородский князь Ярослав, тысяцкий Борис, посадник Твердило и многие другие из новгородских бояр вступали с «рыцарями»-захватчиками в торгашеские сделки против своего народа, стремясь восстановить потерянную власть и феодальные поборы.

Однако измены бояр не ослабили волю народа к борьбе против немецких оккупантов. Псковичи собирают свои вооруженные силы и выбивают рыцарей из Изборска. В 1234 г. переяславский князь Ярослав, во главе своей дружины, новгородского и псковского ополчений, изгоняет немецких захватчиков с новгородской земли. Они были биты на своей земле, около Дерпта и Оденпе, и вынуждены подписать мир с уплатой дани Новгороду.

Весьма успешная борьба против немецких рыцарей проходила в то время и на юго-западе. В 1235 г. галицко-волынский князь Даниил разгромил рыцарей во главе с их старейшиной Бруно. От русских не отставали и литовцы, нанося сокрушительные удары «крестоносной сволочи».

*

В начале сороковых годов XIII столетия русская земля оказалась под двойным ударом: с северо-запада наступали шведы, а с запада немецкие «рыцари».

Это были тяжелые годы в жизни русского народа. В 1237—1240 гг. монгольские завоеватели покорили русские земли. Города и села были опустошены, население в большом количестве уничтожено. Ослаблением русского народа пытались воспользоваться шведские и немецкие захватчики.

В 1240 г. меченосцы и тевтонцы врываются в новгородско-псковские владения. Воспользовавшись изменами местных бояр, немецкие рыцари захватывают псковский пригород Изборск, а затем приступают к осаде Пскова. Осада города продолжалась до тех пор, пока псковичи не согласились принять в посадники ставленника рыцарей — изменника Твердилу Ивановича. Кроме того, «рыцари» потребовали: гарантии за «спокойное посадничество» Твердилы от псковичей, дети знатных псковичей должны были уйти в Ливонию в качестве заложников.

О пребывании немецких рыцарей под Псковом Софийская летопись сообщает: «Посад зажгоша весь, и много зла бысть, погореша и церкви... многы же и села пусты сотвориша около Пскова; стояще же под городом неделю, но города не взяша, но много детей у добрых муж поимаша и отведоша в полон, и отъидоша прочь опять».[17]

«Рыцари» захватили всю Псковскую землю, продвинулись к новгородским владениям, где и основали крепость Копорье.

При такой благоприятной ситуации начали наступление на новгородцев шведские феодалы во главе со своим королем Эрихом Эрихсоном. Они стремились захватить торговые пути, связывающие Новгород с Готландом и Ганзейским союзом. Шведские крестоносцы, предводительствуемые Биргером, давно разоряли финские племена и готовились к нападению на новгородские земли.

Летом 1240 г. шведские войска появились в устьях р. Невы. В это время на княжеском столе в Новгороде был Александр Ярославич, сын владимирского великого князя Ярослава. У Александра Ярославича хотя и были острые столкновения с новгородским вечем, но он, несмотря на это, решительно пошел на Биргера во главе небольшой, но крепко спаянной дружины. Ему помогли народные ополчения Новгорода и Ладоги. Сражение между шведскими крестоносцами и новгородцами происходит на р. Неве (при впадении в нее р. Ижоры) 15 июля 1240 г. Несмотря на превосходство сил, шведские «рыцари» были разбиты и в панике бежали. За эту победу Александр Ярославич заслужил достойную славу и прозвание «Невского».

Маркс в своих «Хронологических выписках» под датой «1240» отметил: «Александр (князь новгородский) разбил шведов на Неве, откуда его прозвище «Невский».

В то время, когда внимание новгородцев было сосредоточено на шведских границах, усилилась агрессия немецких «рыцарей». Они захватили западные русские окраины — Водскую пятину и укрепились крепость в Копорье. Местное население было обло-

жено данью в пользу «рыцарей». Особенно сильно страдало от захватчиков сельское население.

Как сообщает летопись, «рыцари» — «поймаша по Луге все кони и скот и нельзя бяше орати по селам и нечем». Завоеватели опустошали славянские земли и раздавали местное население в крепостную зависимость немецким баронам.

От вторжения меченосцев страдало и новгородское купечество. Все торговые пути, идущие на Волхов, были перехвачены «рыцарями»-грабителями; некоторые из них подходили близко к Новгороду, избивая и грабя купцов («гость бьюче»). Богатый и многолюдный Новгород оказался под опасным ударом немецких оккупантов, объединенных сил тевтонского и ливонского орденов.

Заодно со светскими немецкими феодалами действовали и католические попы. Происходило насильственное крещение местного населения. Общность грабительских целей меченосцев и католического духовенства подтверждается содержанием договора между «рыцарями» и эзельским епископом, по которому церковь получала «десятину» со всего населения, которое будет обращено в христианскую веру, а «братья-рыцари» завоевывали земли и эксплоатировали сельское население.

Славяне сопротивлялись иноземцам, но их сопротивление преодолевалось «рыцарями», вооруженными до зубов. Надо было организовать более мощный вооруженный отпор. Новгородцы обращаются к князю Александру Невскому с просьбой возглавить борьбу против меченосцев. В результате Невской битвы со шведскими крестоносцами за Александром Ярославичем укрепилась слава талантливого полководца. После битвы со шведами Александр Невский вместе со своей дружиной покинул Новгород и уехал в Суздальские владения (Переяславль-Залесский). Причиной отъезда были его разногласия с новгородским боярством, которое всячески стремилось сохранить феодальную обособленность Новгорода от Владимиро-Суздальской Руси.

Но когда внешняя опасность стала угрожать городу, новгородцы направили послов в Переяславль просить Александра Невского еще раз выручить их из беды. Немецкие войска находились в 30 верстах от Новгорода — в местечке Тесово. Надо было спешить с организацией обороны русской земли. В 1241 г. новгородская рать под командованием Александра Невского двинулась против меченосцев.

К новгородцам примкнули ладожане, карелы и ижоряне. Среди народа был огромный подъем на борьбу против иноземного вмешательства. В войсках наблюдалось полное доверие к князю Александру Невскому, завоевавшему авторитет в битве

на Неве. Перед Александром Невским встала задача — прежде всего разрушить немецкую крепость Копорье. Эта задача блестяще была разрешена. Александр «извержа град до основания, а самих немец побиша, а ови с собою приведе в Новгород, а иных пожаловал, отпустил».[18]

В течение года Александр Невский очистил от иноземцев Водскую пятину и восстановил княжескую власть в Пскове. Наместники ордена меченосцев, находившиеся в Пскове, были арестованы и в оковах отправлены в Новгород.

После псковской битвы борьба за независимость русской земли против иноземцев вступила в решающую фазу. Враги с севера (шведские феодалы) и запада (немецкие прохвосты) объединяются для совместного удара по русскому войску. Особенно неистовствовали немецкие рыцари, мобилизовавшие все свои силы. Им казалось, что они с такими огромными силами, какие к этому времени собрались, легко расправятся с русскими ратями.

«Пойдем, погубим великого князя Александра и имем его руками», — говорили «рыцари» друг другу.

Талантливый и храбрый полководец Александр Невский не растерялся перед грозными силами врага; он решил разбить немецких грабителей на их территории. «И пойде на землю Немецкую, хотя мьстити кровь христианскую», — говорит летописец.

Княжеская рать остановилась около Чудского озера, куда стягивались новые и новые подкрепления из великого княжества Владимирского. События в Прибалтике привлекали внимание населения Суздальской Руси. Западно-европейские рубежи русской земли должны быть неприкосновенны — такова идея освободительного похода против немецких рыцарей.

Генеральное сражение с меченосцами происходит на льду Чудского озера, около урочища Узмени, у Вороньего Камня 5 апреля 1242 г. Хотя новгородская рать столкнулась с большим войском «рыцарей»-меченосцев, победа оказалась на стороне новгородцев, борющихся за независимость и свободу русской земли, дорогой отчизны.

В битве на Чудском озере немецкие рыцари применили свою традиционную тактику, которую русские воины называли одним словом — «свинья». Суть этой тактики состояла в том, что рыцарская колонна строилась в форме клина, которым она врезалась в середину войск противника. Такое построение имело назначение разделить силы противника, создать замешательство в его рядах и разгромить их по частям.

Русский полководец Александр Невский учел возможность применения «рыцарями» данной тактики и соответствующим образом подготовил свои войска на льду Чудского озера. Он

сконцентрировал свои силы на флангах с таким расчетом, чтобы зажать немецкую «свинью» в мертвой петле. Это был искусный тактический маневр.

Германские «рыцари» настолько были уверены в безупречности своей тактики, что ничего нового не смогли придумать. Немецкая «свинья» врезалась в середину русской рати и без труда проскочила насквозь.

От этого прорыва никакого положительного эффекта не получилось; русские войска не дрогнули и с уверенностью в победу приняли бой. Как и следовало ожидать, немецкая «свинья» оказалась зажата в мешке; рыцари, закованные в железные доспехи, сбились в кучу, что исключало для них свободу маневрирования, столь необходимую для конницы.

Началось знаменитое «Ледовое побоище». Как никогда, храбро сражались русские воины. «И бысть ту сеча зла и велика немцам — записал летописец. — Треск от копей ломления и звук от мечного сечения... и не бе видети льду, покрыло бо есть все кровию».[19]

«Ледовое побоище» было настолько кровопролитным, что лед покраснел от крови воинов. Немецкие рыцари, не ожидавшие такого сопротивления на русской земле, не выдержали решительного натиска храбрых новгородских воинов и обратились в беспорядочное бегство. Но это их не спасло. На протяжении семи верст русские войска преследовали «рыцарей», уничтожая их без остатка.

Меченосцы потерпели тяжелое поражение; одних «рыцарей» было убито больше 500, а прочих воинов «бесчисленное множество»; 50 знатных «рыцарей» и «нарочитых воевод» были захвачены в плен. Они принуждены были итти пешком за конями победителей до Пскова.

«Ледовое побоище» 1242 г. имело крупное политическое и военное значение. Притязания «рыцарей» на славянскую землю были отбиты настолько основательно, что они не тревожили русское население в продолжение многих десятилетий. Водская пятина, Псков и другие русские города были освобождены от интервентов. Ливонский орден вынужден был отказаться от захваченных ими раньше русских земель.

«Ледовое побоище» показало, что даже в условиях татарского ига на Руси народ имел силы для отражения наскоков новых авантюристов — немецких захватчиков-интервентов. Битва на Чудском озере подняла престиж Александра Невского, который в 1252 г. занимает владимирский великокняжеский стол.

В 1257 г. был заключен договор между новгородцами и немцами. «Се аз князь Александр и сын мой Дмитрий с посад-

ником с Михаилом и с тысяцким Ярославом и со всеми новгородцы докончахом мир с послом немецким Шивордом и с любецким послом Тидрихом (главой Ганзейского союза из города Любека) и с готцким послом Оастеном (с острова Готланда) и со всем Латиньским языком (т. е. со всеми народами католической веры). Что ся учинило тяжи межи Новгородцы и межи Немцы и Готы и со всем Латиньским языком, то все отложихом, а мир докончахом на сей правде: новгородцам гостити на готцкий берег без пакости, а немцам и готам гостити в Новгород без пакости и всему Латиньскому языку на старый мир». [20].

Установление нормальных торговых отношений с Западом имело огромное значение для новгородцев, которые выступали посредниками в торговле для всей русской земли.

Договор 1257 г. установил систему взвешивания, меру веса и таможенные пошлины на иностранные товары. Немецкие, готские и прочие латинские купцы платили за все продаваемые и покупаемые товары по две куны (меха куницы) за капь (единица веса — около 417 килограммов).

По этому же договору новгородцы утверждали свое право торговли на острове Готланде, главным городом которого был Визби. «А новгородцам в становище на Готском береге бес пакости старый мир», — записано в договоре.

Кроме того, определялась территориальная граница между владениями русскими и немецко-готскими; остров Коглин в Финском заливе как пограничный пункт входил в состав новгородских владений.

*

Фашистские политики и историки воспевают немецких «рыцарей» и их роль в истории славянских стран Прибалтики.

Вслед за Гитлером, для которого немецкое «рыцарство» является идеальным, вся казенная историография и публицистика «Третьей империи» превозносят до неба якобы цивилизаторскую роль крестоносцев в истории славянства.

Фашистский историк Сандерс писал в «Фелькишер беобахтер»: «в средние века политика германских орденов («меченосцев» в Прибалтике и других) и Ганзы содействовала расцвету этих восточных областей Европы». Фашисты трубят во все трубы о «культуртрегерской миссии» своих средневековых предшественников, феодалов-грабителей, — немецких рыцарей, которых К. Маркс называет прохвостами.

Институт Маркса—Энгельса—Ленина вносит весьма ценный вклад в историческую науку своим переводом четырех тетрадей Маркса, известных под названием «Хронологические выписки».

Эти выписки явились результатом упорной работы Карла Маркса над огромной (восемнадцать томов) «Всемирной историей» немецкого историка Фридриха Кристофа Шлоссера.

Яркие индивидуальные характеристики исторических деятелей различных направлений, даваемые Марксом в данных выписках, разрушают традиционные каноны буржуазной историографии и сильно бьют по представителям отвлеченных социологических схем.

Но прежде всего, актуально-политическое значение «Хронологических выписок» состоит в том, что они направлены против фашистского извращения исторического процесса. Гитлеровцы на все лады повторяют свою гнусную «расовую теорию» об особой культуртрегерской роли немецких захватчиков в Восточной Европе. Выписки Маркса не оставляют камня на камне от всех фашистских «доводов».

Первая тетрадь «Хронологических выписок» Маркса посвящена немецкой колонизации славянских стран в Прибалтике. Маркс не скупится на самые разнообразные эпитеты для характеристики грабительской роли немецких «рыцарей». Они — авантюристы, «жаждущие добычи и приключений», божьи «молодцы», «их лозунг был — христианство или смерть». «Немецкий вонючий монах Христиан из монастыря Оливы, первый епископ в Пруссии... проповедует крестовый поход, то-есть убийство».[21]

«Обнаглевшие меченосцы» — есть псы, прохвосты (die Lumpacii), разбойники и т. д.

Вот какими в действительности выглядят прославленные фашистами носители «прогресса», «культуры» и «государственности»! Что можно было ждать хорошего от подобных носителей «прогресса»?

Как отметил Маркс, меченосцы-рыцари были носителями скотской культуры, насаждая таковую среди порабощенных народов при помощи насилия, грабежа и истребления всех, кто противился этой скотской культуре.

Вот обычная картина неистовства «рыцарей»: «чужеземные завоеватели проникают вглубь страны, вырубают леса, осушают болота, уничтожают свободу и фетишизм коренного населения, основывают замки, города, монастыри, сеньории и епископства немецкого образца. Там, где жителей не истребляют, их обращают в рабство».[22]

Папская власть проповедывала крестовые походы, и «все новые и новые потоки немецких грабителей и колонистов» устремлялись в соседние земли, истребляя и порабощая народы.

В первой тетради К. Маркса, посвященной немецкой колонизации славянских стран в Прибалтике, имеется следующее весьма важное положение:

«Эстляндия, Лифляндия, Курляндия и Пруссия до конца XIII столетия.

От Вислы до устьев Невы: эсты, ливы, или латыши, куры, литовцы и пруссы — за исключением финских эстов — славяне; только в XIII столетии, благодаря соприкосновению с немцами и скандинавами, они заразились язвой христианства (christenseuche), получили крепостное право и их стали истреблять».[23]

Крепостное рабство и истребление всех, кто борется против рабства, — вот что воспевают германские фашисты, носители средневекового варварства и одичания.

Печальное преуспевание крестоносцев в XII—XIII вв. не дает покоя фашистам «Третьей империи».

Гитлеровцы заодно воскрешают бесславные традиции кайзеровских генералов кануна мировой войны 1914 г., когда последние, в целях создания шовинистических настроений среди германских подданных, поднимали на щит древнюю «тевтонскую ярость», священное «бешенство тевтонов» («furor tevtonichs»). Но, как известно, «тевтонская ярость» не помогла кайзеровцам, и им сломали хребет в 1918 г.

Немецкие фашисты, воскрешая печальные времена крестоносцев и кайзеровцев, стремятся обойти такие исторические факты, которые известны всему миру. Исторические уроки для них не идут впрок. Тем хуже для них.

В связи с процессом контрреволюционного троцкистского центра, находившегося на холопской службе у фашистов, «Правда» сообщала:

«Фашизм сочиняет нелепые «теории», которые призваны доказать, что русский народ, а равно и все народы СССР, не имеют права (!) на собственное государство.

«Не государственные дарования славянства, — вещает Гитлер, — дали силу и крепость русскому государству. Всем этим Россия обязана была германским элементам». Это клеветническое утверждение нужно Гитлеру, чтобы объявить русский народ низшей расой, которая нуждается в том, чтобы ее придавил железный сапог фашистского завоевателя.

Не новы эти «государственные» теории захватчиков. И семьсот лет назад немецкие рыцари, являющиеся излюбленным идеалом Гитлера, пытались подчинить себе «дикие» племена славян.

В отрывках из «Хронологических выписок» К. Маркса, опубликованных в 1936 г., «сжато и красочно рассказано о том,

как немецкие «псы-рыцари» (Reitershund) шли походом на славян, грабили их, жгли, резали население и ссорились из-за дележа добычи. Но русский народ выступил против немецких рыцарей. Он «разбивает их на льду Чудского озера, так что прохвосты (die Lumpacii) были окончательно отброшены от русской границы».

Этот замечательный исторический урок следует напомнить германским фашистам. Они должны крепко помнить и более свежие уроки, которые преподали русский и украинский народы немцам-оккупантам в 1918 году на Украине и юге России. Но это ни в какое сравнение не пойдет с тем разгромом, который ждет любого захватчика, посмеющего посягнуть на священную советскую землю».[24]

Антиленинская историческая «школа» Покровского извратила все исторические события, связанные с именем князя Александра Ярославича Невского. Антинаучный, по существу дела ликвидаторский, подход к историческим фактам привел М. Н. Покровского к такому выводу, который исключает прогрессивное значение политики Александра Невского. Во всех его мероприятиях Покровский усматривает лишь тенденцию навязать «суздальские порядки» новгородскому «народоправству». В выдающихся сражениях на Неве, против шведских захватчиков, и на льду Чудского озера, против германских авантюристов, Покровский не хотел видеть героической борьбы за независимость русского народа, который, кстати говоря, существует для Покровского как неопределенное понятие. Отказ от положительной оценки деятельности Александра Невского явился для «учеников» Покровского лазейкой для оправдания всякого иноземного вторжения в пределы нашей страны.

Троцкистско-бухаринские агенты фашизма на историческом фронте, бывшие «ученики» Покровского, Ванаг и Пионтковский рассматривали иноземные нашествия как «прогрессивный» и даже «революционный» фактор в истории нашей страны. Подобные выводы о давно прошедших исторических событиях в России, даваемые Ванагом и Пионтковским, входили в троцкистско-бухаринскую «программу» реставрации капитализма в СССР, на основе его расчленения между немецкими и японскими фашистами. Троцкистско-бухаринские выродки фашизма, злейшие враги советского народа, разоблачены и карательными органами советской власти изъяты из советского общества.

Ставка германо-японских фашистов бита; советский народ не допустит, чтобы фашистское свиное рыло копалось в социалистическом огороде.

К прошлому своей родины, своего народа, мы не относимся

как «Иваны, не помнящие родства». «Ленин и Сталин, говоря о старой России, приводили знаменитые некрасовские слова:

Ты и убогая, ты и обильная,
Ты и могучая, ты и бессильная
— Матушка Русь!

Они видели и недостатки и достоинства, и слабые и сильные стороны...»[25]

Еще в 1914 г. в ответ на бушующий национализм-шовинизм Ленин пишет статью «О национальной гордости великороссов». «Чужда ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости?» — ставит Ленин вопрос и отвечает: «Конечно, нет!..»

«Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация т о ж е создала революционный класс, т о же доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм, а не только великие погромы, ряды виселиц, застенки, великие голодовки и великое раболепство перед попами, царями, помещиками и капиталистами».[26]

Мы гордимся тем, что гнет чужестранцев и насилия русских феодалов «вызывали отпор из нашей среды, из среды великороссов».[27]

Гнет чужестранцев, приносимый немецкими, татаро-монгольскими и польскими завоевателями, вызывал решительный отпор со стороны русского народа.

ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОЕ ИГО НА РУСИ

С образованием нового монгольского государства — Золотой Орды — русские князья были обязаны получать ярлык на княжение у хана.

В 1243 г. князь Ярослав Всеволодович получает от хана Батыя ярлык на великое владимирское княжение.

При иных условиях, в новой обстановке приходилось князю Ярославу руководить внутренней и внешней политикой.

Батыевым погромом стремились воспользоваться западные враги русской земли — литовцы, немцы, шведы. Литовцы бесчинствовали в Смоленской земле. Ярослав Всеволодович идет со своими ратями на защиту русского города Смоленска. Литовские захватчики были отбиты, и на смоленском княжении утверждается Всеволод Мстиславич.

Борьба с литовцами — лишь начало напряженной внешней политики великого Владимирского княжества. Выдающуюся роль в этом сыграл талантливый полководец русского народа Александр Ярославич Невский.

После смерти князя Ярослава Всеволодовича в 1246 г. на великокняжеском столе находились: Святослав Всеволодович (1246—1248), Михаил Ярославич Хоробрит (1248), Андрей Ярославич (1248 — 1252) и Александр Невский (1252 — 1263).

В княжение Александра Невского происходят новые столкновения временно покоренного русского народа с Золотой Ордой.

Закрепившись в Восточной Европе, ханская власть Золотой Орды стремится организовать более планомерную систему сбора дани. С этой целью, впервые на Руси, ханом Берке проводилась перепись тяглового населения. Единицей податного обложения устанавливалась «соха» — равная двум взрослым работникам. Перепись подданного населения получила название — «сошное письмо» или татарское «число», в которое включалось и сельское и городское население.

Таким образом татарская дань отличалась от предшествующих форм подати побежденных в пользу победителей тем, что точно устанавливался увеличенный размер ее; «число» — «по полугривне с сохи, а в сохе 2 мужа работники». (Гривна являлась основной денежной единицей в древней Руси — это был слиток из серебра весом около 200 граммов).

Отношение к татарскому «числу» различных слоев населения было неодинаковое.

Каждый двор, независимо от того, кто был его хозяином — купец или бедный горожанин, получал одинаковую раскладку татарской дани. Поэтому феодалам и купцам был расчет принять татарское «число» и не вступать в пререкания с ханскими баскаками.

Иначе отнеслись к «сошному письму» народные массы. Установление татарского господства привело к двойному гнету над сельским населением и городскими низами. Этот двойной гнет, осуществляемый боярами, князьями, с одной стороны, и завоевателями, с другой, народные массы испытывали постоянно и особенно тогда, когда появлялись карательные отряды татар.

Татарские чиновники — представители золотоордынских ханов — обычно появлялись в подданных областях в сопровождении значительных отрядов войск. Они были не столько финансовыми агентами Сарая (поверяли численность подданного населения, собирали дань), сколько жандармскими чиновниками. Главные функции их сводились к тому, чтобы следить за жителями и особенно за князьями и держать их в постоянной покорности золотоордынским ханам. Поэтому они часто вмешивались в княжеские усобицы, творили суд и расправу и жестоко наказывали жителей за малейшую попытку изменить хану.

Вследствии этого, сообщение о появлении татарских баскаков с целью переписи подданных взволновало народные массы.

Лаврентьевская летопись так отмечает появление татарских «численников» в русских княжествах:

«приехаша численицы, исщетоша всю землю Суждальскую и Рязаньскую и Муромьскую, и ставиша десятники и сотники и тысячники и темники».[23]

Время переписи населения — 1257 г. Маркс определяет как исходный момент позорного татарского ига на Руси. Именно с этого момента ордынские насильники стали регулярно получать дань с населения.

Через Владимирское княжество татарские баскаки проехали в 1257 г. в Новгородские владения. Новгородские бояре, всячески стремившиеся избежать столкновений с татарами, сумели подкупить баскаков и временно спастись от татарского «числа». Через два года, в 1259 г., татарские переписчики вновь появились в Новгородских владениях, и на этот раз новгородцам не удалось откупиться. Дело не обошлось без провокаций. Из Владимиро-Суздальского княжества приехал некий Михаил Пинещинич и говорил новгородцам: «Если вы не вложитесь в число, так вот уж полки на Низовской земле».

Под напором бояр вече решило принять татарское «число»; по некоторым данным, новгородская аристократия даже вела переговоры с ханским посланником о совместном участии в подавлении народного возмущения, если таковое возникнет.

То, чего ожидали, произошло: летопись отмечает, что в 1259 г. был «велик мятеж» в Новгороде против ордынских переписчиков.

«Чернь не хотеша дать «числа», решительно выступала против денежных повинностей татарским завоевателям. Иную позицию заняла в этом вопросе новгородская знать. «Творяху бо бояре себе легко, а меньшим зло», — т. е. бояре перекладывали всю тяжесть татарской дани на меньших людей — мелких торговцев и ремесленников. Это еще более усиливало недовольство. Татарские баскаки — ордынские чиновники сильно перепугались и стали просить охрану у князя Александра Невского. «Дай нам сторожи, ать не избьют нас», — говорили они князю. Но это не спасло их от народного гнева.

В 1262 г. происходят восстания против татарских сборщиков дани в Ростове, Суздале и Ярославле. И здесь ордынский сборщик дани, особенно откупщик, был беспощаден к своим подданным.

«У кого денег нет, у того дитя возьмет; у кого дитяти нет, у того жену возьмет; у кого жены нет, того головою возьмет».

Ополонение и продажа в рабство — вот судьба тех, кто не мог платить ордынской дани. Против ханских даньщиков и поднялись горожане и сельские жители.

Лаврентьевская летопись дает яркую картину бурных вечевых собраний в момент появления татарских откупщиков дани. Горожане яростно протестовали против «лютого томления басурменьского», а крестьяне «не терпяще насилия поганых».

Вечевые сходки приняли решения — изгнать ордынских даньщиков. «Выгнаша из городов: из Ростова, из Суздаля, из Ярославля» даньщиков, горожане не могли не опасаться ордынской мести.

Положение создалось тревожное. Татарское войско могло снова появиться и принести новое разрушение и смерть. Учитывая возможность такого исхода конфликта, великий князь Александр Невский спешит в Орду, чтобы предупредить хана о событиях в Междуречье и не допустить нового татарского нашествия. Поездка была успешной, Александру Невскому удалось уговорить хана Берке не посылать в русские пределы карательные отряды. Возвращаясь из Орды осенью 1263 г., Александр Невский умер в пути, в Городце на Волге.

Инициатива героической борьбы с монгольскими завоевателями принадлежала народным массам. Дворянско-буржуазная историография страшилась подобного вывода, стремясь представить борьбу против степных варваров как дело лишь княжеских рук.[29]

Князья и их дружинники не имели бы успеха, если бы борьба против монгольских покорителей не была кровным делом широких народных масс. Все величие Александра Невского состоит в том, что он был патриотом родины, не щадящим ни сил, ни жизни для защиты своей отчизны. В этом его поддержали народные массы.

Недовольство бесчинствами баскаков часто выливалось в стихийные восстания против них. Так, в 1289 г. горожане Ростова прогнали татарских даньщиков — правительственных чиновников Золотой Орды, приехавших в русскую землю за очередным сбором дани.

Один лишь ростовский князь Димитрий Борисович вел политику «непротивления».

После смерти великого князя Александра Невского тверской князь Ярослав Ярославич (брат Александра Невского) получает от ордынского хана ярлык на великое княжение владимирское и титул великого князя (1264—1271).

В княжение Ярослава Ярославича в г. Владимире произошло то, что сто лет тому назад испытал Киев, т. е. Владимир перестал быть резиденцией великого князя. Ярослав Ярос-

вич не поехал во Владимир, а остался в Твери, которая стала временным политическим центром Волжско-Окского междуречья. Таким образом бывший великокняжеский центр — Владимир превращается во второй половине XIII в. в преходящую вотчину тверского князя.

РОСТ ПОЛИТИЧЕСКОГО СЕПАРАТИЗМА ОТДЕЛЬНЫХ ЗЕМЕЛЬ И КНЯЖЕСТВ

Длительное господство монгольских завоевателей не могло пройти бесследно в истории русского народа. Оно культивировало варварство, экономическую, культурную и государственную отсталость. Ленин и Сталин неоднократно говорили о борьбе против варварства в варварской Руси, об отсталости нашей страны.

Товарищ Сталин отмечал, что «Технико-экономическая отсталость нашей страны не нами выдумана. Эта отсталость есть вековая отсталость, переданная нам в наследство всей историей нашей страны. Она, эта отсталость, чувствовалась как зло и раньше...» [31]

В речи «О задачах хозяйственников» товарищ Сталин говорил:

«История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все за — отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную. Били потому, что это было доходно и сходило безнаказанно. Помните слова дореволюционного поэта: «Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, матушка Русь». Эти слова старого поэта хорошо заучили эти господа. Они били и приговаривали: «ты обильная» — стало быть, можно на твой счет поживиться. Они били и приговаривали: «ты убогая, бессильная» — стало быть, можно бить и грабить тебя безнаказанно. Таков уж закон эксплоататоров — бить отсталых и слабых». [32]

В течение нескольких столетий на русскую землю нападали всякого рода грабители с Запада и Востока, ослаблявшие и тормозившие экономическое и культурное развитие страны. Плодами предшествующих завоеваний воспользовались монгольские феодалы и возвели в большую степень российскую отсталость.

Господство татар в Восточной Европе не внесло принципиальных изменений в общественно-экономические отношения русских княжеств, но задержало их развитие.

Попрежнему господствовал феодальный строй, «когда Россия была раздроблена на множество самостоятельных полугосударств». [33] Монгольские завоеватели еще более усилили феодальную разобщенность Руси.

Политическая раздробленность не была случайным, эпизодическим явлением в историческом существовании народов Восточной Европы; она захватывает длительную эпоху, и ее пережитки обильны еще в средние века, в эпоху московского царства. Владимир Ильич Ленин, в полемике с идеологом либеральных народников Михайловским, объяснявшим появление государства из племени и семьи, писал, что в то время, в средние века, «государство распадалось на отдельные земли, частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в

Двор удельного князя (с картины А. Васнецова).

управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. д.». [34]

Удельный князь номинально признавал верховенство великого владимирского князя, но фактически являлся полным хозяином на своей территории. Ханская политика была чужда идеи политической консолидации русской земли, — наоборот, золото-

ордынские ханы были заинтересованы в политической разобщенности Руси.

Феодальная раздробленность вытекала из самой сущности феодального способа производства на данной стадии развития. Между отдельными полугосударствами-княжествами не существовало общности экономической жизни, экономической связности.

Товарищ Сталин, определяя признаки нации, дает яркую иллюстрацию хозяйственной замкнутости княжеств при феодальном строе:

«Взять хотя бы грузин. Грузины дореформенных времен жили на общей территории и говорили на одном языке, тем не менее они не составляли, строго говоря, одной нации, ибо они, разбитые на целый ряд оторванных друг от друга княжеств, не могли жить общей экономической жизнью, веками вели между собой войны и разоряли друг друга, натравливая друг на друга персов и турок. Эфемерное и случайное объединение княжеств, которое иногда удавалось провести какому-нибудь удачнику-царю, в лучшем случае захватывало лишь поверхностно-административную сферу, быстро разбиваясь о капризы князей и равнодушие крестьян. Да иначе и не могло быть при экономической раздробленности Грузии».[33]

Эта характеристика экономической раздробленности Грузии, данная товарищем Сталиным, относится и к Центральному междуречью времени господства монгольских завоевателей.

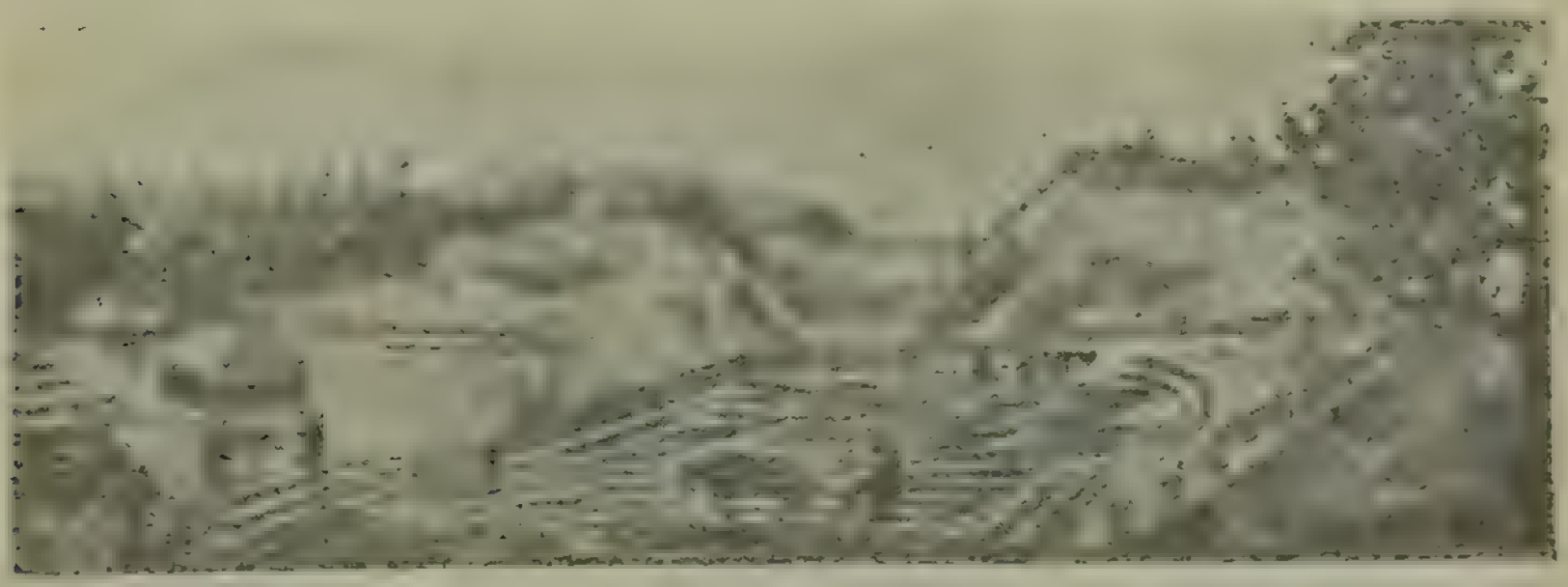
Однако политическое господство татар в Восточной Европе, вопреки намерениям золотоордынских ханов и степной аристократии, вело не к укреплению феодальной раздробленности, а к созданию централизованного Московского государства. Товарищ Сталин говорил на X съезде РКП(б), весной 1921 г.: «интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия».[34]

Если на протяжении XIII—XIV вв. отдельные разрозненные русские княжества сдерживали напор монгольского нашествия, то в следующем столетии, в ходе борьбы с восточными кочевниками-завоевателями, оформляется централизованное Московское государство, которое ликвидирует татарское иго.

*

В середине XIII в. развитие феодальных отношений достигло значительной высоты. Особенно усиливается вотчинное землевладение крупных феодалов. Княжеское пожалование, кабала,

внеэкономическое принуждение по отношению к непосредственным производителям — вот каковы методы концентрации крестьянских земель в боярских и монастырских вотчинах. Общинное владение землей окончательно уступает место княжеско-боярскому и монастырскому землевладению. Освоение захваченных общинных (крестьянских) земель и необходимость в более планомерной эксплоатации зависимых крестьян, — все это заставляло крупных феодалов больше интересоваться своими вотчинными делами.



Боярский двор XIII века. Гос. исторический музей.

Все возрастающий интерес к внутренней жизни вотчины, при крайне слабом развитии экономических, торговых связей, не мог не вести к еще большей феодальной раздробленности северо-восточной Руси в XIII в. Это означало, что каждое княжество и даже вотчина стремились стать независимыми друг от друга, самостоятельными и в хозяйственной и в политической деятельности. Местнические интересы отдельных князей возобладали над центростремительными силами прошлого времени. Татарское иго на Руси усиливало центробежные силы среди феодалов. Великое Владимирское княжество дробилось на более мелкие территориальные единицы — уделы и вотчины со своей самостоятельной хозяйственной и политической жизнью.

Дробление великого Владимирского княжества на уделы и обособление их от великокняжеского центра происходило еще на заре XIII в.

В 1207 г. обособляется Ростовское княжество во главе с Константином Всеволодовичем. Несколько позже из Ростовского княжества отделились уделы — Ярославский, Угличский и Белозерский.

Неопределенное положение долгое время переживало Суздальское княжество; наконец и здесь одержали верх сепаратист-

ские тенденции по отношению к великокняжескому центру — образуется новое Суздальско-Нижегородское княжество.

В разное время XIII столетия обособляются от великого Владимирского княжества следующие уделы: Стародубский на р. Клязьме, Костромской, Московский, Галичский, Юрьев-Польский, Дмитровский, Городецкий, Тверской и др.

Во главе уделов встали города, имеющие вековую давность. Эти города были исторически сложившимися поселениями, которые имели, по сравнению с другими, экономические, географические и прочие преимущества. Остановимся кратко на характеристике удельных центров.

Дмитровский удел — центр город Дмитров — расположен на р. Яхроме в 65 верстах к северу от Москвы. Дмитров впервые упоминается в 1155 г. Став удельным центром, Дмитров расширяется, воздвигается крепостной вал вокруг основных городских владений.

Главный город удельного Галичского княжества — Галич был расположен на одном из самых высоких пунктов нагорного берега большого озера (наибольшая длина его 17 км), в бассейне р. Костромы. Город был опоясан мощными валами, которые спускались по отвесному берегу к озеру, что давало возможность галичанам всегда иметь в своем распоряжении безопасное сообщение с водой.

Центром Городецкого княжества был город Волжский Городец (или Радилов) на левом берегу р. Волги, в 52 верстах выше Н.-Новгорода.

Юрьев-Польский, основанный в 1152 г., также стал центром удельного княжества. Он быстро рос, приобретая большое торговое значение благодаря тому, что находился на большой Стромынской дороге, соединяющей Московское и Суздальское княжества.

Политическое дробление северо-восточной Руси в первой половине XIII в. было связано с упадком владимирской великокняжеской власти.

Отмечая упадок верховной власти великого князя, Маркс писал: «Третий преемник Андрея (Боголюбского. — *В. Г.*) отказывается и от последней тени верховенства — от титула великого князя — и чисто номинального почета, все еще оказываемого ему». [37]

Второе поколение Всеволодовичей не могло распространять свою верховную власть на огромную территорию северо-восточной Руси; этому препятствовало, прежде всего, татарское иго, базирующееся на политической раздробленности русской земли.

«Время великих князей Ярослава Всеволодовича, его сыно-

вей и внуков, — сложный период заката силы великого княжения Владимирского».[38]

Татарское иго на Руси лишь ускоряло разложение такого крупного полугосударства, каким было великое Владимирское княжество.

Положение народных масс значительно ухудшилось в результате установления татарского господства, что, несомненно, подрывало экономическую базу княжеской власти.

Дробление великого Владимирского княжества на новые и новые уделы происходило одновременно с экономическим ростом других городских центров Междуречья.

В середине XIII в. возвышается Тверское княжество. Еще задолго до XIII в. Тверь известна как торговый и ремесленный центр Верхнего поволжья.

Археологические раскопки в тверском кремле, производимые в 1934 г., показали, что до возникновения г. Твери на данном месте существовало сельское поселение, относящееся по времени еще к XI в. Н. П. Милонов при обработке археологических данных пришел к выводу, что «у сельских аборигенов была развита металлургия, и весьма вероятно, что население здесь, на месте, обрабатывало металлургическую руду».[39]

Быстрый рост Твери в середине XIII в. связан, в известной степени, с последствиями татарского нашествия и выгодным географическим положением этого верхневолжского города.

Северо-западный угол Волжско-Окского междуречья находился, по сравнению с юго-восточными территориями, в большей безопасности от частых татарских набегов. Это обстоятельство усиливало приток населения из южных и центральных районов в верховья р. Волги, что способствовало экономическому росту Тверского княжества.

Торговые связи Твери с Великим Новгородом, а через Новгород и с Западной Европой давали возможность Тверскому княжеству занять господствующее положение в Волжско-Окском междурсчье.

Оформление Тверского княжества связано с именем Ярослава Ярославича, брата Александра Невского. В 1264 г., после смерти великого князя Александра Невского, Ярослав Ярославич получает в Орде ярлык на великокняжеский стол во Владимире.

Через некоторое время Ярослав Ярославич добивается Новгородского княжения. Правда, власть князя в Великом Новгороде была ограничена вечем, но все же сочетание великого княжения Владимирского с Новгородской феодальной республикой увеличивало доходы Тверского княжества. Вместе с этим

осуществлялось некоторое территориальное единство северо-восточной Руси.

В конце XIII в., по мнению С. Соловьева, исчезают прежние понятия о праве старшинства среди князей. «Каждый князь, — писал Соловьев, — получив область владимирскую, старается увеличить свою собственность насчет других княжеств. Но когда преобладание понятия о собственности, отдельности владения, заставляло каждого великаго князя заботиться только о самом себе, то все остальные князья не могут уже более доверять родственной связи, должны также заботиться о самих себе, всеми средствами должны стараться приобресть силу, потому что им оставалось на выбор: быть жертвой сильнейшаго, или других сделать жертвами своей силы».[10]

Отдельные князья выслуживались перед ханом и добивались ярлыка на великое княжение. Таким путем приходит к великокняжеской власти Андрей Александрович Городецкий. Его предшественник, великий князь Димитрий Александрович, уклонялся от уплаты дани, что было предметом суждения в Золотой Орде. Этим хотел, видимо, воспользоваться Андрей Александрович, обвиняя великого князя перед ханом в забвении фискальных обязанностей. Отсутствие политического единства между князьями, вражда между ними, — все это было наружу ордынским ханам.

В конце XIII в. городецкому князю Андрею Александровичу (сыну Александра Невского) удалось встать во главе великого Владимирского княжения. Он княжил до 1304 г.

ВЛАДИМИР НА КЛЯЗЬМЕ — ЦЕНТР ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Русская православная церковь играла крупную политическую роль в жизни великого Владимирского княжества. Это объясняется прежде всего тем, что духовенство вербовалось из среды господствующего феодального класса и не порывало своих связей с феодальным хозяйством. Монастыри и церкви были не только религиозными учреждениями, но и мощными экономическими единицами.

Политическая роль митрополита всея Руси как главы русской православной церкви определялась, прежде всего, огромным значением церковно-монастырского феодального землевладения. Последнее не только не уступало светскому феодальному землевладению, но и подчас занимало первенствующее положение в экономике тех или иных частей великого княжества. Вот почему митрополит всея Руси как крупнейший феодал стремился влиять

на великого князя и пропсведывать, что духовная власть превыше светской власти. Как известно из предыдущего, центр великого княжения переносится Андреем Боголюбским с Днепра на Клязьму во второй половине XII в. в результате удачного похода на Киев. Фактически с 1169 г. Владимир становится столицей русской земли — центром верховной светской власти. Но Киев попрежнему оставался резиденцией митрополита — центром духовной власти.

До начала XIV столетия митрополиты жили в Киеве. Чем это объясняется? Почему так долго существовало двоецентрие светской и духовной власти? При решении этих вопросов надо иметь в виду то, что русские митрополиты назначались константинопольскими патриархами; последним гораздо было выгоднее иметь центр русской церкви поблизости от Византии, т. е. в Киеве. В свою очередь киевские митрополиты не желали ехать на далекий север. Самовластие владимиро-суздальских князей было известно в Киеве, а это самовластие не входило в положительный расчет верховной церковной власти во главе с митрополитом. После перенесения великокняжеской резиденции из Киева во Владимир, в 1169 г., в результате похода Андрея Боголюбского, митрополит получил большую независимость, самостоятельность от светской власти. Вот почему до татарского нашествия киевские митрополиты не хотели переезжать во Владимир.

После того как Русь оказалась под игом монгольских завоевателей, продолжали действовать прежние мотивы. Но вместе с этим появился новый фактор — золотоордынский хан как сюзерен всея Руси. Хан ограничивал функции княжеской власти вообще и великокняжеской в особенности. Всевластие монгольских завоевателей, с одной стороны, и невозможность осуществления длительного господства их в огромной стране без внутренней поддержки, с другой, — создавали благоприятные условия для сотрудничества ханов и верхов духовенства. Татарские ханы покровительствовали русскому духовенству и освобождали его от даней.

С момента установления татарского ига до XIV в. митрополиты жили в Киеве. За эти десятилетия, весьма тяжелые для всей русской земли, Центральное междуречье приобрело большее экономическое значение, нежели Приднепровье. В междуречье Оки и Волги устремлялись централизаторские силы, решающие судьбу страны. Поскольку это совпадало с интересами церковно-монастырского землевладения, постольку становилось бессмысленным дальнейшее пребывание митрополита всея Руси в Киеве.

В 1300 г. митрополичья кафедра во главе с митрополитом

Максимом переезжает во Владимир на Клязьме — столицу великого княжения.

Покидая Киев, митрополит Максим взял с собой и «Русскую Правду», переделав ее во владимирское «Правосудие митрополичье».

Крестьяне привезли оброк монастырю.

Надо отметить, что начальный рубеж XIV столетия в истории великого Владимирского княжества падает на период не подъема, а упадка г. Владимира на Клязьме. Первая столица Междуречья уступала свое место другим, более действенным, экономическим и политическим центрам, особенно Твери и Москве. Но несмотря на это перенесение митрополичьей кафедры во Владимир имело большое значение: Владимир стал управлять церковью во всей Руси.

ГЛАВА ПЯТАЯ

БОРЬБА ЗА ВЛАДИМИРСКИЙ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИЙ СТОЛ И ПОДГОТОВКА УСЛОВИЙ К СОЗДАНИЮ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

РОСТ МОСКОВСКОГО КНЯЖЕСТВА

Образование Московского княжества происходит во второй половине XIII в. Если до этого времени Москва управлялась наместниками владимиро-суздальского князя, то в 60-х гг. XIII в. она превращается в центр самостоятельного княжества.

Основоположником княжеской династии в Москве был младший сын Александра Невского Даниил (1261—1303). При вокняжении Даниила Александровича территория Московского княжества занимала среднее течение р. Москвы, от Звенигорода до Бронниц. Но несмотря на ограниченность территории, Москва являлась важным экономическим и военно-стратегическим центром междуречья Оки и верхней Волги.

Верховья р. Москвы с г. Можайском принадлежали смоленским князьям, а устье р. Москвы с г. Коломной входило в состав Рязанского княжества. Таким образом московскому княжеству приходилось расти в соседстве с сильными княжествами.

Воспользовавшись ослаблением Рязанского княжества, Даниил Александрович со своим войском неожиданно нападает в 1301 г. на Рязань, разбивает княжеское ополчение, а самого рязанского князя Константина берет в плен и везет его в Москву. В результате этого набега Даниил Александрович расширяет территорию Московского княжества присоединением г. Коломны (1301 г.).

В 1302 г. был присоединен к Московскому княжеству Переяславль-Залесский с большим уделом к северо-востоку от Москвы. Это произошло при следующих обстоятельствах. В 1302 г. умер переяславский князь Иван Дмитриевич (племянник Даниила Александровича), не оставив после себя прямых наследников. Оставленное завещание закрепляло Переяслав-

ский удел за московским князем Даниилом Александровичем. Но с этим не хотели согласиться и тверской князь Михаил Ярославич и городецкий князь Андрей Александрович. Тяжба между князьями за переяславское наследство разрешилась при помощи оружия в пользу московского князя.

Так обеспечивалось быстрое территориальное расширение Московского княжества на рубеже XIV столетия; за время княжения Даниила Александровича территория Московского княжества увеличилась более чем в два раза.

После смерти князя Даниила Александровича московский престол занял его старший сын Юрий. Кроме Юрия, у Даниила Александровича были еще четыре сына, которые получили также свои уделы. Но все они признавали первенство за московским князем Юрием Даниловичем.

Перед новым московским князем стояли старые задачи: укрепление и расширение территории княжества. Не имея достаточных сил и возможностей для немедленного захвата великого княжения, Юрий Данилович, тем не менее, весьма активно стремится ослабить значение великого владимирского князя. Он продолжал вести отцовскую политику лавирования между «сильными мира сего», вмешивается в княжеские распри и расширяет территорию своего княжества.

Объектом агрессии Московского княжества является прежде всего бассейн р. Москвы. Чтобы закрепить за собой устье этой реки, где находился г. Коломна, Юрий Данилович казнит плененного еще в 1301 г. рязанского князя Константина.

Устранив претендента на Коломну, Юрий Данилович обращает свое внимание на верховья р. Москвы с г. Можайском, принадлежавшие Смоленскому княжеству. В 1304 г. Юрий Данилович со своим войском внезапно нападает на Можайск, которым тогда владел удельный князь Глеб Святославич. Город был захвачен, а князь Глеб Святославич казнен. В результате этого похода к Московскому княжеству был присоединен Можайский удел.

Таким образом к 1305 г. Московское княжество занимало всю территорию бассейна реки Москвы и вошло в первый ряд крупных княжеств Центрального междуречья. После этого началась суровая и длительная борьба между Москвой и Тверью за великое Владимирское княжество, за политическое преобладание в северо-восточной Руси.

В Твери в то время, с 1282 г., княжил Михаил Ярославич, являющийся одновременно и новгородским князем. Михаил Ярославич получил великое княжение в 1304 г., пос-

ле смерти великого князя Андрея Александровича Городецкого. Это княжение он отстаивал от притязаний московского князя вплоть до 1318 г. В эти годы влияние тверских князей распространялось на огромную территорию. Их влияние в Новгороде Великом давало возможность держать в своих руках всю транзитную торговлю Руси с Западом.

Взаимоотношения между Михаилом Ярославичем и новгородским боярством не были блестящими. Аристократия новгородской феодальной республики не желала усиления тверских князей, которые были не прочь покончить с самостоятельностью вечевого строя на Волхове.

Неприязнь к своему сильному соседу — Тверскому княжеству — толкнула новгородское боярство в сторону политических противников Михаила Ярославича и прежде всего в сторону Московского князя. Затеваются интриги новгородского боярства с князем Юрием Даниловичем, направленные против тверского князя Михаила Ярославича. Новгородцы приглашают Юрия Даниловича на свой княжеский стол, помогают ему и войском и деньгами в борьбе против тверского князя.

Юрию Даниловичу несколько раз удавалось изгонять тверских наместников из Новгорода, но все же эти успехи были непрочны. От этой борьбы между Москвой и Тверью труднее всех доставалось Новгороду; он платил контрибуцию во всех случаях: и за измену тверскому князю, и за изгнание наместников московского князя. В первом случае Новгород платил контрибуцию тверскому князю, во втором — московскому.

Чтобы сломить могущество тверского княжества, князь Юрий Данилович решил опереться на золотоордынского хана Узбека. Юрий Данилович неоднократно приезжает в ордынскую столицу Сарай с богатыми подарками для хана, ханши и аристократии. Для того чтобы склонить симпатии хана Узбека на свою сторону, Юрий Данилович женится на сестре хана Кончаке, которая принимает православную веру и становится московскою княжною. В результате этих мероприятий князь Юрий Данилович получает от Узбека вспомогательный отряд татарской конницы, во главе с темником Кавдагыем, для борьбы с Тверью.

Тверской князь Михаил Ярославич, отстаивая за собой великое Владимирское княжество, дает бой соединенным силам Московского княжества и Золотой Орды. Бой закончился разгромом коалиции и пленением Кончаки и Кавдагыя.

Торжество Михаила Ярославича все же было кратковременным. Находящаяся в тверском плену Кончака неожиданно умерла. Это было использовано сторонниками Юрия Даниловича, распространившими слухи о том, что Кончака была отравле-

на Михаилом Ярославичем. Освобожденный из плена Кавдагый вместе с князем Юрием Даниловичем отправляется в ханскую столицу с донесением — жалобой на тверского князя.

Распря князей в ставке хана его посла (иллюстрация Карамзина).

Михаил Ярославич был вызван Узбеком в Золотую Орду, осужден и в 1318 г. казнен. Владимирский великокняжеский стол был передан Юрию Даниловичу. Это был крупный политический успех Московского княжества, усиливающий экономическое могущество княжеской власти. Получение великокняже-

ского стола давало возможность Юрию Даниловичу собирать дань и другие пошлины на большой территории Руси.

К этому времени подданное население Руси было обязано разнообразными повинностями в пользу золотоордынского хана. Из ярлыка — указа хана Менгу Тимура за 1270 г. видно, что покоренное население, за исключением духовенства, должно было платить — тамгу, поплужное, ямское, подводное, воинское и кормовое.

В последующие годы перечень финансовых повинностей увеличивался. В ярлыке хана Узбека от 1313 г. прежние повинности дополняются «мытом, мостовщиной и запросами».[1]

Московский князь, добившись права собирания дани, некоторую часть ее присваивал себе. Это было использовано политическими противниками Юрия Даниловича — сыновьями казненного тверского князя Михаила Ярославича; они стремились всячески дискредитировать Юрия Даниловича перед ханом Узбеком. Один из них, Димитрий Михайлович, приехал в Орду и рассказал Узбеку о финансовых злоупотреблениях московского князя. На этот раз Юрию Даниловичу пришлось приехать в Орду уже по требованию хана.

В Орде между враждующими князьями происходит кровавое столкновение, завершившееся смертью князя Юрия Даниловича (1324 г.). За самоуправство в золотоордынской столице был наказан и тверской князь Димитрий Михайлович: по приказу хана Узбека он был казнен. Ханская власть была заинтересована в княжеских распрях.

Так завершился первый этап борьбы между Москвой и Тверью в первой четверти XIV в. Владимирское великое княжество было все же передано тверскому князю Александру Михайловичу.

СОБИРАТЕЛЬ ЗЕМЛИ РУССКОЙ — КНЯЗЬ ИВАН КАЛИТА (1325—1341)

После смерти Юрия Даниловича московским князем становится его брат Иван Данилович по прозвищу Калита, т. е. мешок с деньгами.

В конце 20-х годов XIV века вновь развернулась ожесточенная борьба за «владимирское наследство». «Владимирское наследство» есть, прежде всего, великокняжеская власть, первенство во всей Великороссии, притязание на распоряжение ее боевыми силами и на руководство ее отношениями к Орде и к соседним странам».[2]

Тверские князья оказались бессильными удержать это наследство в своих руках. Победа Москвы над Тверью произошла при следующих обстоятельствах. В 1327 г. в Твери появились татарские баскаки во главе с ханским посланником Чолканом или Щелканом. Как и всякий визит ханских чиновников в русскую землю, приезд Чолкана сопровождался грабежами, дикими насилиями над местным населением. Чаша терпения переполнилась через край, и в Твери началось народное движение против татарских данщиков. Поводом к этому послужило столкновение дьякона Дюдко с одним татарином из отряда Чолкана. Татарин пытался отнять у Дюдко кобылу, когда он вел ее на водопой к Волге.

Дюдко стал звать на помощь против татарского грабителя, и вскоре собравшаяся толпа тверичан самосудом расправилась с насильником. Но этим дело не ограничилось, — тверичане расправились со всем отрядом во главе с Чолканом.

Как только в Москве стало известно о тверском восстании против татарских данщиков, Иван Калита немедленно выезжает в Орду с жалобой на тверского князя Александра Михайловича, который якобы повинен в расправе над Чолканом.

Хан Узбек снаряжает 10-тысячный карательный отряд для разгрома непокорного Тверского княжества.

В 1328 г. соединенные силы татар и Москвы под руководством Калиты идут на Тверь. Город пал, а князь Александр Михайлович бежал в Псков, затем в Литву. Тверское княжество оказалось разоренным на долгие годы. Летописец отмечает, что татары «превратили в пустошь всю землю русскую, но спаслась Москва — вотчина Калиты».

От разгрома Твери прежде всего выиграло Московское княжество: хан Узбек передает великое княжение Ивану Калите. Кроме богатой добычи — награбленного имущества, Иван Калита получил много пленников-тверичан.

Еще большее количество русских пленников было уведено татарами для продажи на невольничьих рынках.

Источники по истории Золотой Орды показывают, что степные феодалы добывали много рабов в подданных улусах. Набеги татар сопровождались не только ограблением мирного населения, но и захватом части его для продажи в рабство. Это были прежде всего ремесленники, на которых был большой спрос как в Золотой Орде, так и в соседних странах. Но значительная часть военнопленных, особенно сильная и крепкая молодежь, продавалась на невольничьих рынках Востока.

Ал-Омари, рассматривая колониальную политику Золотой Орды, писал о хане Узбеке: «сколько раз он убивал их мужчин

(т. е. русских и других подданных народов — *В. Г.*), забирал в плен их жен и детей, уводил их рабами в разные страны».[3]

Захват покоренных людей для продажи их в рабство был обычным явлением во внешней политике для степных насильников.

Политический результат событий 1328 г. состоит в том, что Москва освободилась на долгий период от такого сильного соперника, каким была Тверь, и завоевала преобладание над всеми другими княжествами в северо-восточной Руси.

*

В 30-40-х гг. XIV в. русские земли оказались под двойным нажимом внешних врагов с юго-востока и запада. Как раз в этот период, — писал Маркс, — «совершается быстрое образование Литовского государства, которое отделяет русские земли от Запада, между тем, как татары сдавливают их в одну массу с Востока».[4]

Маркс при этом замечает, что «в то самое время, когда Иван не осмеливается оказывать сопротивление одной опасности, он точно старается преувеличить размеры другой».

Внешняя политика княжеской власти определялась прежде всего взаимоотношениями с Золотой Ордой.

Время Узбека в истории Золотой Орды было периодом расцвета и усиления ханской власти. Узбеку удалось преодолеть элементы децентрализации, подтачивающие это, не крепко спаянное, государство кочевого феодализма.

Мирное сотрудничество с могущественной ханской властью Золотой Орды было необходимо князю Ивану Калите, чтобы избавить русскую землю от регулярных разорительных татарских нашествий. Он медленно и упорно собирает силы для освобождения Руси от татарского ига.

Своей расчетливой и осторожной политикой Иван Калита завоевал покровительство со стороны всесильного хана Узбека. Подарками и лестью он добился от хана монопольного права на сбор татарской дани («выхода») по всей русской земле. Это было вдвойне выгодно для московского княжества: население избавлялось от постоянных наездов золотоордынских баскаков, обычно сопровождаемых дикими насилиями и грабежами, а княжеская власть получала для себя мощный источник финансирования из части собранной дани. Богатство Ивана Калиты нарастало весьма быстро; прозвище, данное ему другими князьями, связано именно с этим обогащением.

Наличие в достаточном количестве денег давало возможность московскому князю, с одной стороны, откупать сбор золотоор-

дынской дани, а с другой, — ставить в зависимость мелких князей и притягивать их уделы к Москве.

Маркс дал всестороннюю характеристику политики Ивана Калиты. Прежде всего Маркс вскрывает взаимоотношения между московским князем Иваном Калитой и золотоордынским ханом Узбеком. Являясь орудием хана, Иван Калита, вместе с тем, использовал это покровительство для узурпации власти у удельных князей, присоединения их уделов к Москве, явившись, таким образом, основателем Московской державы.

При Иване Калите Москва становится политической и церковной столицей. Перенесение резиденции митрополита из Владимира в Москву имело не только церковное, но и политическое значение.

Золотоордынская знать не могла не опасаться быстро растущих успехов Ивана Калиты. Татары опасались усиления одного князя за счет других — что угрожало ордынскому господству на огромной территории Руси. Маркс отмечает, что — традиционным приемом татарской политики, по отношению к русским князьям, являлось натравливание их друг на друга, разжигание их раздоров. Это положение Маркса целиком и полностью подтверждается фактическими данными. Длительная и кровавая борьба между княжескими династиями Москвы и Твери — это, главным образом, следствие провокаторской политики ханской власти.

В конечном итоге хан Узбек явился сам орудием Калиты в его борьбе с наиболее сильными соперниками. В отношении мелких удельных княжеств Иван Калита действовал не мечом, а рублем и при посредстве своей финансовой политики успешно прокладывал путь к созданию сильной московской державы.

В заключение Маркс писал о Калите: «Ничто не могло отвлечь Ивана Калиту от основной цели — ни увлечение славой, ни угрызения совести, ни тяжесть унижений. Вся система его может быть характеризована в немногих словах: макиавелизм мелкого холопа. Свою собственную слабость — свое холопство — он превратил в главный источник своей силы». Макиавелизм в политике Ивана Калиты означал достижение определенной цели при использовании разнообразных методов и средств борьбы.

Политика княжеской власти способствовала экономическому подъему Междуречья Оки и Волги и вела к концентрации русской земли вокруг Москвы. Если в начале княжения Ивана Калиты Московский удел имел 4 города, то преемникам его досталось 97 городов и сел. Собирание земли русской вокруг Москвы имело несомненно прогрессивное значение, так как здесь, в Междуречье, создавалось ядро русского национального государства.

СОЮЗ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ХАНОВ С ВЕРХАМИ ДУХОВЕНСТВА

Духовенство не стояло в стороне от политики и активно вмешивалось в междукняжеские отношения. Политическая роль духовенства определялась экономическим могуществом церквей и монастырей. Как и светские феодалы, церковники были исключительно экспансивны. Они были активные стяжатели.

В ярлыке хана Узбека перечисляется разнохарактерное хозяйство церковно-монастырских вотчин. Церковно-монастырские имения имеют села и волости, ловли и борти, пашни, мельницы и скотские стада.

Если верхушка духовенства активно вмешивалась в междукняжеские отношения, то великие князья желали иметь угодных митрополитов, способных поддержать княжескую власть.

В 1310 г., после смерти митрополита Максима, возник вопрос о новой кандидатуре в главы церкви. Владимирский великий князь Михаил Ярославич, живший в Твери, представил константинопольскому патриарху своего кандидата в митрополиты — тверского игумена Геронтия. В свою очередь, галицкий князь Юрий Данилович обратился к патриарху с просьбой устроить самостоятельную митрополичью кафедру для юго-западной Руси. При этом выдвигалась кандидатура игумена Петра.

Разделение русской церкви очевидно не было в интересах константинопольского патриарха, и галицкий план провалился. Из двух кандидатов патриарх остановился на игумене Петре, назначив его митрополитом всей Руси. Митрополит Петр, имевший связь с Галицким княжеством, после своего назначения находился некоторое время в Киеве. Его задерживала в Киеве опасность столкновения с великим князем Михаилом Ярославичем, который, как известно, желал иметь митрополитом не Петра, а Геронтия.

Столкновение светской и духовной властей оказалось неизбежным, после того как митрополит Петр переехал из Киева во Владимир. Вскоре после приезда оформилась оппозиция против митрополита Петра, которая возглавлялась тверским епископом. Несомненно то, что вдохновителем этой оппозиции был князь Михаил Ярославич.

Местное духовенство выдвинуло против митрополита ряд обвинений с целью его дискредитации. Сообщив обо всем этом константинопольскому патриарху, местное духовенство устроило церковный суд над митрополитом Петром. Московский князь Юрий Данилович встает на сторону митрополита Петра и делает все возможное для разгрома оппозиции.

Суд над митрополитом Петром проходил в Переяславле-Залесском, т. е. на территории Московского княжества. Церковный суд в Переяславле-Залесском послужил основой для сближения князя Юрия Даниловича с митрополитом Петром. Оппозиция потерпела провал на церковном суде, митрополиту Петру удалось опровергнуть предъявленные к нему обвинения и сохранить за собой митрополичью кафедру. В результате этого глава церкви стал надежным союзником московского князя и непримиримым врагом тверского князя. Митрополит Петр часто бывал в Москве, советовался с князем Юрием Даниловичем и помогал ему в борьбе против Твери. Помощь выражалась, главным образом, в применении духовных средств воздействия на князей и население, включительно до интердиктов.

Насколько значительной была роль митрополита Петра в политической жизни Междуречья, показывает эпизод с завоеванием Нижнего Новгорода. Тверской князь Михаил Ярославич снарядил свои рати, возглавляемые сыном Димитрием, для захвата Нижнего Новгорода. По пути к цели князь Димитрий заехал во Владимир, чтобы получить благословение от митрополита. Но поскольку овладение Н.-Новгородом Тверью не было в интересах московского князя, то митрополит Петр не только отказал княжичу Димитрию в благословении, но даже пригрозил проклятием и отлучением от церкви, если его войска пойдут на Н.-Новгород. Княжичу Димитрию ничего не оставалось делать, как вернуться обратно в Тверь.

Таким образом в распоряжении митрополита находились весьма серьезные средства воздействия на политических противников московского князя.

Кроме того, церковь пользовалась поддержкой ханской власти. Сотрудничество князя Ивана Калиты с ханом Узбеком дополнялось покровительством ханской власти по отношению к митрополиту Петру. В ярлыке хана Узбека митрополиту Петру подробно перечисляются договорные условия между ханской властью и духовенством православной церкви.

«Да никто же не обидит на Руси соборную церковь Митрополита Петра, и его людей, и церковных его; да никто же взимает ни стяжений, ни имений, ни людей. А знает Петр Митрополит в правду, и право судит, и управляет люди своя в правду, в чем ни будь: и в разбои, и в поличном, и в татьбе, и во всяких делах ведает сам Петр Митрополит один, или кому прикажет».[6]

Охраняя церковь от вмешательства княжеской власти и ордынской администрации, хан Узбек стремился при помощи церкви закрепить иго монгольских завоевателей на долгие годы.

В заключительной части ярлыка дважды подчеркиваются обязанности православного духовенства во главе с митрополитом: молить «бога за нас, и за наши жены, и за наши дети, и за наше племя».

Молить бога за ханскую власть и за татарское царство, т. е. поддерживать ханскую власть, — вот чем должна была откупить церковь свою независимость от княжеской власти.

Благодаря поддержке ханской власти православная церковь играла огромную роль в возвышении Москвы. Уже при митрополите Петре, с 1326 г., Москва фактически становится церковным центром всея Руси. Со всех концов великой Руси — Новгорода, Смоленска, Киева, Галиции, Волыни, Чернигова — приезжали в Москву духовные вассалы митрополита — епископы и игумены. Львиная доля церковных доходов поступала митрополиту, который использовал их по своему усмотрению в Москве. По инициативе митрополита Петра в Москве был построен Успенский собор, в подражание такого же собора во Владимире.

При митрополите Петре были подготовлены все необходимые условия для перенесения митрополичьей кафедры из Владимира в Москву. Его преемник — грек Феогност официально переносит свою резиденцию в Москву, ставшую церковным центром русской земли.

Во времена Калиты Москва преображается и становится признанной столицей Центрального междуречья. Если во Владимире на Клязьме прекратилось каменное строительство еще со времени нашествия хана Батыя, то Москва, как младший город Владимиро-Суздальской Руси, обстраивалась каменными зданиями.

Первые каменные постройки, по преимуществу церкви, появляются в княжение Ивана Калиты. В 1326 г. Иван Калита и митрополит Петр заложили Успенский собор — первую «церковь камена на Москве на площади, во имя святой богородицы, честного ея успения».

Последующие годы княжения Калиты отмечены постройкой еще нескольких каменных церквей, а в том числе и Архангельского собора. Большое внимание уделялось внешнему украшению церквей. Стены соборов расписывались фресками — водяными красками по свеже наложенной на стену штукатурке, состоящей из гашеной извести и кварцевого песка.

Фресковая стенопись принесена в Москву византийскими художниками, от которых заимствовали и значительно обогатили искусство фрески первые «русские писцы» — живописцы Захарий, Иосиф, Николай и др.

Все это говорит о том, что в раннее средневековье русский народ имел плодотворную культурную связь с соседними европейскими и азиатскими народами.

В конце 30-х годов XIV столетия территория города Москвы расширяется за счет новых посадов и слобод. В Московской летописи за 1339 г. имеется следующее сообщение: «в лето 6847 постави князь великий Иван Данилович Калита град древян Москву, тако же и посады в ней украсив, и слободы, и всем утверди». Кремлевская крепость становится неузнаваемой, воздвигаются новые массивные стены из больших дубовых брусьев.

ПОЛИТИКА ПОТОМКОВ КАЛИТЫ

Собранная Иваном Калитой русская земля все же не осталась после его смерти в одних руках. Согласно его второй духовной грамоте от 1328 г. Московское княжество разделялось между тремя сыновьями Калиты — Семеном, Иваном и Андреем, причем часть удела оставалась в распоряжении вдовы-княгини. Большая часть владений завещалась Калитой своему старшему сыну Семену Ивановичу. В заключительной части духовной грамоты подтверждалось неоспоримое старейшинство Семена Ивановича. «А приказываю тобе сыну своему Семену братью твою молодшую и княгиню свою с меньшими детьми, по Бозе им будешь печальник».

Таким образом непосредственным преемником Ивана Калиты после его смерти был старший сын Семен Иванович Гордый (1341—1353). То прозвище, которое современники дали князю Семену Ивановичу, определяет его положение в плеяде других русских князей. Гордость Семена Ивановича основывалась на возросшем экономическом и политическом могуществе Московского княжества в первой половине XIV в. Мелкие удельные князья низводились на положения послушных вассалов и составляли кадры московского боярства. Вместе с тем, боярство продолжало оставаться правящей силой, определяющей в конечном итоге княжескую политику.

В княжение Семена Ивановича Гордого русскую землю постигло грозное бедствие — чума. Эпидемия чумы, — острого инфекционного заболевания, видимо не была новостью для русского народа. Древнейшие летописи имеют многократные ссылки на проявления в народе всяких «моровых язв». Но то, что произошло в конце 40-х и начале 50-х годов XIV в. не идет ни в какое сравнение со всеми предшествующими эпидемиями. Прежде всего чума охватила Индию и Китай и произвела там исключительные опустошения. Китайские письменные исто-

лики показывают, что там от чумы погибло около пяти миллионов китайцев. Торговые караваны занесли чуму и в Западную Европу. В 1348—1351 гг. чума охватила все западноевропейские страны и погубила одну четверть всего европейского населения того времени (т. е. около 25 миллионов человек). В 1352 г. чума появилась сперва в Пскове, затем в Новгороде и далее перекинулась в пределы московского княжества. Чума поразила все крупные селения Центрального междуречья, погубив много человеческих жизней. От чумы умерли 15 князей, в том числе и Семен Иванович Гордый (1353).

В духовной грамоте братьям великий князь Семен Иванович Гордый поучал: «А по отца нашего благословенью, что нам приказал жити за один, такоже и яз вам приказываю своей братьи жити за один; а лихих бы есте людей не слушали, а хто иметь вас сваживати, слушали бы есте отца нашего Владыки Алексея, такоже старых Бояр, хто хотел отцу нашему добра и нам. А пишу Вам се слово того деля, чтобы не перестала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла. А хто сю грамоту иметь рушити, судить ему Бог в сем веце и в будущем».

Великий князь Дмитрий Донской (1359—1389).

Этот документ дает возможность судить о роли бояр и митрополита в осуществлении княжеской политики. Правящим классом Московского княжества был класс крупных земельных собственников из бояр и духовенства.

Наследником московского престола стал второй сын Калиты Иван Иванович Красный (1353—1359). По своим государственным способностям он далеко отставал от своего старшего брата. Слабостью и пассивностью князя Ивана Красного хотели было воспользоваться другие князья, но их постигла неудача.

В 1359 г. князь Иван Иванович Красный умер. Княжеская династия оказалась в таком состоянии, что, непосредственными преемниками престола оказались малолетние князья. Московским князем стал 10-летний Димитрий Иванович. На протяжении ряда лет внутренняя и внешняя политика княжеской власти осуществлялась боярством и высшим духовенством. Фактическое правление бояр в рассматриваемый период подтверждает то, что между московским боярством и княжеской властью не было принципиальных разногласий. И князь и бояре были носителями централизаторских стремлений, кровно заинтересованные в возвышении московского княжества.

Централизация могла осуществляться при наличии развегвленного административно-политического аппарата, находившегося всецело в руках боярства. Несмотря на малолетство князя Димитрия Ивановича, московское боярство успешно парировало атаки других князей, желающих завладеть великим Владимирским княжением. Тверские и нижегородские князья пытались овладеть великим Владимирским княжеством, надеясь на растерянность московских бояр. Но они ошиблись, почувствовав сразу, в начале атак, упорное сопротивление со стороны Москвы.

Бояре продолжали давно испытанную, традиционную княжескую политику аппеляции к верховному сюзерену феодальной Руси — золотоордынскому хану. За богатые подарки хану и придворной аристократии Сарая московские бояре добились получения ярлыка на великое княжение для малолетнего Димитрия Ивановича.

Но в конечном итоге судьба великого Владимирского княжения решалась не в Орде, при помощи дипломатии, а при посредстве оружия. Войны с Н.-Новгородом и Тверью закончились новой победой Москвы. Притязания беспокойных соседей на владение великим княжеством были успешно отражены московскими боярами. Москва упорно отстаивает свое первенствующее положение в Междуречье Волги и Оки, сплочивая силы против внешних врагов — татарских и литовских поработителей.

В 1368 г. великий князь Димитрий Иванович заключает договор с тверским князем Михаилом Александровичем о взаимной помощи в случае нападения татар или литовцев. А пой-

дут на нас Татарове или на тебе, биться нам и тобе с единого всем противу их; или мы пойдем на них, и тобе с нами с одиного пойти на них. А и Ольгерду ти и к его братьи, и к его детем, и его братаничем целованье сложити. А пойдут на нас Литва, или на Смоленского на князя на великаго, или на кого на нашю братью на князей, нам ея их боронити, а тобе с нами всим с единого: или пойдут на тобе и нам такоже по тобе помогати, и боротися всим с единого...»[9]

★

Развитие политического строя северо-восточной Руси в XIV в. характеризуется двумя, казалось взаимно исключающими, явлениями: с одной стороны, — дальнейшее дробление русской земли «на множество самостоятельных полугосударств»,[10] а с другой, — концентрация мелких уделов вокруг крупнейших городских центров. Чем больше дробились уделы, тем сильнее росла зависимость князей этих мелких уделов от великого князя и его основных соперников.

Задолженность мелких удельных князей росла в связи с необходимостью уплаты татарского «выхода» за ярлык, дани, в связи с ростом военных расходов в каждом княжестве.

С подъемом экономической жизни Междуречья увеличились хозяйственные связи великокняжеских центров и их отдаленных уделов.

Необходимость политического объединения отдельных княжеств определялась в первую очередь ростом производительных сил Междуречья. Феодальная раздробленность была огромным тормозом на пути экономического развития страны. В результате сложных политических комбинаций и борьбы в середине XIV в. оформились феодальные союзы, каждый во главе со своим великим князем.

Каковы территориальные владения главных феодальных княжеств или полугосударств в XIV в.?

Московское феодальное полугосударство захватывало бассейн р. Москвы, несколько уделов по р. Оке и на северо-востоке от Москвы. Крупнейшими уделами его были: Ростов, Переяславль, Кострома, Углич, Галич Мерский, Белоозеро, Каширa, Серпухов и Калуга.

Следующим по величине и мощности является Тверское феодальное полугосударство, которое занимало окраинное положение, прилегая на Западе к Литовскому княжеству. Крупнейшими центрами данной политической единицы были — Тверь, Калязин, Кашино и Ржев.

На юге от Москвы простиралась Рязанская земля. Владения рязанских князей находились в среднем течении Оки. Крупными пограничными центрами Рязанской земли были: Муром (северо восток), Тула (юго-запад) и Воронеж (юг).

Рязанское княжество находилось на весьма опасной пограничной полосе; его владения были под постоянной угрозой татарских нашествий. Опасные условия жизни в этом крае толкали земледельцев на бегство за Оку, поближе к Москве, несмотря на то, что рязанский чернозем давал богатые урожаи.

К востоку от Москвы располагались владения Нижегородского княжества. Значительными уделами этого княжества являлись Суздаль и Городец. Нижегородское княжество скоро утратило свою независимость, влившись в состав Московского великого княжества.

В бассейне верхнего Днепра находилось Смоленское княжество. На протяжении XIV столетия Смоленская земля была объектом агрессии со стороны Литвы.

Те удельные княжества, которые не примыкали к тому или иному великому княжеству (например верхнеокские), до поры до времени балансировали, сохраняли самостоятельность, а затем попадали в зависимость и поглощались более сильными соперниками.

ОСЛАБЛЕНИЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

После смерти хана Узбека в 1342 г. начался процесс разложения Золотой Орды. Непрочно спаянное государство монгольских завоевателей ослаблялось в результате внутренних противоречий между отдельными частями ханства и кровавой борьбы между разнообразными феодальными группировками. Этим прежде всего объясняется невообразимая чехарда на ханском престоле в 50—70 гг. XIV столетия. Ханы сменялись в Орде так часто, как никогда раньше. Хан Джанибек, один из преемников Узбека, находился у власти не более недели, а затем был убит своим сыном Бердибеком в 1357 г. Бердибек находился у власти два года, потом испытал участь своего отца. С 1360 г. по 1380 г. в Золотой Орде сменилось 14 ханов.

Борьба за власть происходила между татарскими царевичами-чингисидами, из которых каждый в отдельности являлся ставленником той или иной фракции господствующего феодального класса. В результате этой ожесточенной борьбы между потомками Чингис-хана верховная власть золотоордынского хана оказывалась бессильной перед фактом расползания огромной татарской

Орды. Те территории, которые были когда-то поглощены монгольскими завоевателями, получали самостоятельность и отлагались от Золотой Орды.

На территории бывшего Булгарского царства в начале 60-х годов XIV в. образовалось независимое Казанское ханство во главе с Булат-Темиром. Почти одновременно намечались и другие политические центры, как Астрахань, Крым, — где впоследствии также образовались самостоятельные ханства.

Таким сбразом прежде единая и сильная Золотая Орда распадалась, дробилась на отдельные, обособленные земли. Все эти события, происходившие в Золотой Орде, не могли не иметь отражений в жизни русской земли. Частая смена ханов создавала непрочность во взаимоотношениях между русскими княжествами и Золотой Ордой. Согласно ордынским законам каждый новый хан выдавал князьям новые ярлыки на княжение, так как прежние ярлыки считались недействительными. А это значит, что князьям приходилось ездить к каждому хану на поклон и возить в Орду ценные подарки.

Кроме разнообразных пошлин и натуральных повинностей, ханы требовали русских людей на ордынскую службу. В одном из ханских указов начала XIV в. так выражено требование «на службу нашу с наших улусов повелим рать сбирати».[11]

Анархия в Золотой Орде отражалась весьма пагубно на окраинных русских землях. Ордынская степная аристократия, вышедшая из повиновения великому хану, вела разнузданную политику военно-феодального грабежа. Отдельные отряды татарской конницы внезапно нападали на русские селения, грабили население, а лучших людей забирали в полон для продажи в рабство. Непрерывные татарские нашествия обезлюдивали окраинные русские земли; крестьяне-земледельцы покидали разработанные поля и убегали в леса, в непроходимые болота, проклиная степных грабителей.

Положение становилось нетерпимым. Народ, находившийся в ряде поколений в подданстве у Орды, поднимался на борьбу против татарских захватчиков. Ордынские «бусурманы», как жупел, как пугало прошлых лет, становились не столь страшными в эпоху распада татарского ханства. Русские князья не могли не учитывать патриотические настроения в народе; они организуют вооруженное сопротивление степным грабителям. Рязанские, нижегородские и московские князья неоднократно громили татарские отряды. Это были маленькие репетиции к большому историческому столкновению побежденных с победителями.

Ослабление ханской власти, полная дезорганизация адми-

стративного управления в Орде были использованы русскими князьями как предлог для прекращения уплаты дани.

Освобождение русских княжеств из повиновения монгольским поработителям вызвало некоторое усиление централизаторских сил в Орде. Из чингисидов выделяется темник (военачальник над 10-тысячным войском) Мамай, который в 1375 г. провозглашает себя ханом Золотой Орды. Он стремится восстановить прежнее положение, когда Русь послушно платила дань, а князья были покорными холопами хана.

Между тем, русские князья стали придерживаться совершенно иного мнения о взаимоотношениях Руси с Ордой и перестали платить ей дань. Несмотря на неоднократные требования из Орды к князьям явиться на поклон к хану, золотоордынская резиденция не видела русских людей. Тогда хан Мамай решил силой оружия восстановить прежние отношения на Руси. В 1378 г. большое татарское войско направляется в русские княжества. Великие князья Москвы и Рязани Димитрий Иванович и Олег Иванович объединились и пошли навстречу татарским войскам. На р. Воже, в Рязанской земле, произошло сражение русского войска с татарами, завершившееся разгромом последних. Это был серьезный удар по татарскому господству на Руси. Он показывал, что русские княжества, и в первую очередь Москва, копят силы для новых, более чувствительных ударов по Золотой Орде. Татарские набеги способствовали политическому объединению Междуречья Оки и Волги.

Монгольские поработители жестоко мстят за свои неудачи в вооруженном столкновении с русским войском; в отместку за поражение на р. Воже Мамай сжег Переяславль Рязанский.

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА 1380 ГОДА

Два одновременно происходящие процесса, — начавшееся усиление Московского княжества и развал Золотой Орды, — неизбежно вели к крупному военному столкновению.

Отношения между ханом Мамаем и великим князем Дмитрием Ивановичем находились в центре внимания всей Восточной Европы. Мамай готовит новое татарское нашествие, небывалое со времен Батыя. Поднимаются вооруженные силы всей Орды для возвращения ханской власти на Руси; огромное войско в 200 тысяч воинов двинулось в направлении к русским княжествам. Мало того, хан Мамай заключает военный союз с литовским князем Ягайлом Ольгердовичем, который с большим опасением следил за возвышением Московского княжества.

Еще в 1370 г. литовские войска под предводительством князя

Ольгерда безуспешно осаждали Москву, надеясь подорвать мощь Московского княжества и укрепить расползающееся Литовское государство.

Объединительная политика московских князей неизбежно ставила вопрос о судьбе юго-западных частей Руси, оказавшихся после утверждения татарского господства во владении литовского князя.

«В то время, когда Великороссия попала под монгольское иго, — писал Ф. Энгельс, — Белоруссия и Малороссия нашли себе защиту от азиатского нашествия, присоединившись к так называемому Государству Литовскому».[12]

По мере того как крепло Московское княжество, нарастала опасность для Литовского княжества потерять русские земли. Вот почему желательный разгром Москвы был бы в интересах Литвы. Поэтому литовский князь Ягайло дал обещание Мамаю придти со своим войском на соединение с татарами 1 сентября 1380 г. Соединение предполагалось осуществить на западных границах Рязанского княжества.

Предыдущее столкновение русского войска с татарами показало, что основные удары золотоордынских налетчиков падут на окраинные русские области и, прежде всего, на Рязанскую землю.

Особенность географического положения Рязанского княжества состояла в том, что оно непосредственно примыкало к степи и тем самым испытывало всегда в первую очередь удары степных кочевников. Надвигалась опасность, грозящая новыми разрушениями и полонением населения.

Рязанские князья, во главе с Олегом Ивановичем, страшась такой перспективы, пошли на предательское соглашение с ханом Мамаем и литовским князем Ягайлом с тем, чтобы обезопасить свои владения.

Таким образом великий московский князь Димитрий Иванович не мог рассчитывать на поддержку рязанских князей, оказавшихся изменниками. Другие князья (нижегородский, тверской, новгородский) хотя и боялись мамаева нашествия, но под всякими предлогами уклонялись итти на соединение с Москвой. Великому Московскому княжеству приходилось рассчитывать лишь на свои собственные вооруженные силы и на некоторое содействие мелких удельных князей (ростовских, ярославских, белозерских). В совокупности образовалась стотысячная рать, оснащенная хорошим вооружением. Современники восхищались как количеством, так и качеством московского войска. Частые столкновения русских войск с легкой татарской конницей не могли пройти бесследно.

Энгельс писал, что «соприкосновение с иррегулярной конницей Востока все более и более сводило на нет как значение, так и качество пехоты. Конные лучники сделались любимым родом войск; если и не вся пехота, то большая часть ее была снабжена, кроме копья и меча, луком. Таким образом, обычным стал бой на расстоянии, а рукопашная схватка рассматривалась как нечто устаревшее. На пехоту смотрели как на хлам и намеренно держали ее вдали от поля сражения, употребляя ее главным образом для несения гарнизонной службы».[13]

За десятилетия татарского ига московское войско значительно перестроилось, использовав все лучшее у своих врагов. Узнав о движении мамаевых полчищ, князь Димитрий Иванович выступил в поход в августе 1380 г. Войска направились к Коломне, так как предполагалось, что Мамай пойдет на Москву через Рязань. Но оказалось, после тщательной разведки, что Мамай держит путь на запад, с тем чтобы предварительно соединиться с литовской ратью.

Князь Димитрий Иванович совершенно правильно поступил, когда не остановился на своих рубежах и пошел навстречу Мамаю в «Дикое поле», с тем чтобы не дать ему возможности соединиться с войсками литовского князя Ягайло. Московская рать направилась к Верховьям Дона, где и остановилась на Куликовом поле, в устье р. Непрядвы, впадающей в Дон.

Позиция боя была удачно выбрана для московской рати. Куликово поле представляло собою площадку длиною в 8 верст и окруженную со всех сторон лесом. Это обстоятельство шло в разрез с традиционной тактикой татар — бить неприятеля с флангов и с тыла. Планы Мамая разрушались; ему приходилось принять бой в обстановке невыгодной для татарской конницы. Соединение с войсками литовского князя Ягайла так же исключалось. Но Мамай рассчитывал на двойной перевес своих вооруженных сил по сравнению с московской ратью.

Перед боем князь Димитрий Иванович проявил весьма необходимую предусмотрительность: часть своих войск под начальством двоюродного брата князя Владимира Андреевича и боярина Боброка он оставил в засаде у Дона.

Знаменитая Куликовская битва произошла 8 сентября 1380 г. Это было невиданное кровопролитное сражение. Упорство с обеих сторон затрудняло предопределить исход боя. Московская рать имела крупнейшие потери, было убито много князей и бояр. Великий князь Димитрий Иванович оказался раненым и лежал без чувств на поле сражения. Ряды русских войск дрогнули, и казалось победа останется за татарами. В

этот момент из засады появляется полк князя Владимира Андреевича и наносит сокрушительный удар войскам Мамая. Татары обратились в паническое бегство, оставив русским богатую добычу. Мамай, во главе малой свиты, бежал на юг.

Великая радость прокатилась по всей земле русской от вести о победе на Куликовом поле. В сказании о великом князе Димитрие Ивановиче и о брате его князе Владимире Андреевиче, «яко победили супостата своего царя Мамая», так выражена эта народная радость:

«Оле! жаворонок летняя птица, красных день утеха, возлети под синие небеса, посмотри к сильному граду Москве, воспой славу в. кн. Дмитрею Ивановичу и брату его кн. Владимеру Андреевичу. Ци буря сколы снесет, из земля Залесския в поле Полотское! На Москве кони ржут, звенит слава по всей земле Русской, в трубы трубят на Коломне, в бубны бьют в Серпухове, стоят стязи у Дунаю (Дона) великого на брезе, звонят в колоколы вечные (вечевые) в В. Новегороде».[14]

Характеризуя князей московской династии Даниловичей, В. О. Ключевский выделяет Димитрия Донского. «В шести поколениях один Димитрий Донской далеко выдался вперед из строго выравненного ряда своих предшественников и преемников. Молодость (умер 39 лет), исключительные обстоятельства, с 11 лет посадившия его на боевого коня, четырехсторонняя борьба с Тверью, Литвой, Рязанью и Ордой, наполнившая шумом и тревогами его 30-летнее княжение, и более всего великое побоище на Дону положили на него яркий отблеск Александра Невского, и летопись с заметным подъемом духа говорит о нем, что он был «крепок и мужественен и взором дивен зело».[15]

Куликовская победа дорого обошлась русской земле: из 100 тысяч воинов осталось в живых не более 40 тысяч. Велики потери людьми. Но пролитая кровь русских людей в борьбе за свою независимость не пропала даром. Куликовская битва имела крупное историческое значение. Она создала в народных массах уверенность в том, что никакой враг не страшен, если Русь будет едина и сплочена.

Русский народ героически боролся против татарского ига. Это нашло отражение в русских народных эпических песнях-былинах. Из поколения в поколение передавался народный сказ о герое Илье Муромце — то как об участнике «Камского побоища» (битва на р. Калке в 1223 г.), то как о всепобеждающем богатыре во время схватки с золотоордынским ханом Мамаем в 1380 г., во время Куликовской битвы в верховьях р. Дона.

Былинный эпос показывает со всей яркостью и силой героические черты народов Восточной Европы, и прежде всего русского народа. Напор полудиких народностей, разрушавших русские города уводивших в полон мирное население, уничтожавших русскую культуру, накопленную веками со времени сближения с Византией, был отражен в былинах. В продолжительной и упорной борьбе против захватчиков росли и крепли лучшие черты русского народа, выковывались мужественные храбрые народные герои.

Былины об Илье Муромце являются зеркалом жизни и борьбы великого трудового народа. Илья Муромец чужд пренебрежительного отношения к другим народам. Он

Не помыслит злом на татарина.
Не убьет в чистом поле христьянина.

Советский народ бережно хранит традиции русских богатырей и решительно отвергает всякие попытки умалить их значение. Были отдельные попытки огульно чернить богатырей русского былинного эпоса, в то время как главнейшие из богатырей являются в народном представлении носителями героических черт русского народа».[16]

В Куликовской битве особенно четко определились героические черты русского народа, окрепло его национальное самосознание. В результате этой битвы призрак ордынской непобедимости исчез, народ стал увереннее в своем будущем. Куликовская битва подняла престиж Москвы, явившейся инициатором защиты всей русской земли. На небывалую высоту поднялся авторитет талантливого русского полководца Димитрия Ивановича, которому современники дали почетное прозвище — «Донской». Димитрий Иванович Донской закрепил свои сюзеренные права над князьями всей Руси.

Героическая история великого русского народа полна замечательных событий. Русский народ вынес на своих плечах всю тяжесть борьбы с несметными ордами азиатских кочевников. Русская земля являлась как бы барьером, защищавшим Европу от опустошительных набегов печенегов, половцев, татар. В тяжелой борьбе с воинственными кочевыми племенами выковывался мужественный, стойкий характер русского народа, на протяжении всей своей многовековой истории героически отстаивавшего честь и независимость своей отчизны.»[17]

Что происходит в это время в Золотой Орде? Поражение хана Мамая предопределило его дальнейшее пребывание на ханском престоле. Борьба за власть с новой силой вспыхнула вновь. Соперником Мамая выступил Тохтамыш, хан Синей

Орды, находящейся в районе р. Яика, или Урала. Тохтамыш воспользовался неудачей Мамая для захвата власти в Золотой Орде. Он разгромил остатки мамаевских войск на р. Калке около Азовского моря. Хан Мамай бежал в генуэзскую колонию Кафу, где и был убит местными жителями.

Победитель Мамая Тохтамыш, став золотоордынским ханом, стремится укрепить ханскую власть и восстановить Золотую Орду в прежних территориальных границах. С этой целью хан Тохтамыш готовится к походу на Москву, надеясь врасплох ударить по русскому народу.

Летом 1382 г. большое войско Тохтамыша скрытно пробирается к берегам р. Оки. Московское войско оказалось неподготовленным к отражению татарского нашествия. Димитрий Донской покидает столицу и направляется на север для сбора войск. За ним уехали представители правящей клики и богатейшие люди.

Но столицу защищали, и весьма упорно, горожане во главе с суконщиком Адамом. Древняя московская крепость — Кремль выдержала все атаки татар. В период штурма Кремля отряды татар разошлись по селениям, грабили и убивали население. Дикий террор и насилия не сломили защитников Кремля. Тогда хан Тохтамыш пошел на хитрость, использовав при этом нижегородских князей, находившихся в татарском стане. Под крестным целованием они заверили защитников Кремля, что при условии сдачи им не причинят никакого вреда. Но как только отворились крепостные ворота, татары набросились на москвичей и почти всех их истребили.

Москва была разгромлена, растерзана татарскими завоевателями. Свыше 20 тысяч жертв осталось только в одной Москве от этого варварского нашествия Тохтамыша. Не было сил, чтобы отомстить за невозвратимые потери.

Князю Димитрию Ивановичу пришлось ехать в Орду на поклон к хану Тохтамышу и добиваться ярлыка на великое княжение.

Данические отношения между русскими княжествами и Золотой Ордой вновь возобновились. В этом были повинны те русские князья, особенно нижегородские и рязанские, которые под предлогом «нейтралитета» оказали помощь хану Тохтамышу. Князь Димитрий Иванович не мог простить рязанскому князю Олегу Ивановичу за его политику «нейтралитета» и вскоре, после ухода Тохтамыша, устраивает нашествие московских войск на рязанскую землю.

Признав данические отношения, князь Димитрий Донской не терял надежды на скорое освобождение от татарского ига.

В договоре со своим двоюродным братом Владимиром Андреевичем князь Дмитрий отмечал: «А оже ны бог избавит освободит от Орды, ино мне два жеребья, а тебе треть».[18]

ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Северо-восточная Русь в XIV в. заметно быстро экономически возрождалась даже в условиях татарского господства. Это связано, прежде всего, с увеличением сельских поселений и населения в них.

С. Б. Веселовский в своем историко-социологическом исследовании о типах внегородских поселений пришел к выводу, что «в XIV—XV вв. в северо-восточной Руси преобладающими типами селений были небольшие села, окруженные множеством мелких деревень-хуторов в 1—3 двора. Огромное большинство крестьян жило в этих деревнях на очень разнообразных и разномерных участках, на условиях индивидуальной «поряды» — договора».[19]

Общинное землепользование претерпевало к этому времени огромные изменения. Теоретики народничества, исписавшие много бумаги по вопросу о формах землевладения у русского народа, возвели крестьянскую общину на пьедестал вечной неизменяемости. «Ни междуусобия удельного времени, ни иго монгольское,... — ничто не поколебало, не изменило этого заветного учреждения крестьянской жизни», — так писал один из народников г. К — н.[20]

Подобные экскурсы народников в раннее средневековье связаны с их теоретическими догмами реакционного крестьянского социализма. Для них крестьянская община была божественным атрибутом глубокой древности, сохранившимся несмотря на всяческие политические потрясения крепостной эпохи.

В действительности же сельская община феодальной эпохи отличалась от общинного быта славян дофеодального времени. Крупное феодальное землевладение являлось определяющим фактором в экономических и общественных отношениях.

Экономическое и политическое господство землевладельцев в феодальную эпоху основывалось на монопольном владении землей как основном условии земледельческого труда и главном средстве сельскохозяйственного производства.

Феодальные вотчины являлись натуральными хозяйствами.

«Натуральное хозяйство предполагает, что условия хозяйствования целиком или в подавляющей части производятся в самом хозяйстве, возмещаются и воспроизводятся непосредственно из его валового продукта».[21]

Ленин писал, что при натуральном хозяйстве общество состояло из массы однородных хозяйственных единиц (патриархальных крестьянских семейств, примитивных сельских общин, феодальных поместий), и каждая такая единица производила все виды хозяйственных работ, начиная от добывания разных видов сырья и кончая окончательной подготовкой их к употреблению».[22]

Характеризуя средневековое феодальное земледелие, в сравнении с капиталистическим земледелием, Ленин отмечал «однообразие рутинного натурального хозяйства», «неподвижность старинных систем полеводства» при пользовании первобытных земледельческих орудий, односторонность и однобокость патриархального земледелия.[23]

Жатва. XIV век. Со старинной миниатюры.

«В чем состояла сущность крепостнического хозяйства? В том, что крестьяне получали от помещика надел для прокормления своей семьи, а за это должны были работать три дня (а иногда и больше) на помещичьей земле. Вместо того, чтобы платить рабочему деньгами, как платят теперь повсюду в городах, платили землей. С надела, получаемого от помещика, крестьянин мог едва-едва прокормиться. И за этот корм крестьянин и сам и вся его семья должны были обрабатывать помещичью землю крестьянскими же лошадьми, крестьянскими орудиями или инвентарем. Такова сущность крепостнического хозяйства: нищенский надел вместо платы за труд; обработка помещичьей земли крестьянским трудом и крестьянским инвентарем; принуждение крестьянина работать из-под

палки помещика. При таком хозяйстве крестьянин и сам должен был становиться крепостным, потому что без принуждения силой ни один человек, сидящий на наделе, не стал бы работать на помещика».[24]

Князья и бояре имели вотчины и дворцовое хозяйство, обычно возглавляемое дворецкими или дворьскими. Дворецкий заведывал княжескими или боярскими землями и полностью распоряжался тягловыми людьми. Дворецкие княжеских вотчин даже получали право суда в отношении крепостных крестьян данной вотчины.

В XIV веке растут и монастырские вотчины. В 1365 г. московский митрополит Алексей основал Чудов монастырь.[25] Он находился в Кремле, являясь центром феодально-крепостнической церковной пропаганды. Благодаря княжеской власти Чудов монастырь скоро приобрел огромные земельные владения.

Монастырские вотчины имели сложное хозяйство.

Уставная грамота митрополита Киприана Константиновскому монастырю от 1391 г. показывает многообразие феодальных повинностей, возлагаемых на монастырских крестьян-сирот. Согласно утверждению игумена Царко большие люди из монастырских сел были обязаны церковь наряжати, монастырь и двор тынити, хоромы ставить, игуменов жеребей весь ролы орать взгоном, и сеяти и пожати и свезти, сено косити десятинами и в двор ввезти, ез бити и вешней и зимней, сады оплетать, на невод ходити, пруды прудить, на бобры им в осенние понти, а истоки им забивати; а на Велик день и на Петров день приходят к игумену, что у кого в руках; а пешеходцем из сел к празднику рожь молоти и хлебы печи, солод молоть, пива варить, на семя рожь молотить; а лен даст игумен в села, и они прядуть, сежи и дели неводные наряжают; а дают из сел все люди на праздник яловицу (но одинова ми, господине, добили челом, а не в пошлину, тремя барапы, и из их пожаловал за яловицу, занеже ми была ненадобе яловица, а по пошлине по старой всегды ходит яловица на праздник); а в которое село приедет игумен в братшину и сыпци дают по зобне овса конем игуменовым».[26]

Из этого весьма подробного перечня феодальных повинностей следует то, что монастырские крестьяне в конце XIV в. отбывали одновременно и барщину (отработочная рента) и пошлины (продуктовая рента). Крестьяне, принадлежащие Константиновскому монастырю, били челом митрополиту Киприану об облегчении их участи, но ничего не добились. Киприан ответил им: «ходите ж вси по моей грамоте; игумен сироты держи, а сироты игумена слушайте, а дело монастырское делайте».[27]

Крестьянский сход. С картины худ. К. Лебедева.

Положение крестьян как в монастырских, так и светских феодальных вотчинах было очень тяжелое. Характеризуя положение крепостных крестьян, Ленин писал «...вся история помещичьего землевладения и хозяйства в России, все данные о теперешнем помещичьем хозяйстве показывают, что помещичье «руководство» всегда означало и означает безмерные насилия над крестьянами, бесконечное надругательство над личностью крестьян и крестьянок, означает самую бессовестную, бесстыдную, нигде в мире невиданную эксплуатацию (по-русски это значит: ограбление) крестьянского труда».[28]

Пахота.

Ограблению крестьянского труда как монастырскими, так и светскими феодалами способствуют специфические условия хозяйствования и быта в феодально-крепостническую эпоху. Раздробленность феодального производства порождает разобщенность самих землевладельцев.

Прикованные к своему наделу, к своей крохотной общи-

не», они, — писал Ленин о земледельцах, — были резко отделены даже от крестьян соседней общины различием тех разрядов, к которым они принадлежали (бывшие владельческие, бывшие государственные и т. д.), различиями в величине своего землевладения, — различиями в тех условиях, на которых произошла их эмансипация (а эти условия определялись иногда просто личными свойствами помещиков и их прихотью)». [29]

Средневековое земледелие характеризуется оторванностью земледельца от всего того, что делалось на свете за пределами его деревни», местной замкнутостью, ограниченностью и изолированностью хозяйства, поразительной раздробленностью мелких производителей и прикреплением «массы земледельцев к их месту жительства». [30]

Разоблачая эсеров, Владимир Ильич особенно подчеркивал, что «именно средневековая замкнутость полукрепостной общины, раздробляющей крестьянство на крохотные союзы... поддерживает традиции косности, забитости и одичалости». [31]

«Как ни тяжел был гнет, под которым приходилось стонать крестьянам, — писал Энгельс, — толкнуть их на восстание было все-таки очень трудно. Их раздробленность чрезвычайно сильно затрудняла возможность общего соглашения. Долгая привычка к подчинению, переходившая от поколения к поколению, отвычка во многих местностях от употребления оружия; то усиливающаяся, то ослабляющая, в зависимости от личности господина, жестокость эксплоатации — все это содействовало тому, чтобы крестьяне оставались спокойными». [32]

*

Одновременно с ростом земледелия развиваются и торгово-денежные отношения. Энгельс не исключал возможности и развития обмена в позднее время феодальной эпохи. Говоря о крестьянской семье в средневековом обществе, Энгельс писал:

«Производить на продажу она начинала тогда только, когда у нее оставался излишек от собственного потребления и после уплаты натуральных повинностей господину: этот пущенный в обмен излишек становился товаром. Городские ремесленники должны были, конечно, с самого начала производить для обмена. Но они сами же производили большую часть нужных для собственного потребления предметов, они имели сады и небольшие поля, пасли свой скот в общинном лесу, который, кроме того, доставлял им строительный материал и топливо; женщины пряли лен и шерсть и т. д. Производство с целью обмена, производство товаров еще только возникало. Отсюда — ограниченность обмена, ограниченность рынков, устойчивый

способ производства, местная замкнутость по отношению к внешнему миру, тесное единение в местной среде: марка (т. е. земельная община — *В. Г.*) в деревнях, цехи в городах».[34]

Таким образом в раннее время феодальной эпохи «товарное производство находится в зачаточном состоянии» (Энгельс). Оно растет по мере развития местных рынков.

Наряду с крупными торговыми центрами Междуречья, обычно совпадавшими с военно-административными пунктами великого княжества, в начале XV столетия растут местные рынки. Выделяются торговые села, куда ездят со своими продуктами и крестьяне. Об этом свидетельствуют жалованные грамоты. В одной из них, данной звенигородским князем Юрием Димитриевичем Савво-Сторожевскому монастырю, указывается порядок взимания торговых пошлин с монастырских крестьян: «который хрестьянин манастырский купит или меняет, и он пятнит в манастыре; а которой хрестьянин манастырской продасть в торгу или в селе, и они тамгу платят игумену Саве в монастыре».[35]

Рост городов и развитие местных рынков вело к упадку натурального хозяйства.

«По мере упадка натурального хозяйства, один за другим вид обработки сырья превращался в особые отрасли промышленности».[36]

Продукция крепостной промышленности реализовалась уже за пределами вотчины. Это имело огромное значение в росте общественного разделения труда. По определению Маркса: «Основой всякого развитого разделения труда, осуществляющегося путем товарного обмена, является отделение города от деревни».[38]

Промышленная деятельность не являлась лишь уделом городов. Огромные пространства русской земли, разбросанность населения благоприятствовали развитию сельской промышленности.

Энгельс в своих сочинениях о России говорит о специфических формах организации промышленной деятельности — артелях. Артель, — «это широко распространенная в России форма товарищества, простейшая форма... кооперации, подобной той, которая существует у охотничьих племен во время охоты. И по названию, и по существу она — татарского, а не славянского происхождения. И то, и другое встречается у киргизов, якутов и т. д., с одной стороны, и у лопарей, самоедов и других финских народов — с другой. Поэтому артель и развивается первоначально не на юго-западе России, а на севере и востоке, в местах соприкосновения с финнами и татарами. Суровый

климат требует разнородной промышленной деятельности, и недостаток городского развития и капиталов возмещается по возможности этой формой кооперации. Один из самых отличительных признаков артели, круговая порука ее членов друг за друга перед третьими лицами, покоится первоначально на связях кровного родства, подобно Gewere (взаимной поруке) у древних германцев, кровной мести и т. д.[37]

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕГЕМОНИЯ МОСКОВСКИХ КНЯЗЕЙ НА РУСИ

Подъем сельского хозяйства, увеличение пашни, рост обмена между русскими княжествами, расширение торговых связей с Западом и Востоком порождали центростремительные тенденции среди народов Восточной Европы.

Несмотря на то что данические отношения между русскими княжествами и Ордой восстановились в результате неожиданного набега хана Тохтамыша, Русь продолжала расти и крепнуть. Ведущая роль в этом росте принадлежала великому Московскому княжеству.

Преемник Димитрия Донского — его старший сын Василий I удачно продолжает княжескую политику собирания русской земли.

После того как на территории междуречья Оки и Волги оформились феодальные великие княжества, встал вопрос о судьбе, т. е. независимости отдельных, прежде всего слабых, великих княжеств.

Московский князь Василий Димитриевич упорно добивается присоединения к Москве великого Нижегородского княжества. Рассчитывая на поддержку нижегородских бояр, князь Василий Димитриевич решил действовать при помощи хана Тохтамыша. В 1391 г. он приезжает в Орду добиваться ярлыка на Нижегородское княжество. Тохтамыш видел огромную опасность в расширении великого Московского княжества и по этим мотивам не хотел давать ярлыка Василию Димитриевичу. Только лишь богатые подарки Москвы и настойчивость князя Василия могли преодолеть колебания Тохтамыша. Он выдал московскому князю ярлык на Нижегородское княжество, которому подчинялись такие города, как Суздаль, Муром, Городец и Таруса.

Нижегородский князь Борис Константинович не признал ханского ярлыка и не допустил посланников московского князя в город. Но князь Борис Константинович оказался без поддержки населения своего княжества; местные бояре даже составили заговор против князя за присоединение к Москве. Лидер заго-

борщиков боярин Василий Румянец уговорил князя Бориса Константиновича впустить в город московских послов.

Вместе с москвичами вошли в город и вооруженные татары. Князь Борис Константинович был арестован, а Нижегородское княжество присоединено к Москве.

Из этого следует, что собирание русской земли не обходилось без военно-феодального насилия княжеской власти. Только дворянско-буржуазная историография и литература могли создать идиллистические картины этого сурового процесса.

Известный дворянский поэт Аполлон Майков так представлял собирание Руси:

Русь сбирали, и скрепляли,
И ковали броню ей
Всех чинов и званий люди
Под рукой ее царей;
Люди божьи, проникая
В глушь и дикие места,
В дух народный насаждали
Образ чистого христа.

*

Между тем в Золотой Орде происходили трагические события, в связи с вторжением из Средней Азии в Европу завоевателя Тамерлана.

Среднеазиатское ханство Тамерлана основалось на базе Джагатаева улуса, определившегося еще в период империи Чингис-хана. Джагатаев улус, так же как и Золотая Орда, дробился на более мелкие феодальные единицы, возглавляемые потомками Чингис-хана. Теминку Тамерлану удалось сплотить феодальную аристократию улуса и начать успешные завоевательные войны. За короткий период Тамерлан покорил крупнейшие азиатские страны (Индию, Персию и др.) и вторгся в Закавказье.

В 1395 г. Тамерлан разбил войска Тохтамыша, разрушил ханскую столицу Сарай и объявил себя правителем Золотой Орды. После этого Тамерлан идет походом на Русь. Казалось, что русский народ на краю гибели. Но велика страна русская, нелегко завоевать ее огромные пространства, в которых может погибнуть любой грозный враг. Тамерлан боялся погубить свою армию, не приспособленную к длительным войнам в суровых, холодных краях великой Руси.

Тамерлану удалось дойти до г. Ельца, разрушить его, а затем татарские войска вернулись в степь.

1395 год — крупная веха в падении Золотой Орды. Фактически Орда превратилась в один из улусов империи Тамерлана. На ханском столе в Золотой Орде сидел мурза Едигей — ставленник и вассал Тамерлана. Едигей пришел к власти через труп Тохтамыша, воспользовавшись покровительством хана Тамерлана.

В 1408 г. хан Едигей организует поход на Москву, так как князь Василий Димитриевич перестал платить дань. Набег Едигея был неожиданным и внезапным. Он оставил глубокий разрушительный след везде, где прошли татары.

Наступали десятилетия агонии Золотой Орды, наполненные предсмертными страшными конвульсиями. Орда, как одряхлевший зверь, стремилась освежить свой организм новыми и новыми нашествиями на русскую землю. Но эти опустошительные набеги не удаляли, а наоборот, приближали время падения татарского ига. При Иване III, в 1480 году, татаро-монгольское господство было окончательно свергнуто.

В тяжелых испытаниях складывалось мощное политическое объединение вокруг Москвы. В ходе борьбы с внешними врагами за независимость родины формировалась великорусская народность. Народ стремился к единению, политической консолидации в тот момент, когда росли и ширились экономические и культурные связи прежде разобщенных, раздробленных, частей Руси.

Экономические связи различных княжеств Междуречья способствовали созданию великорусского разговорного языка. Древне-славянский язык, господствовавший в предшествующие века, оттесняется на задний план народным великорусским языком.

Таким образом образование великорусской народности связано не только со складыванием устойчивой общности территории, но и общности русского языка, который вырос в один из самых сильных и самых богатых живых языков (Энгельс).

Вместе с тем, складывался русский народный быт, нравы, обычаи и культура.

*

В конце XIV в. с Новгородской феодальной республикой начинается борьба великого Московского княжества, которая завершается лишь в 70-х годах XV в.

Это не первый случай длительных феодальных войн. То, что писал Энгельс о средневековой тактике и войнах между феодалами, подтверждается многочисленными фактами периода феодальной раздробленности на Руси.

«В отношении развития тактики все средневековье является совершенно бесплодным периодом, каким оно было и для всех других наук. Феодальная система, будучи по самому своему происхождению военной организацией, тем не менее по существу своему была враждебна всякой дисциплине. Обычным явлением были восстания и отложения крупных вассалов вместе с их вооруженными силами. Отдача приказаний военачальникам превращалась обыкновенно в шумный военный совет, который делал невозможными какие бы то ни было широкие операции. Война поэтому редко сосредоточивалась на решающих пунктах; борьба за обладание одним каким-нибудь пунктом заполняла целые кампании».[38]

Прежде всего московские князья стремились овладеть новгородскими колониями, являющимися поставщиками ценных мехов и серебра. В княжение Василия Димитриевича (1389—1425) началось завоевание Двинской земли.

Чтобы закрепить завоеванное, московский великий князь дает в 1397 г. Уставную Двинскую грамоту с перечислением ряда льгот местному боярству. Особенность этого документа состоит в том, что московский князь здесь величает себя князем всея Руси.

«Се яз князь велики Василей Дмитриевичь всея Руси, пожаловал есмь бояр своих Двинских, также сотского, и всех своих черных людей Двинские Земли. Коли кого пожалую своих бояр пошлю наместником к ним в Двинскую Землю, или кого пожалую наместничеством из двинских бояр, и мои наместници ходят по сей по моей грамоте великого князя»...[39]

В 16 пунктах Уставной грамоты выражены торговые льготы для двинских купцов: «А куда поедут двиняне торговати, ино им не надо бе во всей моей отчине в великом княжении тамга, ни мыт, ни костки, ни гостиное, ни явка, ни иные никоторые пошлины.

А через сю мою грамоту кто их чем изобидит, или кто не имет ходити по сей грамоте, быти тому от мене от великого князя в казни».[40]

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ В МОСКОВСКОМ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОМ ДОМЕ

Со времени Ивана Калиты великие князья московские вели интенсивную объединительную политику. Эта политика имела безусловное прогрессивное значение и поддерживалась широкими слоями московского общества. Объединительная политика княжеской власти имела успех потому, что она находила под-

держку среди боярства, духовенства, горожан и мелкого служилого люда.

Конечно, были силы, противодействующие объединительной политике великих московских князей, — это прежде всего удельные князья, терявшие свою силу и власть вследствие централизаторской политики верховной княжеской власти. Они составляют главную оппозицию великому князю и всеми средствами пытаются консервировать удельные порядки, сохранить феодальную раздробленность северо-восточной Руси. Вокруг этого основного вопроса — собирания русской земли вокруг Москвы — происходит борьба внутри господствующего феодального класса. Особенного обострения эта борьба достигла в княжение Василия Васильевича Темного (1425—1462 гг.).

До княжения Василия Темного вопрос о престолонаследии не вызывал особых споров в московском великокняжеском доме, хотя никакого строго установленного порядка престолонаследия не существовало. Были случаи, когда престол переходил от брата к брату (Иван Калита, Иван Красный), и действовало, таким образом, лествичное право занятия престола (от брата к брату), формально типичное для Киевского государства. Но вместе с тем были случаи прямого порядка престолонаследия, т. е. перехода княжеской власти от отца к старшему сыну (Юрий Данилович, Семен Иванович Гордый, Василий Димитриевич). Спора за княжеский стол не возникало потому, что серьезных претендентов основному кандидату в князья не существовало.

Иная обстановка создалась после смерти великого князя Василия Димитриевича. Согласно завещанию умершего князя, великокняжеский стол переходил к его сыну Василию II Васильевичу, которому было всего 10 лет. Таким образом твердо устанавливается прямой порядок престолонаследия, имея в виду то, что к моменту смерти Василия Димитриевича оставался его брат Юрий Димитриевич. Юрий Димитриевич, княживший в то время в Галиче Мерском, выступил как претендент на великокняжеский стол. Началась упорная, долголетняя борьба за власть между двумя фракциями феодального класса.

Малолетний князь Василий Васильевич был представителем тех московских бояр, которые стремились к подрыву самостоятельности удельных князей, к превращению их в послушных вассалов московского князя.

За выполнение тех или иных княжеских поручений вассалам выдавали грамоты на кормление в селениях и городах. В 1426 г. великий князь Василий Васильевич пожаловал Ивана Григорьева Расла и сына его Кондона Ивановича городами Елатьмою на р. Оке и Кадомою. Как кормленщики, они получили право соби-

рать мыт, перевозные пошлины и прочие поместные доходы.

«И вы все люди тех городов и станов и областей, — указывалось в грамоте, — чтите их и слушайте; а они вас ведают; а судити и ходити велят у вас тиунам своим, а доход имать по наказному списку».[11]

Подобная княжеская политика осуждалась защитником удельных традиций Юрием Димитриевичем.

Борьба внутри феодального класса разгоралась.

В ходе этой борьбы исчезает, как понятие, владимирский великокняжеский стол. Великое Владимирское княжение прекращает свое существование в 1432 г., когда ордынский царевич Мансыр-Улан провозгласил Василия Васильевича великим Московским князем. Это, хотя и формальное, обстоятельство еще более усилило борьбу в великокняжеском доме.

Юрию Димитриевичу удалось даже захватить Москву (1433 г.), но в разгар борьбы в 1434 г. он умирает. Борьба не прекращается в новом поколении; сыновья Юрия Димитриевича — Василий Косой и Димитрий Шемяка проявили активную роль в борьбе с Василием II, отстаивая суверенные владения в великом Московском княжестве. Борьба проходила с переменным успехом; Москва переходила из рук в руки. В 1436 г. Василию II удалось захватить Василия Косого и его ослепить.

Внешнее положение великого Московского княжества в 30—40-х гг. XV века осложнилось. Золотая Орда распадалась, и в результате этого распада в 1437 г. из нее выделяется Крымская Орда, основателем которой был Хаджи Гирей.

Казанское ханство к этому времени получило большую независимость и превращалось в опасного соседа на юго-востоке.

В 1439 г. казанские татары во главе с Улу Магометом вторгаются в московские пределы и частично опустошают страну.

В 1445 г. происходит новое крупное сражение с казанскими татарами под Суздалем, очень неудачное для Московского княжества. Князь Василий II был захвачен в плен и освобожден лишь за большой выкуп.

Внешнеполитическими неудачами Василия II воспользовался Димитрий Юрьевич Шемяка для захвата великокняжеского московского стола. Он действовал против Василия II в союзе с можайским князем Иваном Андреевичем и при поддержке тверского князя Бориса.

В 1446 г. Шемяка захватывает Москву и ослепляет Василия II (отсюда его прозвище «Темный»). Ослепленный великий князь Василий II был сослан в дальний Углич, а затем в Вологду. Несмотря на это, борьба за власть не завершилась. Москов-

ское боярство — крупная политическая сила — находилось на стороне Василия Темного, носителя централизаторских тенденций и идеолога сильной стабильной княжеской власти. Лествичный порядок престолонаследия не удовлетворял московских бояр; приезд в Москву нового князя оттеснял московских бояр на второстепенные позиции. Вот почему боярство не только сочувствовало ссыльному, ослепленному Василию II, но и сделало все возможное для того, чтобы возвратить его на московский великокняжеский престол.

В 1453 г. Василий II восстанавливает свои права на московский великокняжеский стол. Побежденный Димитрий Шемяка бежал в Новгород Великий, где и был отравлен.

Таковы итоги борьбы за власть в великокняжеском доме. Удельным традициям был нанесен сокрушительный удар.

Ослепление великого князя Василия II Димитрием Шемякой

Энгельс, констатируя победу королевской власти во второй половине XV столетия «повсюду в Европе, вплоть до отдаленных окраин», подчеркивает, что — «даже в России покорение удельных князей шло рука об руку с освобождением от татарского ига и окончательно было закреплено Иваном III».[42]

Прежде самостоятельные, независимые уделы (Галич, Углич, Можайск, Серпухов и др.) ликвидируются и присоединяются к великому княжеству. К концу княжения Василия Темного территория великого Московского княжества была в 30 раз больше, чем при Иване Калите.

Влияние великого московского князя значительно усиливается в Твери, Рязани, Новгороде и Пскове. Долголетняя борьба (войны 1417, 1441, 1451 гг.) между Москвой и Новгородом из-за Заволочья привела к экономическому господству московских феодалов в Новгородской земле. Московские князья держали в своих руках торговлю с «низом» (Рязанью и средневолжскими городами), откуда для Новгорода шел хлеб.

Влияние московского князя в Новгородской республике настолько усилилось, что вечевые грамоты считались недействительными без великокняжеской печати. Московский князь добивается права облагать новгородцев податью «черным бором».

Все эти факты говорят о наличии предпосылок к образованию Московского централизованного государства.

Какие выводы следует сделать из анализа тех событий, которые определяют предпосылки к созданию русского национального государства?

Объективный смысл княжеской политики в рассматриваемый период состоит в разрешении задач, весьма необходимых для судьбы русского народа: ликвидации феодальной раздробленности, собирании земли русской, объединении мелких феодальных полугосударств (княжеств, земель) в Московское централизованное государство.

Это показывает, что собирание земли русской вокруг Москвы имело огромное прогрессивное значение, так как здесь, около Москвы, закладывался фундамент для создания русского национального государства.

Маркс в своей работе «Секретная дипломатия XVIII в.» писал, что «империя Рюриковичей предшествует образованию Польши, Литвы, Балтийских поселений, Турции и самого Московского государства».[43]

Из этих слов следуют, по крайней мере, два вывода: во-первых — империя Рюриковичей охватила своим влиянием огромную территорию Восточной Европы (на которой впоследствии образовались крупные феодальные государства); во-вторых — империя Рюриковичей таила в себе зародыши новых политических образований, из которых впоследствии оформились крупные феодальные государства.

Это выше указанное положение Маркса дает ключ к выяснению характера взаимоотношений между Киевским государством и

Центральным междуречьем Волги и Оки. С другой стороны, данное положение дает возможность рассматривать великое Владимирское княжество как важную ступень перехода от империи Рюриковичей к Московскому царству и как ядро будущего русского национального государства.

Великое Владимирское княжество было типичным самостоятельным полугосударством, характерным для периода феодальной раздробленности. В отличие от Галицко-Волынского княжества и Новгородской земли оно явилось главным фундаментом для русского национального государства, объединение которого произошло вокруг Москвы.

ПРИМЕЧАНИЯ

К главе первой

1. Ф. Энгельс. О роли труда в процессе развития от обезьяны к человеку. Соч. т. XIV, стр. 452.
2. К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. 1935 г., стр. 18.
3. История ВКП(б), краткий курс. Под редакцией Комиссии ЦК ВКП(б). Одобрен ЦК ВКП(б). Госуд. изд. полит. литер., 1938 г., стр. 114
4. Там же, стр. 116.
5. Там же, стр. 113.
6. А. Леонтьев. Сокровищница марксистской теории. «Правда» № 183, 1937 г.
7. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 629.
8. В. И. Ленин. Аграрный вопрос и «критики Маркса». Соч. т. IV, стр. 182.
9. История ВКП(б), краткий курс. Под редакцией Комиссии ЦК ВКП(б). Одобрен ЦК ВКП(б). Гос. изд. полит. литер., 1938 г., стр. 119
10. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. XVI, ч. 1, стр. 76:
11. Там же, стр. 77.
12. Там же, стр. 78.
13. Там же, стр. 134.
14. Там же, стр. 76.
15. В. И. Ленин. О государстве. Соч. т. XXIV, стр. 365.
16. М. И. Артамонов, проф. Археологические исследования в СССР. «Правда» 7 февраля 1938 г.
17. Там же.
18. В. Городцов. Бронзовый век на территории СССР. БСЭ т. VII, стр. 610—626.
19. В. И. Ленин. Соч. т. XXIV стр. 369.
20. Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии. Карл Маркс. избр. произв., т. I, стр. 360, 1934 г.
21. Там же, стр. 362.
22. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. XVI, ч. 1, стр. 78.
23. К. Маркс. Капитал, т. 1, стр. 427. Партиздат 1936 г.
24. Ф. Энгельс. Развитие социализма от утопии к науке. Соцэкгиз, 1931 г., стр. 80.
25. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, т. XVI, ч. 1, стр. 118.
26. История ВКП(б), краткий курс. Под редакцией Комиссии ЦК ВКП(б). Одобрен ЦК ВКП(б). Гос. изд. полит. литер., 1938 г., стр. 124
27. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. XVI, ч. 1, стр. 77.
28. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Т. XVI, ч. 1, стр. 42.
29. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. XVI, ч. 1, стр. 42.
30. Там же, стр. 78.

31. В. И. Ленин. Соч. т. XXIV, стр. 366.
32. Там же, стр. 369.
33. Там же, стр. 370.
34. Хрестоматия по древней истории. Под редакцией акад. В. В. Струве, т. I, изд. 1936 г., стр. 163.
35. Там же, стр. 163.
36. Хрестоматия по русской истории. Сост. В. Коваленский т. I, стр. 12—13. Изд. т-ва «Мир», М. 1914 г.
37. Хрестоматия по древней истории. Под ред. акад. В. В. Струве. т. I, стр. 164.
38. «Железный век». БСЭ, т. 24, стр. 788.
39. М. И. Артамонов. Обзор археологических источников эпохи возникновения феодализма в Восточной Европе. «Проблемы истории докапиталистических обществ № 9—10 за 1935 г., стр. 272.
40. Летопись Нестора со включением Поучения Владимира Мономаха, стр. 5, изд. И. Глазунова, СПБ. 1893 г.
41. К. Д. Кавелин. Соч., т. II, стр. 599.
42. С. Ф. Платонов. Учебник русской истории, 1915 г., стр. 73—74.
43. Там же, стр. 75.
44. Там же, стр. 75.
45. М. К. Любавский. Образование основной государственной территории великорусской народности, стр. 11—12.
46. А. Савич. Очерк истории мордвы (XII—XVII вв.). Журнал «История в школе», № 3, 1936 г.
47. В. И. Ленин. Соч., т. III, стр. 463.
48. Там же, стр. 438.
49. С. В. Ешевский Соч. по русской истории. М., 1910 г., стр. 297.
50. М. Н. Покровский. Возникновение Московского государства и «великорусская народность». Приложение к «Русской истории с древнейших времен», т. I, стр. 237.
51. Там же, стр. 239.
52. М. Н. Покровский. Сочинения по русской истории. М., 1919 г., стр. 250.
53. Б. Д. Греков. Феодальные отношения в Киевском государстве, стр. 33.
54. К. Маркс. «Хронологические выписки». «Большевик», № 24, 1936 г., стр. 51.
55. Памятники истории Киевского государства IX—XII вв., 1936 г., стр. 20.
56. Летопись Нестора. Изд. И. Глазунова 1893 г., стр. 4—5.
57. В. И. Ленин. Соч. т. XXIV, стр. 366—367.
58. В. И. Ленин. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности. Соч. т. XXII, стр. 513.

К главе второй

1. Цитирую из статьи «Правды» — «Великий русский народ», от 15 января 1937 г.
2. В. Пархоменко. К вопросу о «норманском завоевании» и происхождение Руси. «Историк марксист», 1938 г., № 4, стр. 111.
3. Памятники истории Киевского государства IX—XII вв. 1936 г., стр. 23.
4. Там же, стр. 26.

5. Ф. Энгельс. Анти Дюринг. Стр. 130—131, изд. 1934 г.
6. Летопись Нестора со включением Поучения Владимира Мономаха. Стр. 9—11, изд. И. Глазунова, СПБ, 1893 г.
7. Б. Д. Греков. Феодальные отношения в Киевском государстве. Изд. Академии наук СССР. М—Л. 1936 г., стр. 172—173.
8. Памятники истории Киевского государства IX—XII вв. Соцэкгиз, 1936 г., стр. 63.
9. Лаврентьевская летопись, стр. 54—57.
10. Лаврентьевская летопись. События за годы 6454 (946) и 6455 (947).
11. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 439.
12. Ф. Энгельс. Бруно Бауэр и раннее христианство. Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XV, стр. 607.
13. Хрестоматия по русской истории. Составил М. Ковалевский. т. I. стр. 28, 1914 г.
14. Летопись по Лаврентьевскому списку. Лето 6488.
15. Ф. Энгельс. Бруно Бауэр и раннее христианство. Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XV, стр. 609.
16. Хрестоматия по русской истории. Сост. М. Ковалевский т. I. стр. 51.
17. Постановление жюри Правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3 и 4 классов средней школы по истории СССР. Сборник «К изучению истории» стр. 38. Партиздат ЦК ВКП(б). 1937 г.
18. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. IX. стр. 439.
19. Постановление жюри Правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3 и 4 классов средней школы по истории СССР. Сборник «К изучению истории», стр. 38. Партиздат ЦК ВКП(б). 1937 г.
20. И. Сталин, А. Жданов, С. Киров. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР. Сборник «К изучению истории», стр. 24.
21. «По великой дороге коммунизма», передовая статья «Правды» от 11 января 1937 г.
22. Н. Рожков. Обзор русской истории с социологической точки зрения. Ч. 1. М. 1905, стр. 114—115.
23. В. И. Ленин. Соч., т. V, стр. 92.
24. В. И. Ленин. Перлы народнического прожектерства. Соч., т. II, стр. 281.
25. В. Ключевский. История сословий в России. 1914 г., стр. 1.
26. Б. Д. Греков. Предисловие к книге «Памятники истории Киевского государства IX—XII вв.», 1936 г., стр. 12—13.
27. В. И. Ленин. Соч. т. III, стр. 494.
28. В. И. Ленин. Соч. т. XI, стр. 98.
29. Б. Д. Греков. Предисловие к книге «Памятники истории Киевского государства IX—XII вв.», стр. 13.
30. В. И. Ленин. Великий почин. Соч. т. XXIV. стр. 336.
31. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. XVI, ч. 1. стр. 441.
32. В. И. Ленин. Собр. соч. т. III, стр. 254.
33. Там же, стр. 254.
34. Русская правда в четырех редакциях. По спискам Архангельскому, Троицкому и князя Оболенского. Изд. В. Сергеевича, 1911 г., стр. 37.
35. Там же, стр. 19.
36. В. И. Ленин. Соч. т. III. стр. 254—255.
37. Там же, стр. 255.

38. А. Дубынин. Раскопки Суздальского кремля. «Рабочий край», сентябрь, 1936 г.
39. Памятники истории Киевского государства IX—XII вв. 1936 г., стр. 90.
40. Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. Партиздат. 1932 г., стр. 32.
41. В. И. Ленин. Аграрная программа русской социал-демократии. Соч. т. V, стр. 92.
42. К. Маркс. Секретная дипломатия.
43. А. Е. Пресняков. Образование великорусского государства. стр. 30. П. 1918 г.
44. Памятники истории Киевского государства IX—XII вв. Соцэкгиз, 1936 г., стр. 95.
45. И. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом. Партиздат, 1933 г., стр. 8—9.
46. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. VIII, стр. 131.
47. С. Соловьев. История России, т. II, стр. 40.
48. Хрестоматия по русской истории. Сост. М. Коваленский, т. I, стр. 66.
49. Там же.
50. Хрестоматия по русской истории. Сост. М. Коваленский, т. I. стр. 65.
51. В. Ключевский. Курс русской истории, ч. 1, стр. 385.
52. А. Е. Пресняков. Образование великорусского государства. стр. 34.
53. В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Соч. т. III. стр. 240.
54. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. IV, стр. 14.
55. В. О. Ключевский. Боярская дума. 4-е изд., стр. 91.
56. Полное собрание русских летописей, т. IX. стр. 158.
57. Та же, т. IV, стр. 153.
58. То же, т. V, стр. 161.
59. То же, т. XV, стр. 225.
60. Д. Я. Корсаков. Меря и Ростовское княжество. стр. 67.
61. А. Е. Пресняков. Образование великорусского государства. стр. 32.

К главе третьей

1. Проф. Д. Шестаков. Основные проблемы учебника «Краткий курс истории СССР». Журнал «Историк-марксист», кн. 3-я, стр. 88, 1937 г.
2. С. М. Соловьев. История России, кн. 1. Изд. Общественная польза». СПБ, стр. 76.
3. А. С. Уваров. Меряне и их быт по курганным раскопкам. Труды II археологического съезда, т. II, стр. 674.
4. Никоновская летопись, 1177 г.
5. Полное собрание русских летописей, т. II, стр. 520—521.
6. Там же, стр. 520
7. Новгородская 1-я летопись, изд. 1888 г., стр. 149.
8. С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Т. I. стр. 490.
9. К. Маркс. Секретная дипломатия.
10. Б. Д. Греков. Феодальные отношения в Киевском государстве. Стр. 76.

11. К. Маркс. Капитал. Т. I. стр. 310, 1923 г.
12. Б. Д. Греков. Феодальные отношения в Киевском государстве. Стр. 102.
13. В. И. Ленин К деревенской бедноте. Соч. т. V. стр. 267.
14. В. И. Ленин. Соч. т. III, стр. 139.
15. Там же. стр. 139—140.
16. В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма. Соч. т. XXIII, стр. 486.
17. А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья Северной Руси, т. II, стр. 385—386.
18. Д. Г. Рохлин и В. С. Майкова-Строганова. Рентгено-антропологическое исследование скелета Андрея Боголюбского. «Проблемы истории докапиталистических обществ» № 9—10, 1935 г., стр. 161.
19. В. И. Ленин. Доклад на II всесоюзном съезде профсоюзов. Соч. т. XXIII, стр. 486.
20. М. Н. Покровский. Русская история. т. I, стр. 90.
21. Там же, стр. 89.
22. М. Н. Покровский. Русская история в сжатом очерке. ч. I и II. стр. 10, 1931 г.
23. В. И. Ленин. К оценке русской революции. Соч. т. XII. стр. 208.
24. В. И. Ленин. Соч. т. XXIV, стр. 303.
25. В. И. Ленин. О значении золота. Соч. т. XXVII, стр. 80.
26. В. И. Ленин. Что делать? Соч. т. IV, стр. 384.
27. В. И. Ленин. Соч. т. V, стр. 311.
28. В. И. Ленин. Соч. т. XXIV, стр. 375.
29. В. И. Ленин. Соч. т. XXIV, стр. 371.
30. А. Е. Пресняков. Образование великорусского государства. Стр. 37.
31. И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. Вып. VI, СПБ. 1899 г.
32. Н. П. Кондаков. О научных задачах истории древнерусского искусства. «Памятники древней письменности». Вып. 132. 1899 г.
33. «Слово о полку Игореве,» стр. 30, 1935 г.
34. Там же, стр. 27.
35. Там же, стр. 43.
36. Отзыв Маркса о «Слове», «Правда» 9 мая 1938 г.
37. Там же.
38. Михаил Чиковани. Шота Руставели и народное творчество. «Правда» от 7 октября 1937 г.
39. Бессмертное творение древней русской литературы. Передовая «Правды» от 25 мая 1938 г.
40. Полное собрание русских летописей, т. X. стр. 64.
41. Лаврентьевская летопись. стр. 418.
42. Полное собрание русских летописей. Изд. «Археологич. общества» т. I. стр. 189.
43. Лаврентьевская летопись, стр. 429.
44. Б. Греков. Татарское нашествие «Исторический журнал». № 6. 1937 г., стр. 52.

К главе четвертой

1. К. Маркс. Секретная дипломатия.
2. К. Маркс. К критике политической экономии. Партиздат. 1932 г., стр. 29.

3. Ф. Энгельс. Армия. Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XI, ч. 2-я, стр. 387.
4. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. XI, ч. 2-я, стр. 445.
5. Там же, стр. 445.
6. Ф. Энгельс. Кавалерия. Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XI, ч. 2-я, стр. 445.
7. Е. Леваковская. Древняя Монголия. «Борьба классов» № 6, 1936 г., стр. 71.
8. Б. Греков. Татарское нашествие. «Исторический журнал» № 6, 1937 г., стр. 57. Более подробно о взаимоотношениях русских княжеств с Золотой Ордой в работе Б. Грекова и А. Якубовского «Золотая Орда». Очерки истории Улуса Джучи в период сложения и расцвета в XIII—XIV вв. Соцэкгиз, Л. 1937 г.
9. Б. Я. Владимирцов, акад. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., изд. Академии наук СССР, 1934 г., стр. 194—195.
10. В. И. Ленин. Соч. т. III, стр. 242.
11. К. Маркс. Секретная дипломатия.
12. Там же.
13. И. Сталин. Статьи и речи об Украине. Партиздат ЦК УКП(б). 1936 г., стр. 40.
14. К. Маркс. Хронологические выписки. «Большевик» № 24. 1936 г., стр. 54.
15. Псковская летопись. Изд. М. Погодина. 1837 г., стр. 5.
16. В. И. Ленин. Соч. т. XXIII, стр. 158.
17. Первая Софийская летопись, стр. 179.
18. Там же, стр. 180.
19. Там же, стр. 180.
20. Русско-Ливонские акты, собранные В. Кальерским. СПБ, 1886 г., № 16.
21. Из рукописи К. Маркса «Хронологические выписки». «Большевик» № 24, 1936 г., стр. 52, 53, 54.
22. Там же, стр. 53.
23. Там же, стр. 51.
24. «Великий русский народ». Передовая статья «Правды» 15 января 1937 г.
25. Об одной гнилой концепции. «Правда» за 10 февраля 1936 г.
26. В. И. Ленин. Соч. т. XVIII, стр. 81.
27. Там же, стр. 81.
28. Лаврентьевская летопись, стр. 451.
29. С. Ф. Платонов, проф. Учебник русской истории. Изд. 6-е, 1915 г., стр. 60.
30. В. И. Ленин. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности. Соч. т. XXII, стр. 517.
31. И. Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. 3-е, М.—Л. 1931 г., стр. 439.
32. И. Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. 10, стр. 445.
33. И. Сталин, А. Жданов и С. Киров. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР. Сборник «На фронте исторических наук», стр. 13.
34. В. И. Ленин. Соч. т. I, стр. 73.
35. И. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сборник статей и речей, стр. 5—6.
36. Там же, стр. 73.

37. К. Маркс. Секретная дипломатия.
38. А. Е. Пресняков. Образование великорусского государства, стр. 49.
39. Н. П. Милонов. Археологические разведки в Тверском кремле. Проблемы истории докапиталистических обществ» № 9—10, 1935 г., стр. 151.
40. С. Соловьев. История России с древнейших времен. Т. III, стр. 230.

К главе пятой

1. Собрание государственных грамот и договоров , стр. 9.
2. А. Е. Пресняков. Образование. великорусского государства. Стр. 100.
3. В. Тизенгаузен. Сборник материалов. относящихся к истории Золотой Орды. Перевод с арабского, стр. 234.
4. К. Маркс. Секретная дипломатия.
5. Там же.
6. Хрестоматия по русской истории. Сост. М. Коваленскии. Т. I, стр. 108.
7. М. Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русского права, т. II.
8. Хрестоматия по русской истории. Сост. М. Коваленский. Т. I, стр. 123—124.
9. Хрестоматия по русской истории. Сост. М. Коваленский. Т. I, 1934 г., стр. 117.
10. И. Сталин, А. Жданов. С. Киров. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР. «К изучению истории , стр. 22.
11. «Собрание государственных грамот и договоров» № 7, стр. 9.
12. Ф. Энгельс. Внешняя политика русского царизма. Соч. т. XVI, ч. 2-я, стр. 10.
13. Ф. Энгельс. Пехота. Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XI, ч. 2-я, стр. 475.
14. Хрестоматия по русской истории. Сост. М. Коваленский. Т. I, стр. 125.
15. В. Ключевский. проф. Курс русской истории. Ч. II, стр. 61. 1923 г.
16. Постановление Комитета по делам искусства при Совнаркоме Союза ССР. «Правда» от 14 ноября 1936 г.
17. «Правда» от 25 мая 1938 г.
18. «Собрание государственных грамот и договоров № 1, стр. 63. Договорная грамота 1388 г.
19. С. Б. Веселовский. Село и деревня в северо восточной Руси XIV—XVI вв. М.—Л. 1936 г., стр. 55.
20. Г. В. Плеханов. Наши разногласия. Соч. т. I, стр. 280, изд. 1920 г.
21. К. Маркс. Капитал. Т. III. ч. 2-я, стр. 332.
22. В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Т. III, стр. 15.
23. Там же, стр. 240.
24. В. И. Ленин. Проект речи по аграрному вопросу во второй государственной думе. Соч. т. XI, стр. 97.
25. Московский кафедральный Чудов монастырь. Сергиева Лавра. 1896 г.

26. Феодальная деревня Московского государства XIV—XVI вв. Сборник документов. Соцэкгиз, 1935 г., стр. 17.
27. Там же, стр. 18.
28. В. И. Ленин. Проект речи по аграрному вопросу во второй государственной думе. Соч. т. XI, стр. 96.
29. В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Соч. т. III, стр. 241.
30. Там же.
31. В. И. Ленин. Революционный авантюризм. Соч. т. V, стр. 158.
32. Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. Собр. соч. т. VIII, стр. 126.
33. Ф. Энгельс. Развитие социализма от утопии к науке. Избр. произв. К. Маркса, т. I, стр. 129—130.
34. Хрестоматия по русской истории. Сост. М. Коваленский. Т. I, стр. 113.
35. В. И. Ленин. Соч. т. III, стр. 264.
36. К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 266, 1931 г.
37. К. Маркс и Ф. Энгельс. О России. К. Маркс, Избр. произв. в 2 томах, т. II, стр. 531, 1934 г.
38. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. XI, ч. 2-я, стр. 387.
39. М. Г. Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русского права, т. II.
40. Там же.
41. Хрестоматия по русской истории. Сост. М. Коваленский. Т. I, стр. 113. 1914 г.
42. Ф. Энгельс. О разложении феодализма и развитии буржуазии. Соч. т. XVI, ч. 1, стр. 449—450.
43. Цитирую по книге Б. Д. Грекова — Феодальные отношения в Киевском государстве, стр. 9.

ХРОНОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ

Дата	События
839	Прибыли послы «Хакана» русов к императору Людовику Благочестивому в составе посольства от византийского императора Феофила.
859	Северо-восточные и приволжские племена славян платят дань варягам.
862	Изгнание варягов за море и прекращение уплаты дани. Летописный рассказ о призвании Рюрика и его братьев Трувора и Синеуса.
863	Борьба новгородцев во главе с Вадимом Храбрым против Рюрика.
882	Поход князя Олега в Волжско-Окское междуречье. Племя меря платит дань князю Олегу.
907	Участие мери в походе Олега на Царьград.
911	Договор Олега с греками, в котором упоминается Ростов.
988	Введение христианства на Руси.
1024	Восстание смердов (крестьян) под руководством волхвов в Ростово-Суздальской земле.
1071	Второе восстание смердов в Ростовской земле и Белозерье.
1096	Поход Олега Святославича в Ростовскую землю.
1097	Княжеский съезд в Любече. Ростово-Суздальская земля — вотчина Владимира Всеволодовича Мономаха.
1091—1154	Юрий Владимирович Долгорукий—основоположник княжеской династии в Ростово-Суздальской земле.
1120	Первый поход Юрия Долгорукого против камских болгар.
1135	Разгром суздальцами новгородцев в битве на Жданой горе.
1138	Сын Юрия Долгорукого Ростислав — князь новгородский.
1146—1154	Борьба за киевское княжение между Изяславом Мстиславичем и князем Юрием Долгоруким
1147	Первое летописное упоминание о Москве, как вотчине князя Юрия Долгорукого.
1152	Закладка города Юрьева-Польского.
1154—1157	Княжение Юрия Долгорукого в Киеве.

1157—1158	Восстание горожан в Киеве и смердов «по селам» против суздальцев после смерти Юрия Долгорукого.
1157—1175	Княжение Андрея Юрьевича Боголюбского в Суздале и Владимире.
1156	Основание города Москвы.
1158	Закладка Успенского собора во Владимире на Клязьме Строительство каменного замка в с. Боголюбово.
1162	Ссылка епископа Леона и попытка Андрея Боголюбского создать независимую от Киева митрополию.
1169	Борьба с Новгородом Великим. Поход суздальской рати на Киев и разгром его.
1169	Фактическое распоряжение судьбами Киевского княжества переходит в руки Андрея Юрьевича Боголюбского.
1172	Поход Андрея Боголюбского на завоевание мордовских земель. Разгром «Абрамова городища».
1175	Дворцовый заговор Кучковичей и восстание во Владимире и Боголюбове. Убийство князя Андрея Боголюбского.
1175—1177	Борьба за власть между братьями и племянниками Андрея Боголюбского.
1177—1212	Княжение Всеволода Юрьевича по прозвищу «Большое Гнездо».
1182	Подчинение Новгорода власти владимирского великого князя Всеволода III Юрьевича.
1184	Поход Всеволода Юрьевича на болгар.
1185	Создание единого летописного свода.
1193	Начало строительства Дмитровского собора — выдающегося памятника владимиро-суздальского зодчества.
1212—1217	Борьба между Всеволодовичами за власть.
1217—1219	Княжение Константина Всеволодовича.
1219—1238	Великое княжение Юрия II Всеволодовича.
1221	Закладка Нижнего-Новгорода в мордовской земле.
1223	Битва с татарами на р. Калке.
1229	Восстание мордвы под руководством Пургаса. Сожжение Нижнего-Новгорода.
1238	Разгром Владимира монголо-татарскими завоевателями во главе с ханом Батыем.
1242	Разгром немецких захватчиков на льду Чудского озера Александром Невским.
1243	Князь Ярослав Всеволодович получает от хана Батыя ярлык на великое владимирское княжение.
1252—1263	Княжение Александра Ярославича Невского во Владимире

1262	Восстания против татарских сборщиков дани в Ростове, Суздале и Ярославле.
1264—1271	Ярослав Ярославич — великий владимирский князь.
1300	Перенесение митрополичьей кафедры из Киева во Владимир.
1304—1318	Великое княжение Михаила Ярославича (тверского).
1304—1328	Борьба за владимирское великое княжение между Москвой и Тверью.
1318	Убийство великого князя Михаила Ярославича в Орде.
1319—1322	Великое княжение Юрия Даниловича (московского).
1322—1325	Великое княжение Димитрия Михайловича (тверского).
1325	Убийство московского князя Юрия Даниловича великим князем Димитрием Михайловичем в Орде.
1328	Иван Калита добивается ярлыка на великое Владимирское княжение.
1359—1389	Княжение Димитрия Ивановича Донского.
1377	Разорение мордовской земли суздальскими князьями.
1380	Куликовская битва с татарами.
1432	Прекращение существования великого Владимирского княжества.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ СУЗДАЛЬСКОЙ РУСИ

Труды основоположников марксизма-ленинизма

К. Маркс. — Хронологические выписки. «Большевик» № 24, 1936 г.

К. Маркс — Традиционная политика России. Соч. т. IX.

Ф. Энгельс. — Происхождение семьи, частной собственности и государства. Соч. т. XVI, ч. 1.

В. И. Ленин. — Развитие капитализма в России. Соч. т. III, гл. 3 (вопрос о закабалении смердов).

В. И. Ленин. — Левонародничество и марксизм. Соч. т. XVII.

И. Сталин, А. Жданов и С. Киров. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР.

И. Сталин. — Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом. Партиздат, 1933 г.

Общая литература

Г. В. Аничков. — Язычество и древняя Русь. СПБ, 1914.

Н. Я. Аристов. — Промышленность древней Руси. СПБ, 1866.

А. Бунин. — О времени основания г. Владимира на Клязьме.

И. Д. Беляев. — Русская земля перед прибытием Рюрика, «Временник общества истории и древностей российских», т. VIII, М. 1850; Крестьяне на Руси, изд. 4-е 1903; Города на Руси до монголов, «Ж. М. Н. П.», ч. 57, СПБ, 1848.

С. Бахрушин. — К вопросу о крещении Киевской Руси. «Историк-марксист», кн. 2-я, 1937 г.

Н. Н. Воронин. — К истории сельского поселения феодальной Руси, изд. ГАИМК, Соцэкгиз, 1935 г.

Владимиро-Суздальская земля в X—XIII вв., Проблемы истории докапиталистических обществ, № 5—6, 1935 г.

Б. Д. Греков. — Феодальные отношения в Киевском государстве. Изд. Академии наук СССР, М.-Л. 1936 г.

В. А. Городцов. — Галицкий клад и стоянка. «Труды секции Археологии института археологии и искусствознания». РАНИОН, III, М. 1928 г.

Б. Греков и А. Якубовский. Золотая Орда. Соцэкгиз. 1937 г.

М. А. Дьяконов. — Очерки общественного и государственного строя древней Руси. 4-е изд., М.—Л. 1926.

А. Дубынин. — Раскопки Суздальского кремля. «Рабочий край», сентябрь, 1936 г.

Древнерусские летописи. Под редакцией Лебедева, 1936 г.

М. Ковалевский. — Хрестоматия по русской истории, т. I—II.

А. Казаченко. - Замечательный исторический урок (Ледовое побоище» и Невская битва). «Исторический журнал» № 3—4, 1937 г.

В. Ключевский. — Курс русской истории. Переиздание, ч 1—2 Соцэкгиза, 1937 г; Боярская дума древней Руси, изд. 5-е 1919 г.

Сказания иностранцев о Московском государстве, М. 1916 г.

Д. А. Корсаков. — Меря и Ростовское княжество. Казань 1879 г.

Краткий курс истории СССР под редакцией проф. А. В. Шестакова. Учпедгиз, 1937 г.

П. Г. Любомиров. — Торговые связи Руси с Востоком в VIII—XI вв. «Ученые записки Саратовского университета», т. I, вып. 3-й, 1923.

Летописец Переяславля-Суздальского, «Временник общества истории и древностей российских», кн. IX, М. 1851.

На фронте исторической науки. В Совнаркоме Союза ССР и ЦК ВКП(б), 1936 г., Партиздат ЦК ВКП(б).

А. Насонов. — Князь и город в Ростово-Суздальской земле. Сборник «Века», Л. 1924 г.

А. Е. Пресняков — Образование великорусского государства II. 1918. Княжое право в древней Руси. СПБ, 1909 г.

Полное собрание русских летописей, изданное Археологической Комиссией. Тома IV—XV.

М. П. Погодин. — Князь Андрей Боголюбский. «Ж. М. Н. Л. П.», 6-й

Разыскание о городах и пределах древних русских княжеств с 1054 по 1240 г. «Ж. М. В. Д.», ч. 23—24, СПБ, 1848.

Великий русский народ. «Правда» от 15 января 1937 г.

Д. Г. Рохлин и В. С. Майкова-Строганова. — Рентгено-антропологическое исследование скелета Андрея Боголюбского. «Проблемы истории докапиталистических обществ», № 9—10, 1935 г.

Д. Я. Самоквасов. — Древние города России. СПБ, 1873.

А. А. Спицын. — Древности бассейнов реки Оки и Камы. Материалы по археологии России, № 25, СПБ, 1901.

Спицын. — Расселение славянских племен по археологическим данным, «Владимирские курганы», изд. Заполного археологического общества, т. XV.

А. С. Уваров. — Меряне и их быт по курганным раскопкам. М 1872 г. «Археология в России». Каменный век. 2 тома. 1881 г.

Хрестоматия по истории СССР. Том I. сост. В. И. Лебедев, В. Е. Сыроечковский, М. Н. Тихомиров. Учпедгиз. М. 1937 г.

Б. Н. Чичерин — Холопы и крестьяне в древней России до XVI в. «Русский вестник» № 10, 1856.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. «Опыты по истории русского права», 1858 г.

С. М. Шпилевский — Старые и новые города и борьба между ними в Ростово-Суздальской земле. Ярославль, 1892.

А. В. Экземплярский — Великие и удельные князья Северо-Восточной Руси. Т. I—II, СПБ, 1889—1891.

Б. Эдинг — Сарское городище, Ростов-Ярославский. 1928 г.

Оглавление

Глава первая. Далекое прошлое Волжско-Окского междуречья . . . . . 3—34

Древнейшие обитатели края 3
Люди бронзового века 9
Переход от родового быта к государственному строю . . . 14
Культура славянских племен и их соседей 22

Глава вторая. Ростово-Суздальская земля в составе Киевского государства . . . . . 35—82

Варяжское завоевание славянских племен 35
Полюдье—сбор дани князьями и дружинниками 39
Введение христианской веры 47
Отражение степных завоевателей 55
Князь Ярослав Мудрый и появление „Русской Правды" (закона) 58
Стихийные народные восстания—ответ на усиление феодального гнета 66
Ростово-Суздальская земля — вотчинное княжество Владимира Мономаха. Князь Юрий Долгорукий 70

Глава третья. Возвышение Владимиро-Суздальского княжества в XII—XIII вв. . . . . 83—120

Образование Владимиро-Суздальского княжества. Андрей Боголюбский 83
Завоевательная политика княжеской власти 89
Дворцовый заговор и восстание 1175 г. Убийство князя Андрея Боголюбского 98
Всеволод III „Большое Гнездо" 105
Культура Владимиро-Суздальской Руси 110
Признаки упадка Владимиро-Суздальского княжества . . 115

Глава четвертая. Господство монгольских завоевателей в Восточной Европе и дробление Владимиро-Суздальского княжества . . . . . 121—156

Нашествие монгольских завоевателей 121
Хан Батый и завоевание им Владимиро-Суздальской Руси . 128
„Ледовое побоище" 132
Татаро-монгольское иго на Руси 144
Рост политического сепаратизма отдельных земель и княжеств 148
Владимир на Клязьме—центр православной церкви . . . 154

Глава пятая. Борьба за владимирский великокняжеский стол и подготовка условий к созданию русского национального государства . . . . . 157—195

Рост Московского княжества 157
Собиратель земли русской — князь Иван Калита (1325-1341) 161
Союз золотоордынских ханов с верхами духовенства . . . 165
Политика потомков Калиты 168
Ослабление Золотой Орды 172
Куликовская битва 1380 года 174
Дальнейшее развитие феодальных отношений 180
Политическая гегемония московских князей на Руси . . . 187
Борьба за власть в московском великокняжеском доме . . 190

Примечания 196

Хронология исторических событий 204

Источники и литература по истории Суздальской Руси 207

Общая редакция Г. И. Журавлева, доцента Ивановского педагогического института.

В. А. Галкин. Суздальская Русь. Государственное издательство Ивановской области. 1939 г. • Первое издание. Редактор А. П. Аверьянов. Уполномоченный Ивобллита № В-2513. Технический редактор Ф. В Жуков. Корректор Н. А. Смирнова. Сдано в набор 27 апреля—10 мая 1938 г. Подписано к печати 11—22 марта 1939 г. Инд. Эк.-3-в. Изд. № 17. Тираж 10000 экз. Уч.-авт л. 13,1. Печ. л. 13¼. Бумага 53×80/16. Бум л. 6⅝. Тип. зн. в 1 бум. л. 83072. Цена 3 р. 50 к. Переплет 50 коп. Типография издательства Ивановского облисполкома, г. Иваново, Типографская, 4. Заказ № 4020.